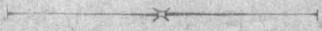

РАЗГОВОРЫ
ДИОГЕНА
ЛИБИТИСКОГО

СОЧИНЕНИЕ

Г. Виланда

6027

МОСКВА

в Типографии Пономарева

1812

аа

Мешера Кудрявца.

Государственная
Библиотека имени
В. И. Ленина

44074-46

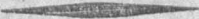
14841
—
43

3333

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

ИЗДАТЕЛЯ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣлъ я случай познакомиться въ Аббатствѣ Ордена Б*... въ С*... Эпохѣ монастырь по милости Генія вѣсело надеялся и притѣяго надеялся вѣка, которой снабдилъ его доходами, и хозяйственнаго духа, управлявшаго ими до селѣ, такъ богатъ, что можетъ содержать отъ 17 до 18 упитанныхъ туеядцовъ въ праздности, сдѣлавшейся почтенною по стародавнимъ предразсудкамъ, и въ глубокой безпечности о всемъ, что

происходитъ не въ его вѣдомствѣ въ Физическомъ и Моральномъ свѣтѣ. По введенному изспари обычаю находится въ этомъ монастырѣ Библиотека, копорая опличается болѣе обширностію, нежели хорошимъ расположеніемъ. Изъ новыхъ книгъ покупаютъ развѣ только нѣкопорой родъ Канониковъ, опшельниковъ и Испориковъ того Ордена. О хорошихъ книгахъ, о сочиненіяхъ великихъ умовъ не спрашивай. Ихъ совсѣмъ не впускаютъ; и естли по какому несчастному случаю какая нибудь изъ нихъ забредетъ въ такую разнородную бесѣду, то опецъ Библиотекаръ топчасъ запираетъ ее въ особой шкапъ, назначенной пемницею всѣмъ подобнымъ книгамъ, и для вящшей

безопасности приковываетъ
цѣпями. Да и въ самомъ дѣлѣ
не надобно симъ достойнымъ
Мужамъ для хорошихъ книгъ;
а ежели сказать правду, и со-
всѣмъ никакихъ для того упо-
требленія, которое дѣлаютъ
они изъ своей Библиотеки. По
этому-то чайтельно издерж-
ки на умноженіе оныхъ по-
чищаютъ они излишними, отъ
копрыхъ долженъ избавитъ
монастырь Аббатъ, желающій
ославитъ по себѣ славу добра-
го хозяина. По истинѣ думаю,
что только изъ уваженія къ
моли, которую совѣспяна
безпокоитъ въ древнемъ вла-
дѣніи; или можетъ быть изъ
опасенія, чтобъ по изгнаніи
ея опшуда не наверхспала она
своего убытка образомъ не
споль, незначущимъ для доб-
рыхъ нашихъ монаховъ, спа-

раюся предавать попомству помянутую Библиотеку почти все въ томъ же состояніи, въ какомъ ее нашли. Какъ бы то ни было, непоспужимой судьбѣ угодно было, чтобъ въ этой самой Библиотекѣ нашелъ я нѣчто, чего искалъ бы тамъ всего менѣе, и что въ самомъ дѣлѣ кажется такъ чрезвычайно, что я опасуюсь навлечь тѣмъ сумнѣніе на всю свою повѣсть, — умнаго и любопытнаго Библиотекаря. Чтобъ это нѣсколько располковать, долженъ я сказать, что по взгляду едва было ему 30 лѣтъ отъ роду. Радость моя о сей находкѣ была по справедливости чрезвычайна. Въ нѣсколько минутъ мы подружались, и я нашелъ, что доброй сей отецъ умѣлъ весьма хорошо пользо-

вапсья правомъ сбивапсь цѣпи
сѣ своихъ колодниковъ, когда
ему захочетсь бесѣдовапсь сѣ
ними на досугѣ. Онъ не былъ
еще пѣмъ, что можно соб-
спвенно назвапсь просвѣщен-
ною головою. Однако заря на-
чинала въ немъ уже дѣйспви-
пельно восходипсь, и я пвердо
надѣялся, что пришедши въ
другой разъ въ монастырь,
найду большую его часпсь освѣ-
щенную; но въ ожиданіи сво-
емъ обманулся. Его началь-
ники, каковы бы они впро-
чемъ ни были, однакожъ не
были споль глупы, чтообъ не
примѣнипсь того, что въ мо-
ихъ непросвѣщенныхъ глазахъ
дѣлало сего мужа достойнымъ
почтенія. Это успрашило. За
семь или восемь вѣковъ не
случалось ни одинъ разъ,
чтообъ какой монахъ сего мо-

наспыря хотѣлъ бытъ умнѣе своей братіи. Какія слѣдствія могла имѣть такая новость! Обозрѣли ихъ однимъ взглядомъ и испугались, думая, что надлежитъ какъ возможно ускорить оповращеніемъ поль великаго зла; словомъ, почтенному * * поручена внезапно другая должностъ, а Библиотекаремъ назначенъ начальникъ надъ поварнею.

Не лзя было сдѣлать выбора щасливѣе этого. Онъ былъ человекъ предобрый, преглупый, и глупостию своею предовольный. Кромѣ своего Требника и Поваренной книги Маркса Румпеля не читалъ онъ ничего въ своей жизни, и не могъ понять, какъ можно бытъ такимъ людямъ, которые порпящъ себѣ глаза безполезнымъ чтеніемъ книгъ.

Какъ однакожъ пріятно показывать всему причину, по во извиненіе свое утверждалъ, что любовьденіе и происходящая отъ того охота къ чтенію книгъ есть ни болѣе ни менѣе, какъ одна изъ шѣхъ хитрыхъ сѣтей, которыми окаянной сапана спарается уловлять души и поработать своей власи. Невѣжество было по его мнѣнію по состояніе блаженной простоты и нищеты духа, которому обѣщана преславная награда на помѣ свѣтѣ; и онъ говорилъ, что удобнѣе велбуди сквозь и глиныя уши пройти, нежели ученому въ царство небесное войти. Словомъ, хотябъ искалъ во всей Европѣ, не нашлѣбъ можеть быть такого Библиопекаря, каковъ энопъ.

По врожденной склонности ко всѣмъ, въ своемъ родѣ чрезвычайнымъ людямъ, очень скоро познакомился я съ новымъ Библиошпекаремъ также, какъ и съ его предмѣспникомъ. Я бранилъ Фебронія, а хвалилъ глупую книгу Г. * * * Болѣе не надобно было, чшобъ пріобрѣсть себѣ у него лучшее мнѣніе. Но правду сказать, было у меня еще другое намѣреніе, безъ котораго можешъ бышь не былъ бы я такъ снисходителенъ. Въ Библиотекѣ находилось еще два шкапа съ рукописями, между которыми, какъ слухъ носился, было нѣсколько рѣдкихъ сочиненій. Я могъ себѣ представить, чего надлежало мнѣ ожидать; но хотѣлъ попытаться. Я сполько угождалъ опцу Библиошпекарю, ко-

порой въ самомъ дѣлѣ былъ
 человекъ добросердечной, что
 онъ опперѣ мнѣ свои шкапы.
 Я нашелъ по, что себѣ во-
 ображалъ, прекрасные писан-
 ные Молишвенники, Чешьи
 Минеи, сухія Лѣтописи оиѣ
 Сопворенія Мира, *Quaestiones Me-
 taphysicales de principio individua-
 tionis, de formalitatibus. commen-
 tarios in libros sententiarum in
 parva Naturalia Aristotelis, abbre-
 viationes decretorum*, и сто дру-
 гихъ подобныхъ *Lauticias*, ко-
 порыхъ только заглавія до-
 вольсповоался я прочесъ. Ког-
 да я хотѣлъ уже оспавить
 всякое дальное исканіе, по
 худой видѣ понкаго успава
 въ чешверку, или паче по же
 побужденіе, которое Сократъ
 называлъ своимъ Геніемъ, по-
 нудили меня почти только
 махинально вынупъ его, чтообъ

узнать, что это такое. Книга была безъ начала и конца. Имя Діогеново и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ бы я въ ней не искалъ, сдѣлали меня внимательнымъ на дурную Лапынь. — Я прочелъ одну или двѣ самыя малыя главы, и увѣрился совершенно, что нашелъ чайшелою лучшую изъ всѣхъ рукописей.

Я нарочно не показывалъ вида Библиопекарю, которой безъ платна мало за мной примѣчалъ; сколько важна для меня эта находка; почему и не трудно мнѣ было испросить у него позволеніе взять ее съ собою на нѣсколько дней для прочтенія. И теперь благосклонный Ч и ш а п е л ь знаетъ, какъ какъ и я самъ, какимъ образомъ досталась мнѣ ша спаринная рукопись,

съ которой предлагаю ему здѣсь Нѣмецкой переводѣ.

Я называю ее старою рукописью по той же почти причинѣ, по которой опкло-нилъ возраженіе Ледиворшлей прошивъ древности монетъ въ тогдашнемъ Императорскомъ Кабинетѣ; пошѣ Ан-пикварій, о которомъ упоми-наеиъ она въ принадлежапомъ своемъ письмѣ. Онѣ довольно древни, сказалъ онѣ; ибо сколько мнѣ извѣстно, были онѣ уже шумѣ лѣтѣ сорокъ. Смѣло могу сказать, что сія рукопись по меньшей мѣрѣ не многимъ моложе нѣкоп-рыхъ переводовъ Ариспопеле-выхъ книгъ съ Арабскаго язы-ка. Ибо, сколько я могъ усмо-трѣиъ изъ оспальнаго оприв-ка Предисловія, Авторѣ обв-являетъ, что сіи разговоры

перешолмачилъ онъ на хорошую Лапынь, каковой тогда обучались въ Саламанкѣ, съ Арабскаго манускрипта, коптой онъ нашелъ въ Фецкой Библиошкѣ и списалъ.

При семъ случаѣ приходитъ мнѣ на память изъ Діогена Лаерція, что Діогенъ Синопскій, именуемой псомъ, писалъ между прочимъ и разговоры. Теперь надобно мнѣ было только, по правиламъ превращенія возможнаго въ дѣйствительное, вообразить себѣ, что сіи разговоры были безъ сомнѣнія въ числѣ тѣхъ Греческихъ манускриптовъ, которые славной Багдадской Калифъ Алманумъ велѣлъ собирать съ большимъ издвигеніемъ и переводить на Арабской языкъ; что одинъ экземпляръ Арабскаго перевода опи-

данъ послѣ въ шу великопную Библиотеку, копорая, говорящъ, заведена въ царство Маврипанскаго Сулпана Алманзора; и что эпошъ экземпляръ былъ пошъ самой, съ котораго мой безвменной Авторъ сдѣлалъ свой переводъ.

Естьлибъ я былъ охотникъ къ Диссерпаціямъ о такихъ вещахъ, копорыхъ знать не можно, то не очень прудно былобъ мнѣ сдѣлать себѣ самому множесво возраженій прошивъ сего произвольнаго положенія. Однакожъ самымъ важнымъ было бы то, копорое можно заимспвовать опъ характера, копорой сохраняешъ Діогенъ въ сихъ разговорахъ.

Ибо обыкновенное поняшіе, копорое дѣлаемъ мы себѣ о нашемъ Діогенѣ Синопскомъ

по извѣстіямъ Диогена Лаерція и Аѳенея, разнишя отъ того, которое подають о немъ сіи разговоры сполько же, сколько комедія отъ игрища, язвипельной Сократъ отъ распушнаго Аристофана, Арлекинъ Мариво отъ Гаера спариннаго Вѣнскаго Театра, и угрюмой, но тонкой и благонаравной насмѣшникъ челоувчскихъ дурачествъ отъ скарднаго и глупаго нелюдима.

Еспьлибъ вѣришь неразсудипельному сборщику Біографіи Философовъ и болпливому Грамматику, копорой въ своихъ Дейгнософистикахъ приписывають древнимъ Мудрецамъ споль много нелѣпыхъ дѣяній: то Диогенъ Циникъ былъ конечно самой презрипельный, бѣшеной, скардной и несносной челоувкъ, копо-

рой когда либо наносилъ укоризну челоѳчеству, и потому было бы весьма непоняшно, какъ эпопѳ самой песѳй челоѳкѳ могъ говоришь и дѳлашь такія умныя дѳла, какія являющѳ о немъ древнѳ Писатели, и опѳ чего произошло по почпенѳ, которое имѳли къ нему и самыя умныя люди.

Но къ щастѳю для его памяши, вышепомянутыя Писатели, которые дѳлающѳ намъ такое гнусное изображенѳ о семъ ученикѳ и послѳдователѳ Сократава Анписѳена, не заслуживающѳ столько вѳроянѳя, чѳобѳ ослабишь тѳ причины, которыми подкрѳплено лучшее мнѳнѳе, какое возимѳли о немъ нѳкоторыя новѳйшія ученые люди первой степени. Кто хочетѳ читатѳ о семъ дѳлѳ обстоятельное

доказательство, можетъ удо-
вольствоваться свое любопы-
ство тѣмъ, что о семъ пи-
сали Гейманъ и Брукеръ. Для
насъ довольно здѣсь пропиво-
положить слабому уваженію
тѣхъ двухъ древнихъ Грековъ,
(копрыхъ прочее достоин-
ство намъ весьма извѣстно)
несравненно большій вѣсъ
двухъ мудрыхъ Мужей Гре-
ческой древности, которые
подають намъ совсѣмъ иное
понятіе о нашемъ Диогенѣ.

Одинъ изъ нихъ Аріанъ,
мужъ, копорой по личнымъ
своимъ достоинствамъ при
Императорѣ Адріанѣ, пожало-
ванъ Губернаторомъ Каппадо-
кійскимъ; а что еще болѣе
того, былъ ученикомъ и дру-
гомъ мудраго Эпиктета, и въ
самомъ дѣлѣ Ксенофонтомъ
сего впораго Сократа. Я не

люблю выписывать; Чипателли, которые могут сами почерпать из источника, прочтя 22 и 24 Главу прешней книги его Эпикшета, увидят, какое величественное и даже любезное изображение дѣлает онъ о нашемъ Философѣ. Они найдутъ, что въ первой изъ помянутыхъ Главъ, въ которой пишетъ о настоящемъ Цинизмѣ, доказательно защищая его отъ упрековъ, которые обыкновенно выводятъ отъ нравовъ поздныхъ Циниковъ, ясно даетъ онъ знать въ разныхъ мѣстахъ, что Диогенъ былъ такой человекъ, какимъ изображаетъ онъ прямого Циника, и что во второй, въ которой онъ обстоятельно разпространяется о точномъ характерѣ Диогена, изображаетъ онъ его съ тою

же любовію кѣ независимости, свѣ пою же опкровенностию и крѣпостию духа, свѣ пою же доброю сердца, свѣ шѣми же чувствованіями челоуѣколюбца и гражданина свѣта, которыми плѣняетъ онѣ насѣ въ сихѣ разговорахѣ и приобрѣтаетъ нашу любовь, не смотря на всю его спранность и угрюмство. Да хопябѣ Аріанѣ, какѣ мы охотно соглашаемся, изобразилѣ его только свѣ хорошей стороны; однакожѣ все нѣтъ въ помѣ сомнѣнія, что онѣ конечно нашелѣ основаніе кѣ тому въ дѣйствительномѣ историческомѣ характерѣ Діогена; ибо не выбираютѣ образцемѣ Терсипа, когда хопятѣ написать хорошаго челоуѣка.

Вспорой Авторѣ, котораго прошивополагаю я поносише-

лямъ нашего Мудреца, есть
 философъ Демонаксъ, ко-
 раго характеръ въ особенномъ
 сочиненіи описалъ намъ съ
 Ксенофоновымъ духомъ и
 Плутарховою красотою Луки-
 анъ, мужъ весьма достовер-
 ной, когда говоритъ о комъ
 хорошо; ибо это рѣдко съ
 нимъ случается. Хотя сей
 мудрый человекъ не былъ осно-
 вателемъ Секты, и весьма по-
 чиналъ Метафизическія умо-
 зрѣнія; однакожъ никто изъ
 читавшихъ сказанное намъ о
 немъ Лукіаномъ не спанетъ
 спорить, что онъ заслужи-
 ваетъ то хорошее мнѣніе,
 которое подаетъ о немъ сей
 острый и недовѣрчивой цѣ-
 нитель нравственнаго досто-
 инства человѣческихъ вещей.
 Если же свидѣтельство се-
 го Демонакса не подлежитъ

никакому сомнѣнію, то и сужденіе его о Діогенѣ должно бытъ споль важно, что пере-вѣситъ всѣ скаредныя сказки и площадные анекдоты, на копорыхъ основано то унизи-тельное мнѣніе, копорое обык-новенно о немъ имѣютъ. Лу-кіанъ упоминаетъ о нѣкопо-рыхъ черпахъ, копорыя по-казываютъ опмѣнное почпе-ніе Демонаксово къ Діогену. Мы довольствуемся выписатьъ изъ нихъ только двѣ. Рѣчь наспожала нѣкогда о старин-ныхъ Философахъ, и копорой изъ нихъ болѣе всѣхъ заслу-живаеиъ уваженіе. Что ка-саеиъ до меня, сказалъ Демо-наксъ, я почиаю Сократа, удивляюсь Діогену, и люблю Ариспиппа. А когда хотѣли поставитъ ему въ Олимпѣ спашую, то опклонилъ онѣ

сію честь для того, чпобѣ ихъ предкамъ не послужило это къ стыду, чпо они не воздвигли монументовъ Сократу и Діогену.

Ежели пропивъ такихъ свидѣтельствъ все еще остается по возраженіе, чпо не лзя въ противность всѣмъ Писателямъ древности отрицать, чпо Діогенъ вообще находился у своихъ современниковъ въ худомъ мнѣніи, и болѣе почитали его за глупаго чудака, нежели за умнаго человека: по мы хотя на это и согласимся, но онъ не лишился ни мало того уваженія, которе внушило намъ къ нему благопріятное сужденіе меньшаго числа людей. Какое понятіе должно бы было имѣть о самомъ Сократѣ, естли бы мы спали судить о

немъ по пому, котораго Аристофанъ ввелъ на Театръ въ своихъ облакахъ, или по доносу Анипа и по приговору его судей? Надобно бы пому имѣть мало познанія свѣта, кѣмъ бы не вѣдалъ, что не многія черны спрранности и уклоненія отъ обыкновенныхъ обрядовъ нравственнаго поведенія достапочны представитъ въ дурномъ видѣ и самаго лучшаго мужа. Примѣръ славнаго Жанъ Жака Руссо, уроженца Женевскаго, мужа, которой можетъ быть въ самомъ дѣлѣ и въ половину не такъ спраненъ, какъ вамъ кажется, опимѣнно обьяснилъ это положеніе. А въ предлагающихъ разговорахъ услышимъ мы, что самъ Диогенъ разсуждаетъ о сей матеріи во многихъ мѣстахъ такъ хорошо, что едва останешся ли

какое неразрѣшенное сумнѣ-
ніе у того, кто не положилъ
себѣ закономъ принимаѣть
только собственное свое мнѣ-
ніе.

Но при всемъ томъ съ
охотою признаюсь, что Дио-
генъ сихъ разговоровъ кажет-
ся мнѣ самому довольно иде-
альнымъ Диогеномъ: дѣй-
ствительноль предложилъ его
Лашинской переводчикъ съ
Арабскаго языка, а Арабской
съ Греческаго оригинала, или
одинъ изъ сихъ переводчиковъ
(что кажетъ мнѣ однако
не вѣроятнымъ) самъ Авторъ
сего сочиненья. Что нѣко-
торыя черты подкрашены,
то очевидно; а чтобъ упопре-
бить всевозможную искрен-
ность съ Чипапелемъ, не мо-

гу и не долженъ я скрипъ опъ него, что я самъ пакъ, какъ и оба переводчики, мои предшеспвенники, можешъ бышь болѣе по нуждѣ, нежели умышленно, имѣю болѣе учаспія въ шомъ, что сіи разговоры довольно отспуаюпъ опъ подлинника, нежели сколько позволяешъ вѣрность, копорой обыкновенно пребуоупъ опъ переводчика. Не обинуясь скажу: я опасуюсь, что они имѣли почти шу же учаспъ, каковой подвергнулась, говоряпъ, Испорія о Чумичкѣ, по словамъ Французскаго ея издашеля. Весьма вѣрояпно, что первой Арабской переводчикъ, хопябъ онъ имѣлъ всевозможное искусство, нашелъ, по великой разности своего языка съ Греческимъ,

непреодолимую трудность перевести хорошо сочинение такое странное. И такъ о немъ чайпельно сказано было: *Ex Graecis bonis fecit Arabicos non bonos*. Я думаю, что и Лапшинской переводчикъ имѣлъ не лучший успѣхъ. Правду скажешь, судя по его слогу, конечно онъ былъ плохой Лапшинчикъ; не смотря на то, что какъ Магистеръ въ ново-заведенномъ Университетѣ, каковъ былъ тогда въ Саламанкѣ, кажется довольно надувалъ свои щеки въ предисловіи.

По свойству большей части нашихъ новѣйшихъ переводчиковъ кажется, что онъ не разумѣлъ ни того языка,

съ котораго, ниже того, на
которой переводилъ, а всего
менѣе понималъ смыслъ своего
подлинника.

Въ премногихъ мѣстахъ
видно, что въ его грубыхъ
рукахъ поперяны шамъ чая-
пельно тонкая мысль, или
щаспливой оборотъ, или ка-
кая нибудь иная пому подоб-
ная невидимая красота; а во
многихъ мѣстахъ онъ совер-
шенно невразумителенъ и безъ
смыслу, не заботясь ни мало
о томъ, что Чипапели на
по скажутъ. Чайпельно не
представлялъ онъ себѣ, что
его будутъ чипать, или какъ
Французской переводчикъ
Мюзариона переводилъ худо
только для себя и своихъ

пріятелей, а не для Публики. Какъ бы то ни было, но я вѣрно сдѣлалъ бы свѣту самой плохой подарокъ, какой только можно себѣ вообразить, если бы, обольстясь честию быль издапелемъ старинной Лашинской рукописи, опдалъ ее въ печать.

И такъ, поелику сей Діогенъ казался того достоинъ, принялъ я на себя трудъ лучше переработать его совсѣмъ, и по крайности моихъ силъ и знанія заставилъ говорить его по Нѣмецки, такъ какъ себѣ воображалъ, что по меньшей мѣрѣ заставилъ бы его говорить сносной Греческой

Софисты изъ Алкифроновыхъ
временъ.

*Писано въ Фрейбургѣ въ
Ужтландіи*

18 Сентября 1769 года.

ΣΟΚΡΑΤΗΣ ΜΑΙΝΟΜΕΝΟΣ.

1.

Какъ мнѣ пришло въ голову написати свои приключенія, наблюденія, чувствованія, мнѣнія, бредни, свои глупости, — ваши глупости, и — премудрость, копорой научился можешъ быти избѣихъ, о помѣ — надлежало бы мнѣ сказаши вамъ прежде всего, естли бы только была у меня бумага, на копорой могъ бы писати. — Однако безъ бумаги можно бы легко обойтись,

есълибѣ только были наво-
щенныя таблицы, или дре-
весная кора, или кожа, или
пальмовыя листья; — а за не-
имѣніемъ того годилась бы бѣ-
лая жестъ, мраморъ, слоно-
вая кость, или даже и лещад-
ки; ибо на всемъ этомъ пи-
сывали въ спарину, когда еще
нужнѣе было писатъ основа-
тельно, нежели много. Но по
нещасію нѣтъ у меня ниче-
го изъ сихъ пищихъ матеріа-
ловъ; да хошябъ они у меня
и были, то не могъ бы ихъ
употреблять за неимѣніемъ
ни пера, ни грифеля, ниже
другаго инаго орудія, кромѣ
сего кусочка мѣла. — Плохое
дѣло! — Но чшобъ сдѣлалъ я,
есълибѣ ничего этого на
свѣтѣ не было? Конечно всего
короче было бы не писатъ. Но
я неопимѣнно хочу писатъ. —

На песокъ писать? — это возможно. Я знаю отъ двухъ до трехъ сотъ молодыхъ и старыхъ писателей, которымъ хотѣлось бы отъ всего сердца совѣтовать, чтобы употребили сей способъ, потому что они рѣшились уже писать такъ какъ я, — или можетъ быть должны писать. — Но при всемъ томъ есть такая неудобность. — Дурачина! что еще долго думаю, не видя, что моя бочка довольно просторна для вмѣщенія цѣлой Иліады, если бы я могъ только писать довольно мѣлко. — Спаянъ писать на своей бочкѣ; — бока ея и безъ того такъ голы, безъ рѣзьбы, безъ позолопы, безъ ковровъ, безъ живописи; — въ самомъ дѣлѣ слишкомъ голы. — Развѣ я хуже того червяка, изъ копо-

раго пряденой мокроты дѣлають пѣткани, коими одѣвають свои палапы наши Аргонавты? — Червякѣ самѣ себѣ прядетѣ свой домѣ, я ему вѣ помѣ завидую; эпого не могу сдѣлать; но могу убрать свой домѣ собспивенными бреднями, и эпо сдѣлаю, по крайней мѣрѣ, покуда не изойдетѣ эпошѣ кусочикѣ мѣлу.

И подлинно было бы мнѣ досадно, еспьли бы извѣ всѣхѣ двуногихѣ живопныхѣ безперыхѣ на семѣ земномѣ кругу, или яйцѣ, или на сей земной шарелкѣ — (пусть эпо рѣшатѣ пѣтѣ господа, копорымѣ нечего дѣлать, и копорые не могутѣ быть праздны —) нашлось хоть одно, у копораго было бы меньше потребностей, нежели у меня. Дѣло

прекрасное не имѣшь надобно-
стей; или ешьли уже безъ
того обойпись не лзя, имѣшь
ихъ нѣскольکو, или по край-
ней мѣрѣ не болѣе, нежели
скольکو необходимо имѣшь
должно, и занимаешься ими
какъ возможно меньше. Это
сперва прудновапо, попому
что вы къ пому не рожде-
ны; — но какимъ прудамъ
не подвергается помъ дуракъ,
копорой взялъ себѣ въ голову
умереть богатымъ? Скольکو
пруда причиняешь себѣ ду-
ракъ Федрій, сперва прекло-
нишь въ любовь свою двуш-
ку, по помъ ее удовольство-
вать, а послѣ сперечь? Чего
стоишь другому дураку сдѣ-
латься опцемъ опечесва избъ
кожевника, или поргующаго
пряными кореньями? или дру-
гому подбишься въ милоснь

Сапрапа? — Сугубые дураки! св половиною шого шруда, копорымъ они себѣ наживаюшъ тысячу дѣйствительныхъ и мечтательныхъ безпокойствъ, кромѣ еспесственныхъ, безъ копорыхъ и пакъ не лзя обойпись, моглибъ они приобрѣсть на весь свой вѣкъ шакое блаженство, которое сколько возможно ближе подходитъ къ божескому.

Ибо что боги для шого блаженны, что имъ нечего инаго дѣлать, какъ вѣчно набивать себѣ брюхо амброзією, вѣчно напиваться нектаромъ и нюхать оміамъ, копорой имъ вѣчестъ сожигаемъ, — этому вѣряшъ ихъ жрецы, шакъ какъ и я. Они блаженны пошому, что имъ ничего не надобно, что они ничего не бояшся, ничего не надбюш-

ся, ничего не желаюшъ, все въ самихъ себѣ находяшъ, — и я такъ же блаженъ, сколько можетъ быть блаженъ бѣдной смертной, которому надобенъ хлѣбъ или коренья для того, чпобъ жить, епанча чпобъ не замерзнуть, шалаши, или по меньшей мѣрѣ бочка, чпобъ лечь въ сухомъ мѣстѣ и — самка его роду, ежели хочешъ размножать родъ человеческой.

При всемъ томъ я доволенъ, чпо дошелъ до того, чпо на голодъ и жажду надобны мнѣ только коренья, пропивъ наготы только епанча изъ дерюги, пропивъ вѣпру и ненастья только бочка. Чпо касается до четвертой спашьи, объ ней не любяшъ ваши спепенные люди говорить, а благоразумной чело-

вѣкъ думаетъ о томъ, сколько можно меньше; — и еслили долженъ думать, такъ добрая наша мапушка Природа и то заготовила; какъ я могъ бы вамъ доказать хорошенькимъ примѣрцомъ, еслилибъ не опасался — что вы станете ревновать.

2.

Еслили бы кто взялъ себя въ голову сдѣлаться умнымъ въ угодность другимъ людямъ — чтобъ на примѣрѣ сдѣлать свое щастіе, или привесить себя въ почтеніе у людей, или избавишься отъ ихъ хулы, — то я совѣтовалъ бы ему присѣсть и это оставишь. Ибо прозакладываю свою копомку и палку, п. е. все свое имѣніе на бобовину, — еслили вы только не Пива-

горцы, — чїпо попереяете вѣ
шомѣ свой шрудѣ однимѣ
или другимѣ образомѣ. — Либо
прїобрѣтете почтенїе свѣта,
и тогда надлежало бы мнѣ
быть всесвѣшнымѣ обманщи-
комѣ; или будете одолжены
сею честїю своимѣ деньгамѣ,
или своему соспоянїю, или
званїю, или женѣ, или сестрѣ,
или хорошему своему виду,
или дарованїю пѣшь, панцо-
вань, играть на флейтѣ, или
скакать сквозь обручъ, или по-
падать вѣ шило просяными
зернами, или всему иному, а
не благоразумїю своему; — или
есшьли, по милости Божїей,
дѣйствительнѣ достигнете
премудрости: то не лзя бу-
детѣ убѣдить свѣтъ, чїобѣ
онѣ не почиалѣ васѣ дура-
ками; для чего хорошо сдѣ-
лаете, когда станете послѣ-

доваць Діогену ; — а имянно попому шчоно , чпо Діогенъ не дуракъ , и о помъ заботишся . Ибо , любезные друзья , еспьли бы добивался онъ вашего одобренія , онъ , копорой не можетъ раздаваць вамъ милостей , потчиваць сполами , доставляць Персидскихъ винъ , хорошей жены , — то надлежало бы ему вершеть ваши ручныя мбльницы , или работаць въ вашихъ рудокопныхъ заводахъ , или загоняць вашихъ Нимфъ въ ограду , или способствовать варенію вашего желудка своими рассказами ; — а съ позволенія вашего онъ почиаетъ за благо не дблать ничего эпого и пому подобнаго , нашедши способъ не имбть надобности въ вашемъ одобреніи .

Дѣло совсѣмъ иное въ
разсужденіи пріятельницѣ;
Хотя и не бытъ пригожимъ,
или богатымъ, или знапнымъ,
или одѣтымъ въ пурпуръ и
висонъ, или не пахнутъ лоде-
лаваномъ, или не имѣтъ на
головѣ прически, или вообще
головы, поелику въ ней дол-
женъ бытъ умъ, или какого
нибудь дарованія, которое и
женщина имѣтъ можетъ; по
естъ, благодаря вашему до-
бросердечію, милыя твари,
вѣрное средство заслужишь
ваше одобреніе, и — словомъ,
мы, думаю, разумѣемъ другъ
друга, и естълибъ непріате-
ли просперли когда либо свою
злобу до того, чѣтобъ нѣко-
шорыми клеветами хотѣли
меня лишитъ добраго вашего
мирънія: по надѣюсь, чѣто все
еще нѣкоторыя изъ васъ бу-

Г

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

душѣ споль великодушныи ,
что возмушѣ меня въ свое
покровишельство , и шепнушѣ
на ухо своимѣ сеспрамѣ , что
Диогенѣ — не совсѣмѣ безѣ
достоинствѣ.

3.

Впрочемѣ , и что касаетс-
ся до премудрости , господа
Коринтскіе , Аѣинскіе , Спар-
танскіе , Фивскіе , Мегарскіе ,
Сикіонскіе , и проч. и вы , ко-
торыхѣ для чести долженѣ
бы я назвашь прежде , любез-
ные мои Синопскіе соопчичи , —
позвольте мнѣ сказашь вамѣ ,
что я споль много чувствую
честь бышь со всѣми вами
одного племени , что не могу
пребывашь болѣе премудрости ,
нежели сколько необходимо
надобно для собственнаго мо-
его обихода . А естлибѣ мог-

ло бытъ ея нѣсколько и къ
вашимъ услугамъ: по при-
знаюся опкровенно, что симъ
я обязанъ единственно тѣмъ
примѣчаніямъ, къ копорымъ
вы подали мнѣ случай, глядя
на васъ, какъ вы поступали.
Обыкновенно примѣчалъ я по-
слѣ, что могъ бы вамъ пред-
сказать, хотя я и не Эдипъ, —
что вы раскаивались, что
такъ поступали, и заключалъ
изъ того натурально, „Что
вы лучшебъ сдѣлали, естѣ-
либъ иначе поступили.“

Изъ того собралъ я нѣ-
сколько примѣчаній, и при
удобномъ случаѣ буду вамъ
сообщать сколько, сколько
думаю, что вдругъ снести
можете.

А между тѣмъ, и чпобъ
возвратиться къ поводу, ко-
торой имѣлъ я ко всему эшо-

му разсужденію, не могу обой-
тись, чѣнобъ въ пользу про-
стаковъ не сказапъ, чѣно по-
слѣ того, какъ моему другу
Плапону угодно было сдѣлапъ
мнѣ чеспъ и назвапъ меня
бѣшенымъ Сократомъ, нѣко-
порыя полуголовы въ пред-
мѣспіяхъ Коринѣа, а можетъ
быпъ и въ самомъ городѣ спа-
раюпся, кажепся, рачипель-
но спавапъ на мой щепъ мно-
жеспво дурачеспвѣ собспвен-
наго ихъ произведенія; а пѣмъ,
копорыми дѣйспвипельно за-
нимаюсп, давапъ шакой видѣ,
въ какомъ не могу признапъ
ихъ за свои. — Прискорбно
мнѣ было бы, еспълибъ то,
чѣно о семъ скажу, могло имъ
быпъ непріяпно. Ибо примѣ-
чаю, чѣно въ сей маленькой
забавѣ имѣюпъ они большее
намѣреніе. Они могутъ щѣмъ

удобнѣ показати свой разумѣ въ спрогомѣ сужденіи возводи-
мыхъ на меня дурачествѣ; или свою оспрошу въ ихъ осмѣяніи; — пользуюсь при семъ шюю выгодою, какую имѣетъ попѣ, кто самъ себѣ выбираетъ соперника, котораго хочетъ побѣдити. Онъ можетъ себѣ приискавъ почно такъ слабаго и неискуснаго, каковъ ему надобенъ для одержанія побѣды. П о е л и к у было бы не дружелюбно, естѣлибъ я хотѣлъ мѣшати имѣ въ этой маленькой попѣхѣ: по все, что скажу, по номеръ 4 будетъ сказано безо всякаго предосужденія праву ихъ въ шомѣ, а только въ пользу шѣхъ, которые желалибъ меня знать, да не имѣютъ удобства бѣхати за шѣмъ въ Коринѣ.

И такъ признаюсь, что за нѣсколько лѣтъ старался я о томъ, „Какъ бы сдѣлать себя по возможности независимымъ.“ Я нашелъ, что это возможно на нѣкоторыхъ условіяхъ, и что сіи условія отъ меня зависятъ.

Я не долго размышлялъ. Нашедши свою теорію, тотчасъ сдѣлалъ то, что весьма не многіе изъ вашихъ нравоучителей дѣлаютъ; — началъ ее исполнять, и безъ хвастовства сказать, въ двадцать лѣтъ успѣлъ споль много, что, какъ видите, живу очень покойно въ бочкѣ, питаюсь бобами и кореньями, а при томъ за неимѣніемъ спакана черпаю свой нектаръ ладонью изъ ближняго колодца. Но за то и пользуюсь выгодами независимости. Мнѣ не-

нужно васъ обманываешь, и я увѣренъ, что вы также меня обманываешь не спанею. Я ничего отъ васъ не жду, ничего отъ васъ не пребую, ничего отъ васъ не опасуюсь. — Ибо какому бѣдняку надобнобы бытъ тому, ктобы захотѣлъ украситъ у меня мою палку и копомку съ бобами и хлѣбными крохами? Естлибы паче чаянїя выискался кто нибудь, и по бѣдности впалъ въ такое искушенїе, то я готовъ уступитьъ ему добровольно и то и другое. Въ ближнемъ лѣсу найду опять палку, а изъ полы своей епанчи сдѣлаю себѣ другую копомку, шакъ убытокъ и награжденъ. — Словомъ: не вижу, для чегобы намъ не бытъ лучшими друзьями. Чегобы вы ни домогались, Диогенъ вамъ не помѣ-

шаешъ. Ищете, буде хоще — совѣщивать вамъ никогда не стану — Архонпскаго, жреческаго, полководческаго мѣста, мѣста въ поспели прекрасной женщины, или богатой Госпожи, или Дамы, которая сдѣлаешъ вамъ за двадцать минъ то, что сдѣлала Діана Эндиміону — ищите милости въ Сатрапѣ, или Королѣ, или Королевѣ, или самаго вѣнца, или же и помѣщенія между богами — вы знаете, что это купить можно; — словомъ, ищите всего, что вамъ угодно, Діогенъ никогда не будетъ вамъ соперникомъ. Діогенъ человекъ самой безвредной и незначущей — кромѣ того, что при случаѣ скажетъ правду; — и хоща тѣмъ самимъ не будетъ ни мало способствовать къ ва-

шнему удовольствію, однакожъ, и а ж е п с я, заслуживалъ бы, чпобъ вы дали ему пользо-вашься безденежно воздухомъ и солнечнымъ сіяніемъ и позволили ложиться подъ деревомъ, которое можешъ бытъ насадилъ его дѣдъ.

4.

Не сказалъ ли я вамъ прежде, чпо Діогенъ Синопской сынъ Ицеша, — котораго глупостей не желаю впрочемъ сдѣлать лучше того, каковы онъ въ самомъ дѣлѣ — не совсѣмъ такъ глупъ, какъ Господамъ и Дамамъ Крапейскимъ угодно заключають по нѣкоторымъ чертамъ его образа мыслей.

„Эпошь человекъ, говорящъ они, пришворяется чудакомъ;“ — а вы государи

и государыни мои припворяешесь честными и добродѣтельными.

„Онъ бросилъ деревянной свой спаканъ, увидѣвши нищаго, пившаго съ ладони“ — эпомъ поступокъ съ позволенія вашего нѣсколько обезображенъ. Спаканъ надобно было бросить, потому что онъ разкололся, и какъ въ ту же минуту не могъ онъ другаго найти; но къ щасію увидѣлъ честнаго земнороднаго, у котораго научился пить безъ спакана. Умной человекъ всегда найдетъ случай чему нибудь научиться, и увѣряю васъ, сударыня, что всю Философію Аристиппову перенялъ я у вашей любимой собачки. — Но положимъ, что я бросилъ спаканъ для того, что могъ безъ него обойтись — Клеонъ,

которой пьеть теперь изб
золотаго спакана за шѣмь,
что способствовалъ осудить
невиннаго Никія, былъ бы еще
честнымъ человекомъ, есль-
ли бы, такъ какъ я, могъ
пить съ ладони. „Онъ мисо-
гинъ“ (*) ха, ха, ха. —

„Онъ нарочно говоритъ
всѣмъ людямъ, чего они слу-
шаютъ не любятъ;“ — Развѣ
я виноватъ, что они не лю-
бятъ слушать правды?

„Онъ живетъ въ бочкѣ;“ —
это, какъ видите, сороковая
бочка, и для человека, у ко-
тораго нѣтъ семейства и ни-
какого дѣла, довольно проспор-
на. Положимъ, что я хотѣлъ
сдѣлать опытъ, что въ слу-
чаѣ нужды и самое шѣсное

(*) Человекъ, которой ненавидитъ
женской полъ.

жилище довольно велико для честнаго человека. — Знаю, добрый Ксеніадъ! что естли бы за старостию, или болѣзнію понадобилось мнѣ жилище покойнѣе этого; по Диогенѣ найдетъ въ дружескомъ, госпепріимномъ домѣ своемъ успроенную для себя горенку. Теперь, когда не имѣю въ помѣ надобности, пусть будетъ въ сіи ясные лѣтніе дни зеленой дернъ моею софою, копорая набила мягкою правою и цвѣтами; а кипарисъ пусть распространяетъ вокругъ меня здоровую тѣнь! Тутъ я вбираю въ себя прохлаждающее дыханіе Природы; крышка у меня сводъ небесъ, и когда такъ лежу, и взоръ мой пробѣгаетъ безконечныя ихъ бездны: по духъ мой бываетъ

открышь, шихъ и непомраченъ, такъ какъ и они сами.

„Но какая прихоть, говоряшь они, писать на стѣнахъ своей бочки вмѣсто таблицы? — „Хорошо! пусть это будетъ прихоть; развѣ у васъ ибѣшь прихотей? или не такъ же ли хороши мои прихоти, потому что они мои, какъ и ваши прихоти, потому что они ваши? —

Между тѣмъ вотъ моя нищая таблица: прекрасная таблица изъ слоновой кости, переплетенная въ позолоченой кожѣ, которую можетъ быть буду употреблять и впредь за неимѣниемъ худшей. Я не такъ своенравенъ, чтобъ убогаешь покойности, когда она меня ищетъ, и не должно жертвовать ей ничѣмъ лучшимъ. Д о б р о й К с е н ѿ а д ѣ ,

которому она принадлежитъ, думаетъ, что она будетъ тѣмъ лучше, когда возвращу ее исписанную. — Да будетъ по волѣ твоей, Ксеніадъ!

5.

Она лежала нѣсколько запрокинувшись на маленькомъ шронѣ подушекъ, играя, какъ я сказалъ, съ любимой своей собачкой. Насупротивъ сидѣлъ молодой человекъ, о которомъ Природа подавала много надежды — и которой слышалъ у Ксенокраша, что должно закрывать глаза, когда не чувствуешь въ себѣ довольно крѣпости съ открытыми глазами противиться прекрасному искушенію. Молодой человекъ не смѣлъ совсѣмъ закрыть своихъ, а смотрѣлъ въ землю — и тушъ къ не-

щаспію попалась ему вѣ гла-
за маленькая ножка, каковою
можно себѣ вообразить ногу
Граціи, выходящей изъ мыль-
ни; однакожъ вскрыпшая поль-
ко немного повыше лодыжекѣ.
Эпо для васѣ и для меня было
ничего; но для молодого чело-
вѣка очень много. Сѣ робо-
стію и смущеніемъ опворо-
пилъ онѣ глаза, посмопрѣлъ
на даму, по томѣ взглянулъ
на ея любимую собачку, по
томѣ ояпць на подножной
коверѣ; но прекрасная ножка
сдѣлалась между тѣмѣ невид-
имою. Онѣ о томѣ жалѣлъ,
говорилъ запинаящимся голо-
сомѣ — обо всемѣ иномѣ, кро-
мѣ того, что ощущалъ —
госпожа гладила свою собачку,
собачка взаимно ласкалась къ
ней, дергала своею лапкою за
ея с тро ф і он ѣ (вѣнокѣ

цвѣшовѣ) по томѣ смопрѣла на нее — сказалъ бы я — съ воровскою улыбкою, естль ли бы собаки могли улыбапьяся; держала оняпъ за ея спирофюнѣ и рѣзвясъ опкрыла — (Дама глядѣла въ самое то время на Парразіеву Леду, копорая висѣла насупрошивѣ нѣскольکو по правую руку) — половину весьма бѣлой и прелеспно округленной груди. — Молодой человекъ прищурилъ глаза и хвапалъ ртомѣ воздухъ. Собачка стояла задними лапками на ея колѣняхъ, приложила правую свою переднюю лапку къ прекрасной груди и съ полуоткрытымъ ртомѣ, выраженіемъ желанія, смопрѣла вверхъ на ея глаза. Она цѣловала собачку, называла ее маленькимъ своимъ льспенцомъ и наклала ей

въ ротѣ бисквишовѣ. Молодой человекѣ не имѣлъ уже силы смотрѣть въ землю. Я ушелъ попихоньку.

На дорогѣ увидѣлъ я Ариешиппа, увѣнчаннаго розами и наполняющаго воздухѣ вокругѣ себя всѣми Аравійскими ароматами, которой возвращался пьяной съ пиру богатаго Клиніа. Онѣ шелѣ въ широкой шолковой одеждѣ, блисталѣ кругомѣ добычею, которую за нѣсколько времени содралѣ съ Діонисіа Сиракузскаго: маленькой дворѣ веселыхѣ юношей роился около его и, подобно Бахусу между Фаунами и Сапирами, шелѣ онѣ между ими, уча ихѣ своей премудроспи. Клянусь Анубисомѣ богомѣ, покровителемѣ всѣхѣ наколѣнныхѣ собачекѣ, и прозакладываю свою

палку и копомку, еспьли Аристиппъ не перенялъ своей премудроспи у любимой собачки Данаиновой! Лепите, къ щеславию богачей и вельможъ; угождайте ихъ спраснямъ, или поспѣшествуйте тайнымъ ихъ желаніямъ, не показывая вида, что ихъ знаете — то они накладутъ вамъ въ роупъ бисквишовъ. Вотъ вся тайна. — Ничёго, кромѣ этого? Ни черпочки!

6.

Повѣрьте мнѣ, Клиній, Херей, Демархъ, Сарданапалъ, Мидъ и Крезъ и, какъ васъ всѣхъ зовутъ — не изъ зависти или опчаянія, что нельзя мнѣ будеть никогда уподобиться вамъ, или опъ гордоспи, копо мнѣ спараестья облегчить себя презрѣніемъ

того, чего имѣть не можеть. Я испыталъ себя въ томъ споро — причиною тому внутреннее убѣжденіе, которое никакихъ словъ отъ меня не принимаетъ, — что я не могу никакъ совѣщивать моимъ друзьямъ, домогаться такого счастья, каково ваше.

Ваши чертоги просторны, покойны, прекрасно выстроены, убраны преизящными твореніями художества, наполнены роскошными убранствами сладострастія; — ваши сады похожи на сады Алкина и Гесперидъ; ваши палаты той палатъ, гдѣ Гомеровы бессмертные боги блаженствуютъ, упиваясь нектаромъ; ваши опроки прекрасны, какъ Ганимедъ; ваши рабыни, какъ подружки богини любви; ваша жизнь есть непрерывной пиръ,

оживленной музыкою, плясками и игрою; къ вамъ никакая красавица несурова, никакая Даная недосступна; запоры, стѣны, спрегущіе драконы, ничто вамъ не мѣшаетъ; ваше золото все преодолеваетъ. —

Софистъ спалъ бы можетъ быть досаждать вамъ за всѣ сіи выгоды — а я не хочу. Я не презрипелъ прекраснаго, не врагъ удовольствія, какъ обвиняютъ меня двушки, торгующія цвѣтами въ Кранеѣ. Мнѣ ничто пакъ не прошивно, какъ слабые доводы. „Роскошь разслабляетъ, говоритъ Ксенократъ — добродѣтель по же дѣлаетъ, говорю я; ибо иначе Фрина не вспала бы, и не разспалася бы съ вами споль недовольною. Развѣ Алкивіадъ не былъ храбръ? не могъ ли

онъ, когда надобно было, спать на жесткой землѣ, на чистомъ воздухѣ также, какъ на колѣняхъ прекрасной Немеи? Не съ такимъ же ли вкусомъ употреблялъ онъ черную похлебку Спаршанцовъ, какъ и сластные бискивиты роскошнаго Тиссаферна. — Прошу не дѣлать возраженій, которыя съ одной только стороны справедливы; которыя можно опровергнуть премногими примѣрами. Признаемся, хорошее вино изъ Кипра, если у васъ нѣтъ жажды, дѣйствительно лучше колодезной воды, чѣмъ пропивъ того ни говорили спрое нравоучители; а ваши танцовщицы изъ Іоніи, или дѣвушки изъ Хіо совсѣмъ тѣмъ пріятныя пшари. Ваша галлерей, убранныя картинами Зевксиса,

Парразія, Эпіона и Апеллеса, прельщаешъ неученые глаза, и удовлетворяешъ занимающагося знаюка. Не должны ль вы бышь щаспливы? не должно ль намъ всѣмъ домогаться вашего сосшоянія? Наслажденіе всѣмъ прекраснымъ и приятнымъ не должно ли соспавишь щаспія. — —

У меня одно только сумнѣніе — кажешся болѣе, нежели сумнѣніе — но опасуюсь оскорбить васъ, ежели его объявлю — оно подало бы поводъ къ прѣніямъ, и я не достигну своего намѣренія, когда нанесу вамъ скуку, — вижу, что вамъ надобно ѣхать въ госпи къ прекрасной Филеціонѣ — или къ молодой супругѣ стараго Сприпсиада. — Не хочу васъ задерживать: между тѣмъ лягу въ тѣни

и спану бредишь, пока возвраща-
пишесь.

7.

Сей часъ поймалъ я себя
въ гнусной шалоспи. — О
сынъ Ицета! какъ много еще
недостаешь тебѣ бытъ такъ
умнымъ, какъ ты кажешься
глупымъ! — Сердишься за то,
что въ твоихъ бредняхъ мѣ-
шаешь тебѣ человекъ, кото-
рой чаешь сдѣлать тебѣ
честь и не обязанъ знать,
что въ самое то время хо-
чешь ты бредишь! — Тьфу!
это надобно было тебѣ спер-
пѣть отъ долгоногаго паука,
отъ осы, или шмеля — Я раз-
скажу вамъ все дѣло. „

Тебѣ нечего дѣлать Діо-
генъ, сказалъ онъ. „

Я опивчалъ по своему.

„Такъ я сяду подлѣ тебя. „

Еспьли у шебя нѣпѣ ина-
го дѣла.

„Опнюдъ нѣпѣ — кромѣ
шого, чшо надобнобѣ мнѣ
быпѣ на площади. Рѣшапѣ
дѣло бѣднаго Ламона. Опецѣ
его былѣ хорошій пріяпелъ
нашему дому. Думаю, пруд-
но ему будетѣ опдѣлапѣся
на сей разѣ опѣ своихѣ не-
пріяпелей: жалѣю о немѣ.
Вчера взялся было я защищапѣ
его, но сего дня совсѣмѣ не
расположенѣ.» — —

Нерасположенѣ! а Ламо-
новѣ опецѣ былѣ пріяпелъ
швоему дому. — И бѣдной Ла-
монѣ вѣ опасноспи?

„Какѣ я тебѣ сказалѣ, го-
лова моя ни кѣ чему неспо-
собна. Вчера пировали мы у
Клинія. Всю ночь прогуляли.
У насѣ было вино боговѣ,

панцовщицы, мимики, философы, которые сперва здорили; по помѣ напились пьяны; по помѣ съ панцовщицами — словомъ, у насъ было все, что принадлежитъ къ совершенной забавѣ. “ — —

Эпо все хорошо, естльи извоишь — но бѣдной Ламонъ? „что дѣлать! Миѣ его жаль, какъ я сказалъ. Онъ честной человекъ — и жена у него добродѣтельна — очень добродѣтельна. — „

А чайпельно и пригожая женщина ?

„Вчера приходила она просить меня о дѣлѣ своего мужа. Съ нею было двое дѣтей около трехъ и пяти лѣтъ — милые ребятишки. Она была не очень прибрана, но ея фигура и видъ пронули меня. Она

Е.

повалилась мнѣ въ ноги, говорила съ жаромъ въ пользу своего мужа: не лѣзя, чпобѣ онѣ былѣ виноватѣ; онѣ пречестной человекѣ, пренѣжной отецѣ, лучшій другѣ; не можно, чпобѣ онѣ сдѣлалѣ умышленно что нибудѣ неблагогородное — помогите ему, опѣ васѣ зависипѣ. — Я дѣлалѣ ей возраженія, она опровергала меня. Я представлялѣ ей прудности; попому что у него такѣ много непріятелей — онѣ ихѣ имѣлѣ, сказала она; попому что у него болѣе заслугѣ, нежели имущества. Я пожималѣ плечами. — Она плакала и оба умненькіе ребятишки также прослезилися, видя, что ихѣ мать такѣ сильно говоритѣ и плачетѣ, и бросились ей на шѣю съ маленькими

своими ручонками, спрашивая заботливо, не опдаспѣли намъ эпокѣвъ господинъ нашего ба-пюшку? — Увѣряю тебя, сцена была прогашельна. Я бы далъ пятьдесятъ минъ искусному живописцу, копорой бы на мѣспѣ написалъ мнѣ эпу каршину. »

Не вправдули? — можноль было шебѣ имѣть такую мысль въ ту минуу? —

Увѣряю тебя, Диогенъ, что это споило бы пруда. Никогда въ жизни своей не видѣлъ я красопы въ прогашельнѣйшемъ образѣ. Груды ея такъ сильно вздымались подѣ ко-сынкою, что, мнѣ казалось, я ихъ осязалъ. Эта прелестная колдунья была вся душа и грація. Я сказалъ ей: сударыня, испытаю всѣ способы; чего не сдѣлаешь для такой

женщины, какъ вы? — Теперь долженъ я идти къ Клинію; сего дня ввечеру дасть онъ балъ; но я вырвусь прежде полуночи. Приходите опять около этого времени; камердинеръ введетъ васъ въ мой кабинетъ; мы тогда придумаемъ, чѣмъ пособить вашему мужу; почти все будетъ зависеть отъ васъ самихъ. — Вообрази себѣ, Діогенъ, чпо эта дура сдѣлала. Она опскачила съ гнѣвомъ, коимъ придавалъ ей еще болѣе красоты; мнѣ хотѣлось бы ее тогда же обнять — прежде нежели я договорилъ — и отвѣчала мнѣ только презрительнымъ взглядомъ. Я мигнулъ своему камердинеру и оставилъ ее. Я знаю этого удалца, увѣренъ, чпо онъ сказалъ ей все, чпо можно

сказаць; но она не хотѣла его слушати. Пойдемъ дѣпи, сказала она, не удоспоивая его и взглядомъ; въ тоже время прижала ребяпишекъ къ своей груди. Богъ попечешя объ насъ — а еспьли и онъ насъ оставишъ, такъ мы можемъ умереть. — Ты видишь, что я не безъ основанія назвалъ ее добродѣпельною женщиною..

Какъ вижу, она съ лишкомъ добродѣпельна для спасенія бѣднаго Ламона — о Херей! о Херей! возможно ли это.

„Ты въ духѣ дѣлашь нравоченія, Діогенъ. Прощай, я невесель, какъ тебѣ сказалъ, надобно мнѣ разгуляться: не изволишь ли сходишь со мною къ Фриалъ. Мой живописецъ снимаешъ съ нее образецъ для

Венеры Калипитосъ. Это будетъ прекрасная картина! —

Благодаренъ на это и въ разв. — Бѣдной Ламонъ и прекрасная добродѣтельная его жена съ двумя милыми дѣшми овладѣли мною такъ, что я ни къ чему иному не го-жусь. Ни однимъ сприхомъ пвоего живописца не былъ бы я доволенъ, однакожь онъ былъ бы не виноватъ. Спуй-пай Херей, и дай волю моимъ уединеннымъ мыслямъ.

Нѣтъ, не хочу думать, надобно бы съ ума сойти, еспьли бы въ эту минушу внималъ я шѣмъ мыслямъ, копорыя насильно входящъ въ голову. — —

Вы знаете конечно, что это въ Херей одинъ изъ славныхъ щаспливцовъ въ Коринѣ.

Какъ хорошо поетъ эиопъ
соловей! — Я напился шамъ
изъ испочника; а шеперьъ
лягу въ эиопъ кустарникъ
съ маленькимъ дикимъ пѣв-
цемъ, и предамся всѣмъ шѣмъ
удовольствіямъ, которыми
благошворительно успиляетъ
природа колючія спези жиз-
ни. — Бѣдной Ламонъ! пойши
ли мнѣ и попышашься? сдѣ-
лаю эио. — Но пособишь ли
ему добрая моя воля? Я не
имѣю власти, сообщниковъ,
никого, кому нужна моя друж-
ба; меня не знаютъ. — Дѣло
Ламоново касается до его зва-
нія, до Республики; — мнѣ
не позволятъ и говорить. —
По меньшей мѣрѣ могу защи-
щать его, какъ спряпчій; —
но мы другъ друга не знаемъ —

что н у ж д ы : п о й д у ! —
Пусть не напрасно прекрасная
женщина омочила слезами ноги
Херея.

9.

Я не зналъ еще ничего
точного о Ламоновомъ дѣлѣ,
когда пошелъ, и оставилъ сво-
его соловья одного. Дорогою
споткнулся я съ однимъ изъ
его судей, копорой мнѣ ска-
залъ, въ чемъ дѣло состояло.
Нанята только шайка плу-
товъ другимъ плутомъ, ко-
порому хочется получить
Ламоново мѣсто. Говоряшъ,
будто онъ разпочилъ Государ-
ственную казну, копорая была
ему ввѣрена. Они не могли
уличить его въ дѣйствитель-
ной невѣрности, но онъ одол-
жилъ деньгами друга, копо-
рой предъявилъ ему полномо-

чіе, сказавъ, будто тѣ деньги надобны на попребы Республіки. Ламонъ повѣрилъ своему другу, и былъ обманутъ. — Вошъ все его пресупленіе — но посмопрѣлъ бы ты, въ какое спрашное злодѣйство вмѣняюшъ это его донощики. Ламонъ опвѣчалъ имъ съ робостію чеспнаго чловѣка, копорый видипъ свою судьбу въ рукахъ неприяпелей и вѣдаешъ, что приговоръ о немъ уже положенъ прежде, нежели онъ началъ говоритъ. Онъ говорилъ мало. Позволь мнѣ за себя говоритъ, Ламонъ, сказалъ я и началъ его защищати. Они хотѣли шумѣть, но шумъ помогла мнѣ грудь моя. Я ихъ перекричалъ. — Я говорилъ со всею тою горячностію, копорая осталась у

меня отъ воображенія прекрасной женщины и двухъ милыхъ дѣшей, я не щадилъ его непріятелей, а судей подкупилъ похвалою ихъ добродѣтели, челоуѣколюбія, благородства безприспраспія, ненависти къ угнѣщенію. У одной прѣпи изъ нихъ были еще такія щеки, которыя могли краснѣть — этому я радовался — я усугубилъ свои похвалы и свою довѣренность къ ихъ справедливости, добродѣтели — довелъ до того, что и еще одна прѣпь покраснѣлась. — Теперь я выигралъ; я окончилъ свою побѣду картиною прекрасной жены и двухъ ребятишекъ, которыхъ повергъ къ ихъ ногамъ, и велѣлъ просить за честнаго своего опца — Ламонъ оправданъ.

Я ушелъ пошихоньку въ сумя-
пицу и теперь опять здѣсь.

Какъ хорошѣ вечерѣ! Какъ
свѣтла, какъ весела вся При-
рода! Я самъ собой доволенъ,
что послѣдовалъ гласу человѣ-
чества. Я опять поселилъ ра-
дость въ прекрасные глаза
добродѣтельной женщины и
въ маленькія сердца ея дѣтей.
Какъ пріятны будутъ ихъ
обниманія! Я ими наслажда-
юсь, хотя ихъ не вижу —
ктожѣ въ этотѣ вечерѣ шасп-
ливъ — Херей, Клиній, Мидѣ,
Сарданапалѣ, Крезѣ, или я?

Ю.

Позвольте мнѣ предаться
тому чувствованію, которое
дѣлаетъ меня шаспливымъ —
а между тѣмъ прочтите еще
раза при предшедшіе нуме-
ра — буде вамъ угодно — и

Ж 2 .

такъ тихо или бѣгло, какъ
хопище. —

II.

Подлинно самое стихотвор-
ческое мѣсто! Эпопѣ высо-
кой розовой кустѣ съ свѣжи-
ми, разцвѣтшими розами,
какъ прекрасно распускается
надо мною! Какъ пріятно жур-
читъ подлѣ меня по малень-
кимъ камушкамъ эпопѣ испоч-
никѣ? Какъ гладка и мягка
эпо мурава? Какъ свѣжа ея
зелень, какъ густа ея короп-
кая шкура! я бы упрекалъ
себѣ, еслибъ нарочно из-
бралъ такое роскошное мѣс-
то. —

Какое волшебство заклю-
чается въ простой Природѣ! —
Она приводитъ въ восторгъ
и не стихотворнаго Диогена,
вижу, конечно вижу Грацій;

увѣнчанныя розами забавляюся онѣ на сей мягкой муравѣ сеспринскими своими танцами. Маленькіе спрятавшіеся Амуры вьютѣ между тѣмѣ за кустарниками долгую цѣпь изъ розъ. Они смигиваются, улыбаясь, шеперь они кончили; вдругѣ выбѣгаютѣ изъ засады и, смѣючись, окружили танцующихѣ своею розовою цѣпью? — Какая милая картина!

Естьлибѣ только спяла она передѣ вами такѣ живо, какѣ шеперь представляется моему воображенію! Оно имѣетѣ тонкую горячую кисть, увѣряю васѣ прекрасныя госпожи, — сколько ни оглашаютѣ меня безчувственнымѣ въ вашимѣ прелестямѣ; попомучю я можешѣ бышѣ спарался болѣе другихѣ не имѣшѣ

въ васъ надобности — не ль-
щу себѣ однакожѣ, что въ
помѣ много успѣлъ. Дриада,
которая выползла бы изъ за
сего кустарника, вышла бы
очень къ стапи сдѣлать по-
му опытъ. — —

Но мои Граціи — вы ду-
маете, что я самъ изобрѣлъ
эту каршину, и тому удив-
ляетесь. Я выведу васъ изъ
сего удивленія. Я гнушаюсь
показывать себя лучше, неже-
ли каковъ въ самомъ дѣлѣ. —
Это только копія.

Оригиналъ у Херея. Его
писалъ Апеллесъ, котораго на-
зываютъ живописцемъ Грацій,
и которой смѣетъ самъ себя
такъ именовать, чувствуя,
что онъ въ самомъ дѣлѣ та-
ковъ.

Я былъ при томъ, ко-
гда его покупали. Какой

божественной оригиналь! вскричалъ восхищенной Херей; мнѣ онѣ надобенъ; не уступлю его никакому Царю; — знаешь ли, Диогенъ, ту мирповую рощицу въ моемъ саду съ маленькою залою, гдѣ я иногда опдыхаю въ полдень? Тупѣ опдыхая буду имѣть въ виду сихъ Грацій.

Херей купилъ эту карпину за чепыре Апшическихъ таланта. —

Чепыре Апшическихъ таланта! вскричалъ я, за прехъ полунагихъ дѣвушекъ и за прехъ, или чепырехъ нагихъ ребяпишекъ на кускѣ холста. —

Да посмотри пожалуй, какъ онѣ хороши, вскричалъ Херей, какъ идеальны, точно какъ Граціи! — каждая съ собственною своею характери-

стической прелестью, каждая сама по себѣ прекрасна; однакоже нѣкоторой родъ опсвѣтка отъ сосѣдки придаетъ ей новую красу.

Это правда Херей — но вы богатые люди не хорошо дѣлаете, что такъ подымаете цѣну на работы сихъ художниковъ — десяти минъ все было бы довольно для живописца. Онъ долженъ за что нибудь щипать и по удовольствію, которое имѣетъ во время такой прекрасной работы. — Четыре таланта, Херей! — за одно увеселеніе глазъ, которое чрезъ нѣсколько недѣль поперяетъ для тебя всю свою прелесть. Сколько щастливцевъ могъ бы ты сдѣлать этою суммою денегъ!

Спустя нѣскольکو времени прїѣхалъ я въ большое помѣстье, принадлежащее этому Херею у Коринѣскаго моря. Тутъ нашелъ я одного изъ его опкущиковъ, добраго старика съ сѣдыми волосами, которой сидѣлъ у своихъ дверей и, увидѣвъ меня, упиралъ себѣ глаза. Я просилъ его, чѣмъ позволилъ мнѣ сѣсть возлѣ него, и освѣдомлялся о причинѣ его печали. — „Ахъ, незнакомецъ! сказалъ онъ, я лишился дочери — четырнадцати-лѣтняго ребенка. Лучше и прїяшнѣ эпой дѣвицы никогда не бывало. Всѣ молодые люди въ эпой споронѣ говаривали, что она походила на Ореаду, когда въ праздничные дни плясала въ

хороводѣ съ другими дѣвушками, ея сверстницами. — Я веселился, видя какъ она плясала; точно такава была въ старину ея машь. Она была добрая дѣвица, воспитана лучшею маперью, въ хозяйствѣ, въ прудолюбїи. Ахъ! я считаю ее теперь блаженною, что не дожила сего жестокаго дня. Морскіе разбойники увезли мое дѣшя, когда на берегу искала она раковинѣ для уборки маленькой гробы въ нашемъ саду, гдѣ въ полуденные жары я обыкновенно отдыхаю.

Я узналъ отца по горячности описанїя; хотя бы его дочь была въдесятеро меньше любви достойной, нежели онъ ее описалъ, то я принялъ бы не менѣе участїя въ его кручинѣ. —

Бѣдной опецѣ! — вскричалъ я, упирая глаза; но развѣ не было средства выручитьъ швоею дочери? Развѣ не лзя было ее выкупить? —

Ахъ! отвѣчалъ онъ. Они пребовали двухъ талантовъ. Дѣвица пригожа, говорили они. Сапрашъ великаго Царя заплашилъ бы намъ за нее еще больше. Мнѣ не возможно было собрать и половины этой суммы. Желаніе возвратить свое дитя дѣлало меня безумнымъ. Въ этомъ смущеніи побѣждалъ я къ своему господину въ Коринѣ. Онъ чрезвычайно богатъ, думалъ я, швои слезы, швои сѣдины, смягчатъ его. Какъ часто спрашилъ онъ два таланта для доставленія себѣ увеселенія скоро преходящаго. Можетъ быть ты его пронешь,

и онъ сдѣлаешь поже для доставленія себѣ удовольствія возвратишь спарому отцу его дщя — единую опраду его старости; я бросился къ его ногамъ, но все было тщетно. Мнѣ надлежало бы лучше смотрѣть за своею дочерью, сказалъ онъ. Больно было моему сердцу, когда онъ это говорилъ — и какъ холоденъ онъ при томъ казался. — Я не могу о томъ думать — старикъ плакалъ, рассказывая это, а я чуть не зачалъ бѣситься, какъ Аяксъ Оилей. Въ первомъ жару проклиналъ я перваго писавшаго когда либо картины и всѣхъ живописцевъ, его преемниковъ, и всѣхъ принадлежащихъ къ ихъ цѣху, не выключая и краскоперовъ.

Когда же былъ я опять на единѣ, и кровь моя простыла;

но досада на богатыхъ превратилась въ состраданіе. Я жалѣлъ объ нихъ, что то самое, что должно было сдѣлать ихъ щасливыми, дѣлаетъ ихъ нечувствительными къ божескому удовольствію — благошворить. Бѣдные люди, у нихъ такъ много надобностей: чувства, мечта, страсти, прихоти, покойность, тщеславіе — у нихъ столько надобностей, что ничего не остается на требованія чело-вѣчества. Охотно позволилъ бы я вамъ ваши палаты, сады, каршины, шапуи, золото, серебро и слоновую кость, ваши пиры, концерты, театральныя представленія, танцовщицъ, обезьянъ, попугаевъ, — если бы только отъ меня зависѣло не думать о томъ, что десяти тысячамъ

бѣдныхъ пварей вашего рода не гдѣ укрыться отъ ненастья и суроваго времени года — попому что вы живете въ мраморныхъ палацахъ; нечѣмъ прикрыть свою нагошу; попому что ваши рабы блестящъ въ великолѣпномъ одѣяніи; нечѣмъ насыпиться — попому что вы продаете на пиру недѣльное пропитаніе тысячъ. — Мнѣ прошивно продолжатъ сіи мысли: опасуюсь, что пересказываю свою печаль глухимъ слушаателямъ — но чего не сдѣлалъ бы я, естлибъ могъ надѣяться обратишь къ человѣчеству хотя одного изъ каждой сотни вашего разбора! —

13.

Прошу тебя, Херей, тебя и всѣхъ твоихъ товарищей

ничего не говоришь мнѣ о томъ, что употребленіемъ, какое вы дѣлаете изъ своихъ богатствъ, содержите промышленность, художества, торговлю, и поспѣшествуете обращенію знаковъ богатства: въ чемъ, какъ вы говорите, состоитъ жизнь государства.

„Тысячи и шьмы, говорите вы, живущъ шѣмъ, что мы спроемся, заводимъ сады, содержимъ большой домъ, имѣемъ надобность въ безконечномъ множествѣ ненужнаго и пр; о томъ у насъ нѣтъ спора. Но еслибы вы хотѣли вмѣнить себѣ это въ услугу, то шелковой червь, пурпуровая улипка могли бы утверждать съ равнымъ правомъ, что они преизящныя и благотворительныя швары; ибо въ самомъ дѣлѣ кормятся

нѣскольکو миліоновъ людей
рабоюю, копорую доспавля-
юшѣ имѣ сіи оба рода червей.

Весьма справедливо, чпобѣ
вы упопробляли свои богап-
спва, хошябѣ ихѣ получили
вѣ наслѣдство, пріобрѣли,
нажили подлостію, набл.*** ли,
награбили, или нашли, вѣ на-
граду шѣхѣ, копорые пруд-
дяшя для вашей лѣности,
щеславія и роскоши.

Но, любезной Херей! естѣ
люди, копорые опнюдѣ не мо-
гушѣ ничѣмѣ способспвовапѣ
кѣ угожденію швоимѣ чув-
спвамѣ или прихощамѣ, ко-
порые однакожѣ шѣмѣ не ме-
нѣе имѣюшѣ право на швое
изобиліе. Нещаспный, копо-
рому малою шго частію мо-
жешѣ возврашпшѣ покой, бѣ-
жавшій опѣ его одра, омочен-
наго слезами; — невинная

красавица, которую могъ бы
пы освободить отъ укориз-
ны, служилъ Парразію образ-
цомъ маленькихъ его сладо-
спрасныхъ картинъ (*) и
отъ позорнѣйшаго еще зло-
употребленія ея прелестей,
половиною того, чего такая
картина стоилъ; безпомощ-
ный сирота, котораго приво-
дилъ въ уныніе скудость и
презрѣніе, изъ котораго по-
мощь своя могла бы воспи-
тать Государству добраго
гражданина — можетъ быть
великаго мужа, Сократа, Фо-
кіона — всѣ они не имѣютъ
ли права на свое излишество?

Вы, сыны счастья, умѣете
впрочемъ очень проворно

(*) Parhafius pinxit et minoribus ta-
bellis libidines, eo genere petulantis
joci se reficiens, Plin. Hist. Nat. L. 35.

щипать. Сочпипежъ, сколько тысячъ шварей .вашего рода должны нуждаться для того, чпобъ одинъ изъ васъ могъ ежегодно проживать сорокъ или пятьдесятъ палантовъ? — Не должноль вамъ дѣлать добра, хопя для того, чпобъ опврашпть опъ себя ненависть, которую долженъ внушить взглядъ на ваши роскоши и распоченіе, премногимъ вашимъ согражданамъ, копорымъ, не смопря на самую тяжкую работу, шрудно заработать для своихъ дѣшей столько хлѣба, сколько повседневно велипе выдавать своимъ собакамъ въ пищу? — Подумайте объ эпомъ, ежели смѣю просить.

14.

По эпому вы не вѣрите, что есть прекрасныя души,

павъ какъ есть хорошія лица, которыя ничѣмъ не обязаны искусству, и почто опъ шого шѣмъ пригожбе?

Нѣкогда опровергалъ я Софиспа, копорой доказывалъ, что нѣтъ на свѣтѣ движенія, прохаживаяся предъ глазами эшого дурака.

Доказатъ ли вамъ такимъ же образомъ, что есть прекрасныя души? Можетъ быть я подамъ вамъ поводъ къ неправымъ сужденіямъ — однако думайте о томъ, что хотите, наше мнѣніе однихъ о другихъ не можетъ сдѣлать меня и васъ хуже, нежели каковы мы въ самомъ дѣлѣ — а сверхъ того объявляю, что рассказываю свою исторію только прекрасной Памѣ и подобнымъ ей, никому не могу возбранить слушать, но

въ шомъ увѣряю, что ни одного склада ни убавлю, ни прибавлю, хошябъ слушала меня дѣлая коллегія Амфиктионовъ. —

Прежде находился я, какъ вамъ извѣстно, или не извѣстно, въ Аѳинахъ для того, чтобъ научись у Платона говоришь, а у Анписѳена жишь. Нѣкогда случилось мнѣ ввечеру въ сумерки шапашься одному въ лавкахъ Керамика; въ рядахъ было уже темно кромѣ того, что освѣщенная многими огнями зала не въ дальнемъ распоянїи находящагося зданїя дѣлала нѣкоторыя мѣста нѣсколько свѣтлѣе.

Съ помощію сего слабого свѣта увидѣлъ я подходящую ко мнѣ тѣнь, копорая приближаясь превратилась въ

женской образъ, а это пошлѣ въ пріятнѣйшій видъ шестнадцатилѣтней дѣвицы. Она была такъ легко одѣта, что одной часпи ея ногъ и груди, какъ-ву обыкновенно даютъ тебѣ, оставалось мало къ прикрытію; а долгіе бѣлокурые ея волосы развѣвали, распустившись по ея плечамъ.

Сей взоръ привелъ меня въ нѣкоторое смущеніе — но это было еще ничто — дѣвушка простерла ко мнѣ съ плачевнымъ тѣлодвиженіемъ выпянуныя свои руки, копорыхъ бѣлизна видна была и въ темнотѣ, и лицемъ упала на мою руку. Мое смущеніе возрасло до крайности.

Однако я ободрился безъ дальняго размышленія. Охватилъ ее правою рукою, повернулся съ нею и повелъ ее

прямо въ маленькую хижину, которую занималъ въ Керамикѣ. Смирно дала она себя вести, не говоря ни слова; казалось, что она была въ изнеможеніи и удручена печалію.

Мы пришли въ мою келію. Я посадилъ ее на родъ софы, которая, скажу мимоходомъ, была опіюдь не способна благопріятнспвовашь роскошнымъ мыслямъ. Я засвѣтилъ свѣчу и началъ разсмапривашь свою находку со всѣмъ пѣмъ вниманіемъ, какое, кажешся, она заслуживала.

Дѣвушка внушала мнѣ не знаю что-то шакое, что сдѣлало меня мягкосердѣе, нежели каковъ я обыкновенно бываю. Это была опмѣнно пріятная смѣсь жалости и любви. Чтобы безпрепятствено пѣмъ наслаждашься, далъ

я ей, подѣ видомѣ, чѣпо холодно, родѣ епанчи, копорою могла она прикрышь свою грудь и ноги.

Казалось, чѣпо она глядѣла на меня съ нѣкопорымѣ удивленіемѣ. Она пыпалась сказаць нѣчѣпо, но покѣ слезѣ оспановиль ея голосѣ. Я обняль ея, цѣловаль и просиль сколько возможно кропкимѣ голосомѣ, чѣпобѣ меня не опасалась. — Кажется, чѣпо она хотѣла вырваться изѣ моихѣ объятій, но такѣ слабо, чѣпо иной почель бы это за ободреніе. Я иначе думаль; мнѣ казалось, чѣпо зѣ полупомупившихся ея глазахѣ вижу признаки прекрасной души

Я могѣ обманушься — ибо обспяпельства и прекрасныя груди, и чѣпо бапюшка Гомерѣ назвалѣ бы розовыми ея руками

и серебряными ногами, дѣйствовали, правду сказать, сильно въ моемъ воображеніи.

Но я съ полною довѣренностію предался своему чувствованію, и вы увидите изъ послѣдствія, обмануло ли оно меня?

Дѣвушка, кажется, нужнѣе всего было нѣкоторое подкрѣпленіе; ибо она походила на совершенное истощеніе. И такъ я бросился; но въ самомъ дѣлѣ прошу прощенія. Я забываю, что не для себя дѣлаю эту копію съ оригинала, о малѣйшихъ чертахъ копіяго воспоминаю съ удовольствіемъ.

Дѣвушка, вкуса нѣсколько пиши и вина, сполько оправилась, что могла разсказать мнѣ свою исторію. — Попутя глаза, начала она говорить —

но Грацій въ ея извясненіи, въ голосѣ, во всемъ ея поведеніи не могу по несчастію выразить въ своей копіи.

15.

„Моя мапъ прекрасная Лариса; я у нее воспитана и жила въ помѣ веселомъ незнаніи себя самой, которое есть преимущество дѣтства, пока лишилась того, копорой по добросердечію почиталъ себя моимъ опцемъ. Онъ былъ изъ Сициліи, и говорили, что былъ богатъ, и благороднаго происхожденія. Мнѣ едва совершилось семь лѣтъ, когда онъ умеръ. Мало по малу охладѣла горячность моей матери ко мнѣ. Другіе любовники выпѣснили воспоминаніе того, котораго уже не было, а на послѣдокъ сердце ея

И

совсѣмъ переспало заботишься сколько нибудь о бѣдной Лаидіонѣ; я о томъ весьма крушилась, но должна была скрывать свои слезы; одни слѣды ихъ въ моихъ глазахъ навлекли мнѣ жестокою брань. Впрочемъ содержала она меня на равнѣ съ другими дѣвушками, которыя ей служили, и у насъ были училища въ пѣніи, танцованіи, игрании на лютиѣ —

Ты играешь на лютиѣ, маленькая Грація? вскричалъ я — ты поешь — вопѣ лютиня, пожалуй. — Дѣвушка была столь снисходительна, что прервала свою повѣсть. Запѣла мнѣ пріятнѣйшую Анакреонову пѣснь — отгадайте сами, какую? — и при томъ играла на лютиѣ пальчиками,

изъ которыхъ, кажется, каждой былъ одушевленъ. — —

О мудрость! о Анписоенъ! гдѣ были вы тогда? — мнѣ казалось будто ничего подобнаго вамъ не существовало никогда на свѣшѣ.

Я искалъ своей души на устахъ прекрасной пѣвицы.

Позволь мнѣ продолжать свою повѣсть, сказала она улыбаясь, и въ тоже время все ея лицо покрылось милою краскою.

16.

Ея краска пошчасъ привела меня въ чувство и естественнымъ слѣдствіемъ того было, что и я покрайней мѣрѣ также покраснѣлся, какъ и дѣвушка. — Она продолжала: на четырнадцатомъ году онѣ

роду прекрасная Лаиса отда-
ла меня молодому Аюиняину,
копорой, какъ сказывалъ, лю-
билъ меня страстно. Пре-
красная Лаиса объявила мнѣ,
когда онъ меня взялъ съ со-
бою, чтобъ опнынѣ я почи-
тала его за своего повелишеля.
Мой новой повелишель скры-
валъ свою власпъ надо мною
въ нѣжнѣйшихъ ласкахъ; дни
мои пропекали въ веселостяхъ
безпрестанно перемѣняющих-
ся. Я была довольна своимъ
соспоянiемъ, не мысля о бу-
дущемъ. Гликонъ имѣлъ при-
чину бытъ доволенъ моею
снисходительностiю; но еспь-
ли любовь то, что пылаетъ
въ пѣсняхъ Сафы, то мое
сердце неспособно къ этой
спраспи. Гликонъ сдѣлалъ
бы то, еспьлибъ возможно
было. Часто должна была я

пѣшь ему шу пѣснь къ Фаону, въ которой такъ пылко выражена жестокость эпои спра-спи, и онъ всегда досадовалъ, не находя въ моихъ глазахъ ничего того, что я пѣла. На-послѣдокъ примѣшила я, что любовь его начинала проспы-вать. Нѣжной понѣ, на ко-порой она была наспроена, превратился въ шупливой и веселой — копорой, признаюсь и скрено, былъ для меня шѣмъ лишь прятнѣе; но и эшо не долго длилось. —»

Словомъ: (ибо примѣчаю, что начинаете зѣвать) пре-красная Вакхида похипила у моей маленькой дѣвушки ея любовника, и шѣмъ комедія кончилась.

Дѣвушка, какъ я вамъ сказаъ, рассказывала очень

пріятно, пошому чпо просто-
сердечіе молодости, ея взоры,
шонѣ и нѣчпо — какѣ бишь
вы это называете? чпо я силь-
но чувспивовалѣ, но чего опи-
сать не могу, дѣлали ея ис-
торію инпереснѣе, нежели ка-
кова она была вѣ самомѣ су-
щесствѣ — ибо, государи мои!
вы конечно правду говорите;
это была — благодаря вашимѣ
спараніямѣ — повседневная
сказочка; — сверъхѣ того вѣ
жару повѣсти иногда немного
открывалась епанча, которую
я на нее накинулѣ, а вы пони-
маете, чпо такая малость,
вѣ нѣкоторыхѣ обстоятель-
ствахѣ немалоснѣ — я бы слу-
шалѣ ее всю ночь на сквозь —
но вамѣ никакѣ не можно это-
го сдѣлать. Я отдаю справед-
ливость себѣ и вамѣ, и желаю
мимоходомѣ, чпо вѣ всѣ расска-

щики — Стихотворцы, или Историки, благосклонно заимствовали себя эту внаспавление.

17.

Двуушка продолжала мнѣ извясняшь, опѣ чего шо произошло, что она бросилась мнѣ на руки въ шу самую ночь въ рядахъ Керамика въ шакомѣ подозрительномѣ нарядѣ — я думаю, что могѣ бы предоспавить собспвенному вашему воображенію дополнишь эпосѣ недоеспавокѣ: ежели вы, на примѣрѣ, предспавите себя, что Гликонѣ въ угѣдностѣ новой своей любви, продалѣ ее на послѣдокѣ одному изѣ своихѣ друзей — эпостѣ, попому что она неласково сѣ нимѣ обошлась, скульпперу, — а скульпперѣ

снявъ съ нее нѣсколько моделей, поргующему дѣвѣицами, опѣ копораго, попому что онѣ хотѣлъ промѣнять ее старому Ефезскому мореходцу на Левантскіе повары, бѣжала она вчера ночью, и на другой день скрывалась въ развалинахъ стариннаго разрушившагося зданія — или что нибудь тому подобное — по подошлибѣ близко къ правдѣ.

Какъ бы - то ни было, молодая Лаиса находилась теперь подѣ моею защитою, и я почишалъ себя обязаннымъ вступиться за нее по возможности силъ моихъ. Я былъ тогда не многимъ богаче нынѣшняго. Не было у меня ничего лучше сосраданія и добраго совѣша, чѣмъ я могъ ей служить.

Можетъ быть то, что я ей сказалъ (ежели только копія сей записной таблицы предана будетъ попомспву) будетъ во многіе вѣки полезно молодымъ дѣвицамъ, хотябъ онѣ находилия въ подобномъ, или въ общемъ затрудненіи особъ ихъ пола и лѣтъ — въ неизвѣстности, что дѣлать съ своимъ сердцемъ. — Въ семъ предложеніи посвящаю слѣдующее отдѣленіе прекраснѣйшей и нѣжнѣйшей части для оспорожнаго употребленія съ такою прозьбою, чтобъ хранили про себя ту Философію, которой научаю ихъ, и чтобъ оппюдь ничего не опкрывали своимъ маперямъ, а менѣе всего любовникамъ.

Прошедшее, сказалъ я дѣвушкѣ, было слѣдствіемъ того, что прекрасная Лайса, была тебѣ матерью. Спайрайся забыть это во всякомъ иномъ отношеніи, кромѣ того, сколько опытъ твой можетъ тебѣ быть полезенъ для переду. Это одно должно быть у тебя въ виду. По большей части будешь это опъ тебѣ зависѣть. — Такая прекрасная дѣвица — я не могъ, говоря это, не поцѣловать ее въ лобъ, — сотворена конечно для чего нибудь лучшаго, нежели служить игрушкою Гликону или моделію Каламису. Природа сдѣлала для тебя много, любезная моя! щастіе ничего; но какъ оно ни причудливо, нечаянными приключеніями

поправишь свое небреже-
ніе. —

Оно сдѣлало пому начало,
опдавъ меня въ твои руки,
сказала дѣвушка. — Не заслу-
живалось это опять поцѣлуя?

Будущее твое состояніе,
продолжалъ я, будетъ зави-
сѣть отъ того употребленія,
какое ты сдѣлаешь изъ одно-
го и другаго. Поелику есть
имена худаго предзнаменова-
нія, то начнемъ переменною
твоего имени. Лаидіона пустьъ
будетъ превращена въ Гликеріону,
и какъ Гликеріону оз-
накомлю тебя съ однимъ изъ
моихъ пріятелей, которой
можетъ быть за маленькой
подарокъ — будетъ споль
великодушень, что подъ надзи-
раніемъ старой опущенницы
опшвезетъ тебя изъ своего

дома въ Милетѣ, гдѣ имѣя все, чего пребуешь благоприспоспособность, весьма скоро возбудишь вниманіе пихимѣ и уединеннымъ образомъ жизни. Есть нѣкоторой способъ скрывать-ся для того, чпобѣ гнѣмѣ лучше тебя видѣли. Въ скоромъ времени любовники будупѣ такъ пѣснипѣся около швоей жизни, какъ пчелы около розоваго куста.

Намѣреніе ихѣ, примѣпѣ себя хорошенько, добрая дѣвушка! будепѣ ни хуже, ни лучше, какъ получипѣ тебя, сколько можно дешевѣ, — швое должно быпѣ, продапѣ себя сколь можно дорожѣ. Собственное швое сердце будепѣ тебѣ можетѣ быпѣ болѣе всѣхѣ препятствовапѣ. Горе тебѣ, естли будепѣ оно пронупо не во время, или шакимѣ

предметомъ, въ которомъ находили бы свой разщепъ одни только глаза. Красавица можетъ дарить тысячу вещей неважныхъ; но сердце ея должно все оспаваться въ ея власни. Пока сохранишь эпу Паладу, дотолъ будешь непреодолима. Старайся ласково принимая всѣхъ своихъ любовниковъ, не предпочитай ни одного, раздѣляй на безконечно мѣлкія часпицы тѣ ласки, которыхъ безъ поврежденія себѣ самой можешь раздавать. Взглядъ пусть будетъ уже великою пріязнію, а распояніе отъ равнодушнаго къ ободрительному, и отъ эпого къ нѣжному наполняй, буде можно — а мнѣ кажется, что прекрасная дѣвица могла бы эпо сдѣлать — премногими другими, которые постепенно

удалялись бы отъ одного, приближаясь къ другому; но берегись оказать свое намѣреніе въ этой игрѣ. Это было бы шже самое, какъ бы ты имъ намекнула осперегаться. Также вредно было бы, естли бы ты подала о себѣ помиѣніе, будто сердце швое не можетъ быть пронупо. Оспавъ каждому, кто покажетъ шго достойнымъ, лучъ надежды, что возможно тебя преклонить; но при шомъ разпоряди свои движенія такъ, чтобъ все оспавалось въ швоей власти, благопріятствовашь шому, кто по нѣжности и слабости сдастъ себя и свое щастіе на произволъ швоимъ прелестямъ — разумѣется, буде по прилѣжнѣйшемъ уваженіи всѣхъ обстоятельствъ эптоу чловѣкъ и его щастіе

окажутся достойными той жертвы, которую напрошивъ того принесешь ты ему собою и своею свободою. Такому, когда рана, произведенная твоими глазами, начнетъ разправляться, можешь съ надлежащею оспорожностію дать примѣтити, что ты въ состояніи быть нѣжною. —

Но ты мнѣ сказала, что не можешь этого сдѣлать?

Она покраснѣлась — я думала такъ, шепнула она.

А я нѣтъ, сказалъ сынъ Ицела, посмопрѣвъ ей въ глаза съ такимъ видомъ, который былъ нѣчто среднее между нѣжностію и шалостію.

Въ самое то время колѣно его ненарочно долгнулось до ея колѣна.

Онъ почувствовалъ, что она дрожала. — —

Спанешь ли далѣе говорить, сказала она?

Я долженъ напередъ знать, можешь ли ты быть нѣжною?

А естлибъ ты это зналъ?

То долженъ знать, сколько можешь быть таковою.

Епанча ея опкрылась нѣсколько сверху, когда она собирала ее около своихъ колѣнъ — пріятное ощущение видно было въ блестящихъ ея глазахъ.

Сыну Ицета было тогда дваццать пять лѣтъ отъ роду.

Любопытству его надлежало бы шеперь молчать — не имѣло ли оно къ шому причины. — —

19.

— — О Гликеріона! для чего я не владѣтель свѣта, —

или вопѣ какъ великѣ спускѣ —
полюко помѣщикѣ маленькой
дачи, которая была бы доволь-
но велика для себя и меня —
гдѣ былъ бы садъ и маленькое
поле для прокормленія насъ и
кустарники для сокрытія на-
шего щастія отъ глазъ зави-
сти! — — — .

20.

Сердце наше, милые люди!
слабо. Однакожѣ сколь ни сла-
бо, и сколь ни легко заводимъ
насъ въ заблужденіе, есмь
источникѣ лучшихъ нашихъ
радостей, лучшихъ склонно-
стей, лучшихъ поступковъ.

О человекѣ, копорой эпо-
го не можешь, или не хочешь
понять — долженъ я не оп-
мѣнно — жалѣть, или его пре-
зираю. —

Между тѣмъ хопѣлъ бы я, чмобъ красавицы остперегались увѣрять когда либо помнимому опыту, что онѣ почитаютъ себя не способными быть пронупыми до нѣкопной степени —

— Сладкой сонѣ прервалѣ наснавленіе друга и любопышшо дѣвушки. —

21.

Какъ трудно было тебѣ, преславный, ученикѣ мудраго Анписѣна! продолжая свое наснавленіе съ того мѣста, гдѣ ты его покинулъ.

Премилая Гликеріона! сказалъ я на послѣдокѣ — сколько люблю тебя, однакожъ долженъ, буде надобно, чмобъ любовь моя не имѣла дѣйствія ненависти — продолжая. —

Ахъ, Гликеріона! завпре не увидимся болѣе.

„Не увидимся болѣе! а для чего нѣтъ? —

Попому что мое присупшвіе было бы помѣхою будущему пвоеому щаспію.

„Какому щаспію? — вправдуль ты говоришь? можешь ли помѣнлять о нашей разлукѣ?

Я долженъ, — мои обспоянне льспва.

Будули я помѣхою пвоеому щаспію, Діогенъ?

Нѣтъ, Гликеріона! между щаспіемъ и мною нѣтъ уже никакой связи — я былъ бы помѣхою пвоеому.

„Естьли эпо побудительная твоя причина, такъ выслушай меня, Діогенъ. — Я не желаю инаго щаспія, какъ бышь съ шобою; ты заслужи-

ваешь подругу, на лонѣ копорой можешь забыть несправедливостъ щаспія и людей. Не думай, что буду тебѣ въ тягостъ. Я могу шкапъ, вышивать, прясъ — „ прекрасное швореніе.

Долго я прошивился — но Гликеріона швердо спояла въ своемѣ намѣреніи : скажише теперъ вы, которымѣ дала Природа чувствительное сердце ; ошибся ли я, думая, что вижу въ ея глазахѣ знаки прекрасной души ?

Съ клятвою утвердили мы союзѣ вѣчной дружбы. — Удалились изѣ Аѳинѣ. Свѣтѣ ничего не зналъ объ насѣ, и мы забыли свѣтѣ. Три щаспильные года — глаза мои не позволяютѣ мнѣ продолжашъ. —

Ея нѣтъ болѣе, нѣжной Гликеріоны — съ нею лишился я всего, чего могъ еще лишиться. Ея могила есть одно только мѣсто на свѣтѣ, которое удоспоиваю называть своимъ. Никто кромѣ меня не знаетъ этого мѣста. Я насадилъ вокругъ его розонъ, которые цвѣтутъ такъ пушисто, какъ ея грудь, и нигдѣ не издаютъ такого благовопія. Ежегодно въ мѣсяцѣ розъ (Іюнь) хожу я на это священное мѣсто — сажусь на ея могилу, скрываю розанъ — такъ нѣкогда разцвѣтала пы, думаю я, оцѣпываю розанъ, рассыпаю лиспочки по могилѣ. По томъ вспоминаю сладкой сонъ своей юности, и слеза, упавшая на ея могилу,

успокоиваетъ возлюбленную
мѣнь. —

23.

Я не виноватъ въ томъ,
если вы не пронуны; но
прощаю васъ. Вы не лиши-
лись Гликеріоны, или не мо-
жете лишиться — или не
заслуживаете имѣть — я
знаю хорошую сказочку, ко-
торую сказывала мнѣ нянька,
когда еще былъ я ребенкомъ; —
можетъ быть она васъ разве-
селила. Я охотно вамъ ее
перескажу — но вотъ идетъ
добрый Ксеніадъ и беретъ у
меня записную книжку. —

24.

„Какой же ты добрый чело-
вѣкъ изъ смертныхъ! ска-
залъ Ксеніадъ, прочтя Исто-
рію Гликеріоны. — Мнѣ не

сносно, что свѣпѣ смолрипѣ
на тебя св дурной спороны ,

А для чего смолрипѣ онѣ
на меня св дурной спороны ?

„Прости меня , другѣ мой.
Я почишаю тебя такѣ сердеч-
но , что желалѣ бы самѣ себя
удоспювѣрить , что вѣ тебе
нѣпѣ пороковѣ ? “ —

А на что это доброй Ксе-
ниадѣ ? развѣ я не человекѣ ?
развѣ мнѣ не можно имѣть
глупосней и пороковѣ также ,
какѣ и другимѣ .

„Ты не хочешь понимать
меня , Диогенѣ ! — „

Я тебя совершенно пони-
маю , но не могу терпѣть
нѣкотораго рода лицемѣрія ,
которое , вижу , господствуетѣ
вѣ нашемѣ семействѣ , раз-
умѣю семейство Девкаліона и
Пирры . Когда рѣчь наспоиитѣ
вообще о слабостяхѣ , погрѣш-

носпяхъ, недоспаткахъ чело-
вѣческой природы — по каж-
дой признается, что и у не-
го есть свои, что ихъ много:
назови сїи слабости, или по-
грѣшности, почнымъ ихъ име-
немъ, прочти всю роспись
подробно и при каждой спа-
шь сдѣлай перекличку — по
никто не захочетъ ни въ
одной изъ всѣхъ повиниться.
Какая нескладица! Я сердечно
ее ненавижу во многомъ, что
кажется не значущимъ, оп-
снупаю я опъ правилъ обычая.
За что называютъ меня чуда-
комъ — а кто не хочетъ быть
такъ вѣжливъ, дуракомъ. Из-
рядно —; я на это согласенъ.
Это мое дурачество, — вред-
но ли оно кому? — Я вижу,
что весь Коринѳъ наполненъ
глупостями и пороками, ко-
торые пагубны своимъ хозяе-

вамъ , другимъ честнымъ лю-
дямъ и самому обществу. На
нихъ спопрямъ спокойно , а
мнѣ не хопятъ позволить
двухъ или трехъ прихожей ,
копорья не вредятъ ни одной
живой душѣ , ни душѣ мясной
мухи.

Однакожъ ты согласишься
со мною и въ томъ , что пре-
восходный человекъ былъ бы
тѣмъ превосходнѣе , естлибъ
не имѣлъ никакихъ поро-
ковъ ? “

Хопябъ это возможно бы-
ло , Ксеніадъ , то настопишь
вопросъ : не самымъ ли вѣрнымъ
средствомъ было бъ такое ве-
λικое совершенство навлечь
на себя общее омерзѣніе. Горе
тому человеку , копорой былъ
бы такъ умень , что ни въ
какой слабости не уподоблял-
ся бы прѣчимъ смертнымъ !

Спачочное ли дѣло, чшобѣ онѣ
показался имѣ сноснымѣ? Какѣ
могли бы они ему просшишь
за такія преимущесства. Сво-
боду, наслаждашься ими без-
препяшсвенно, долженѣ онѣ
себѣ купшь нѣсколькими дѣй-
ствительными или мнимыми
глупостями, которыми, такѣ
сказашь, примиришь онѣ со
всеобщимѣ духомѣ глупости
сего подлуннаго свѣта и дасть
право прочимѣ глупцамѣ надѣ
нимѣ веселишься. — Но право
уступаю я тебѣ болѣе, неже-
ли надобно, милый Ксеніадѣ!
соглашаясь съ тобою, чшо по,
въ чемѣ я чудакѣ, должно
быть неопмѣнно глупостию,
или прихотию. — Я готовѣ
доказашь тебѣ прошивное;
если у тебѣ совсѣмѣ нѣтъ
инаго дѣла — скажи мнѣ по
спатьямѣ, чшо Коринѣяне во

мнѣ охуждающѣ и что мнѣ на то отвѣчать?

Кс. Они говорятъ, на примѣръ, что Діогенъ хочещѣ нарочно изъ гордости опличить себя отъ всѣхъ другихъ людей въ одѣяніи, образѣ жизни и поступкахъ.

Д. во всемъ этомъ поступаещѣ онъ по своимъ правиламъ. Гдѣ же тушѣ припворство? — и почему могутъ честные Коринѣяне такъ вѣрно опгадывать попаенныя пружины его поведенія? — Но не спанемъ спорить о такомъ дѣлѣ, въ которомъ споль мало возможности у бѣ д и ш ѣ одному другаго — хотябѣ они были и правы, то это значилобѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ шолько, что ихъ гордости не угодно, чшобѣ моя носила иную, а не я, личину; — но го-

вора сущую правду объ этомъ дѣлѣ, не лучше ли поступи- либѣ ваши богатые сласто- любцы и для собственннй своей выгоды, еспьлибѣ послѣдова- ли моему примѣру хопя въ умѣренности. Многіе ли изъ нихъ такъ здоровы опѣ вку- сной оправы своихъ поваровъ, какъ я опѣ простой пищи, которую повсюду пригопо- вляешъ для меня Природа? Кто изъ нихъ всѣхъ, ежели жерпвовалъ Комусу только десяпъ лѣпѣ, могъ бы пере- вѣдаться со мною въ силѣ и гибкости, хопябѣ опышъ сдѣ- ланъ былъ играми, копорыя увѣнчиваются въ Олимпѣ, или шѣми, въ копорыхъ бываюшѣ судьями красавицы?

Эта крайняя умѣренность, къ копорой я уже привыкъ, не имѣешъ болѣе ничего тя-

госпнаго для меня, а напрошивъ того доставляешъ мнѣ пакія выгоды, копорыхъ конечно не лзя сравнишь съ мѣлкимъ удовольствіемъ угождашь моей горіани Ибо съ того времени, какъ веду сей образъ жизни, копорой кажешся вамъ пакъ бѣднымъ, я всегда веселъ и ко всему расположенъ; мой духъ не помраченъ, разумъ дѣятеленъ, сердце чувствительно, всѣ мои силы мнѣ послушны, и не опъ желудка по зависитъ, чшобъ я былъ для себя и другихъ человѣкомъ умнымъ или болваномъ, пріятнымъ или несноснымъ собесѣдникомъ. Красоты Природы никогда не перяютъ для меня своихъ прелестей, а къ измѣненіямъ ихъ я привыкъ. Могу сносить жной и спужу, голодъ и жа-

жду, выдерживать вѣтрѣ и непогоду, пока можешъ по выдерживать природа челоуѣка; словомъ: я епособнѣе къ перенесенію всякой работы и боли, да и прелестносшь роскоши чувствую тѣмъ живѣе, чѣмъ рѣже ее вкушаю. Пусть ваши избѣженныя, похожіе на двушекѣ, разслабленныя, хмурливыя, хворыя и помныя Сибариты, которымъ причиняешъ уже боль смятый розовой листѣ на мягкой ихъ постелѣ; пусть они приползутъ и перевѣдаются во всемъ эпомѣ со мною: — впрочемъ весьма справедливо, милой мой Ксеніадѣ, что эпо такъ. Любимцы случая имѣли бы надъ нами прочими очень много преимуществъ, естлибы Природа не взяла на себя замѣнишь намъ убытокѣ. Скажи жъ

теперь самъ, долженъ ли я въ честь зубоскальства Коринѳянъ не слушаться голоса сей доброй мапери? — Діогенъ, по дружбѣ къ себѣ, этого не сдѣлаешь.

Кс. Въ существѣ дѣла ты, можешь быть, не такъ неправъ, Діогенъ; но что сдѣлалось бы съ людьми, еспьли бы каждой хотѣлъ жить по имъ-имъ правиламъ. И Природа, наполняя шаръ земный предметами удовольствія для насъ, и давъ человѣку остроуму и способность изобрѣтать тысячу искусствъ, которыя занимаются единственно улучшиваніемъ нашей жизни — не сама ли тѣмъ дала знашь, что ея намѣреніе не по только, чтобъ мы жили, но чтобъ жили пріятнѣйшимъ образомъ.

Д. Можно бы, кажется, много сказать прошивъ того воображенія, копорымъ обыкновенно мы льстимъ себѣ, будто все на свѣтѣ сотворено для насъ. Заключение — „я могу нѣчто употребить къ нѣкопоруому намѣренію, такъ это для того и сдѣлано: совсѣмъ несправедливо; ибо я могу, на примѣръ, употребить стаканъ урильникомъ, хотя онъ назначенъ для пипья. Все оспается спросить: не употребляемъ ли уже во зло многого однимъ только употребленіемъ, какое изъ того дѣлаемъ? Стоило бы только сдѣлать особенныя изслѣдованія, въ которыя теперь не спашемъ вслупать. Да этого мнѣ и не надобно, чпобъ отвѣтствовать на швое возраженіе. Хотя бы П р и р о д а

назначила къ нашему упо-
требленію и удовольствію всѣ
свои творенія со всѣми произ-
веденіями искусства, которое
въ нѣкоемъ смыслѣ можно бы
назвать дочерію Природы; по
въ семъ могли бы мы ее уподо-
бить богатому человѣку, ко-
торой приготовилъ большой
пиръ и звалъ на оный вся-
кихъ госпей изъ всѣхъ зе-
мель, народовъ и языковъ,
всѣхъ степеней состоянія,
пола и сложенія шѣла. На-
турально поступилъ бы онъ
хорошо, представя споль мно-
гимъ и различнымъ гостямъ
многія кушанья и все въ вели-
комъ изобиліи. Теперь пред-
ставъ себѣ между шѣми го-
спями какого нибудь дюжаго
мужичину, которой, не доволь-
ствуясь шѣмъ, что передъ
нимъ споймъ, захватилъ бы

къ себѣ и отдаленныя блюда, и не разсуждая, что не все приготоовлено для него одного, и что у него одинъ только желудокъ, или что нѣкопорыя кушанья поданы только для слабыхъ и хворыхъ госпей, старался бы одинъ все сожрать, покабы такъ обѣлся, что излишнимъ спалобъ его рвать — что сказалъ бы ты о такомъ челоѣкѣ? или какъ, думаешь, смопрѣлъ бы на него хозяинъ пира?

Кс. Ошвѣтъ самъ по себѣ ясенъ.

Д. Таковъ же и прикладъ моего уподобленія. Ваши богачи, которые собираютъ свои бѣснвы изъ всѣхъ спихій и климашовъ супъ попъ госпъ, которой хочетъ одинъ сожрать по меньшей мѣрѣ, сколько ошъ него зависитъ, весь

ширъ Природы. Пустьъ каждой берешь по , что лежитъ подлѣ него и ѣшь не болѣе , какъ сколько надобно для упо-ленія его голода , по мы всѣ вспанемъ изъ за спола Природы насыщены , всѣ будемъ здоровы , и никто не спанетъ жаловаться на несваримосць и беспокоитъ своихъ поварищей рыганіемъ и — вопъ все , что произошло бѣ опъ того , ешьлибъ каждой жилъ по моимъ правиламъ — но не забось пожалуй, Ксеніадѣ. Никогда не наберу сполько послѣдователей , чтобъ нынѣшнее состояніе Свѣта подверглось опъ того о п а с н о с т и . А ешьли положитъ и невозможной случай , что мой примѣръ имѣлъ бы довольно силы обратишь цѣлую Націю къ моей системѣ — подумаешьли,

что для нее было бы шѣмъ хуже? — У меня есць охота — но что это, не слышишь ли жалобнаго вопля съ берегу? — я останусь шебѣ долженъ своею республикою, Ксеніадѣ, — мнѣ надобно по-смотришь, что это такое.

25.

Это было ничто иное, какъ маленькая барка, которая опрокинулась у подводнаго камня не далече отъ берега — между плавающими увидѣлъ я человѣка, у котораго, кажешся, недоспавало силъ доплыть до берега. — Въ мигъ скинулъ я съ себя епанчу на песокъ — бросился въ воду, — благоприспойно, или не благоприспойно — дѣло шло о спасеніи жизни человѣческаго творенія. Такъ, это была женщина?

Я въ томъ не виноватъ,
что такъ случилось. Между
дѣтьми вѣрыше мнѣ, или
нѣтъ — думалъ я объ ней
въ ту пору не болѣе, какъ о
лунномъ человѣкѣ. Я взва-
лилъ ее себѣ на спину и до-
брался съ нею до берега. Поло-
живъ ее на песокъ и уйши,
было бы не хорошо. — Никако-
го добра не надобно дѣлать
въ полы; и такъ я донесъ —
ее до ближней полянки, на
ней росло нѣсколько кустарни-
ковъ — вы можете себѣ пред-
ставить, что во все это вре-
мя имѣлъ я случай сдѣлать
открытіе, что эта женщина
была пригожая женщина. Мень-
ше ли вы теперь объ ней
заботитесь; когда узналъ я
это — со мною тоже случи-
лось, что и съ вами — Меж-
ду дѣтьми все еще былъ я безъ

епанчи. — Пригожая женщина, и попеченіе привести ее въ чувство, занимали меня такъ много, что я не могъ на себя оглянувшись — до самой поиминушы, въ которую открыла она глаза. Я ударился бы объ закладъ, что не много могла она видѣть, такъ скоро закрыла она опять глаза. Смущеніе, съ какимъ она это сдѣлала и маленькое восклицаніе, каковымъ его сопровождала, привели меня въ робость, и теперь лишь примѣнилъ я, что на мнѣ нѣтъ епанчи: рассказываю вамъ объ этомъ со всѣми подробностями, какъ было безъ малѣйшей красоты. — О отдохни здѣсь между тѣмъ на солнцѣ и обсушись, сколько можно. Я пойду на минушу за епанчею; ибо хочу и долженъ видѣть твои глаза

и слышать къ чему еще впредь могу быть себѣ годенъ. — Я побѣжалъ прочь; въ десять минушъ доспалъ опять свою епанчу и пришелъ назадъ. Между шѣмъ выжала она свое верхнее платье — разосплала на солнцѣ и собиралась за куспарникомъ скинуть съ себя и прочее. Большой кускъ мѣшалъ ей меня увидѣть, хотя она оглядывалась робко. Я остановился и смотрѣлъ на нее — не скажу вамъ болѣе о семъ, кромѣ того, что изо спа молодыхъ людей хотѣлъ бы я совѣшовать девяносто-четверымъ, и одному смотрѣть въ иное мѣсто, или паче совѣмъ итти прочь; но пятидесятилѣтнему человѣку, который болѣе двадцати лѣтъ питается салатомъ, бобами и водою, можно смотрѣть на каждую

хорошую спашую ; хопябъ она вышла изъ рукъ Фидіаса , или самой Природы. На послѣдокъ верхнее платье просохло, она окушалась въ него , сѣла на солнцѣ , которое склонялось уже къ захожденію и , казалось , осмапривалась , куда я дѣвался? — Почему я и явился ; она покраснѣлась , попупила глаза и походила на человекъ , которой въ затрудненіи. Я пришелъ , прекрасная незнакомка , сказалъ я — шупѣ лице ея спало нѣсколько веселѣе , но краски прибавилось — за шѣмъ , чпобъ узнать , въ чемъ могу шебѣ еще служить. Она помолчала. Содѣлаешь ли мнѣ одолженіе , на послѣдокъ сказала она , посмопрѣшь , что спалось съ спарою женщиною , которая была со мною въ баркѣ , она была мнѣ кормили-

цею; надѣюсь, что она спасена — Я бросился на берегъ — все было спасено, только о старой кормилицѣ никто не могъ подать вѣсти. Прекрасная дама заплакала, когда я принесъ ей эпу вѣдомость. Она побѣжала сама на берегъ, просила судовщиковъ объ опѣисканіи своей кормилицы, обѣщала награжденіе и плакала бы можетъ быть еще, если бы сундукъ, которой не далеко отъ нее споялъ на пескѣ, не далъ инаго направленія ея вниманію. Онъ принадлежалъ ей, и былъ съ платьемъ и премногими хорошими вещами, къ наряду пригожей женщины принадлежащими. Къ счастью все было въ цѣлости, лучъ радости вдругъ прогналъ туманъ со всего ея лица — это было премилое лицо, въ томъ

васъ увѣряю. Кормилицы нигдѣ не найдено, и солнце закопилось. Прекрасная женщина, утѣшась нарочито тѣмъ, что хотя сундукъ свой нашла, сказала мнѣ имя одной пріятельницы, къ копорой долженъ я былъ отвесити ее. Судовщикъ, взвая на себя ея сундукъ, показывалъ намъ дорогу. Мы прибыли. Прекрасная женщина благодарила меня, а я пожелалъ ей доброй ночи — впервые, казалось, посмотрѣла на меня со вниманіемъ и нѣкоторымъ изумленіемъ. Почивай спокойно прекрасная незнакомка, сказалъ я, и пошелъ прочь.

26.

Теперь спрошу всѣхъ честныхъ людей, Грековъ и Варваровъ, мушинъ и женщинъ

включаю: п у ш в обоеполыхъ и: каспраповъ, еспьли что соблазнительное въ той испоріи, которую я теперь лишь рассказалъ. По: чести, я ничего того не понимаю, предположа: всѣ обстоятельствова, такъ какъ онѣ дѣйствительно были. Не вижу, какъ бы иначе должно было поступить мнѣ самому, или прекрасной женщиноѣ, или обоимъ вмѣстѣ, нежели: какъ мы сдѣлали.

Между тѣмъ послушайте, что случилось. На другой день дѣло было гласно во всемъ Коринѣ. Цѣлые три дни не говорили ни о чемъ иномъ, какъ только о Диогенѣ и прекрасной женщиноѣ, пересказывали одинъ другому эту исторію съ нѣкоторыми прикрасами, или дополняя не-

достающее обстоятельство
другимъ собственнаго изобрѣ-
шенія ; положили ее даже на
спижи , и вчера ввечеру слы-
шалъ я , какъ пѣли на улицѣ —
но это еще ничего. Также и
судили о томъ и разсмапри-
вали , что Діогенъ и прекра-
сная женщина дѣлали , чего
не дѣлали , по какимъ тай-
нымъ побудительнымъ причи-
намъ , и на какой конецъ по-
дѣлали , что при сихъ или
другихъ данныхъ обстоятель-
ствахъ могли или должны
они были дѣлать. Говорили
о томъ со всѣхъ сторонъ , и
голоса остановились едино-
душно на томъ. — Что Діо-
генъ поступилъ во всемъ
этомъ дѣлѣ не такъ , какъ
умной и добродѣтельной чело-
вѣкъ. — „

Одна старая дама сердилась очень за то, что онъ такъ поздно ходилъ за епанчею. Какая неоспорожность, ежели упопребишь и самое легкое выраженіе? Возможно ль было забвеніе самаго себя проспирашь такъ далече? Ему должно было положить на берегу эту женщину, пока она еще не опомнилась, а опнесшь въ удобнѣйшее мѣсто, надѣвъ уже на себя епанчу.

Вы очень добросердечны, сударыня, сказала другая, развѣ не видишь, что можно забышь нѣчто умышленно? — и что на этошъ развѣ польза его пребовала подумашъ о нужнѣйшемъ, когда уже поздно было? —

Третья клялась Елевзинскими богинями, что не пустила бы его болѣе къ себѣ на

глаза, естлибѣ она была пою
незнакомкою.

Чаяпельно, подхвапила че-
пвертая, была та дама избъ
такой земли, гдѣ живущѣ
еще въ первобынномъ соспо-
яніи Природы. —

Или почла она его за Са-
пира — сказала пяшая, —
большая, полспая женщина,
копорая, казалось, не спраши-
лась десяперыхъ Сапировѣ. —

Не знаю, за чемѣ хочепся
вамѣ опгадывапѣ, говорила
шестая. Я думаю, что дѣло
само по себѣ ясно. А естли
вкусѣ этой женщины таковѣ?
По всѣмѣ обспояпельспвамѣ
была эта дама избъ тѣхѣ, ко-
порымѣ не много въ помѣ ну-
жды, по всѣмѣ ли правиламѣ
сѣ ними поступающѣ или
нѣтѣ. —

Такъ судящъ дамы перваго и втораго класса въ Коринѣ, кромѣ жрицъ, которыя совсѣмъ не судили, а освѣдомясь только обо всѣхъ обспояпельспвахъ, и услыша, что онъ былъ безъ епанчи, когда та дама впервые отворила глаза и покраснѣлась, закрыли лицо руками и не хотѣли слышать ничего болѣе.

Въ мужскихъ общеспвахъ рѣшили это дѣло по другому уваженію.

За чемъ проспиралась его услужливоспъ только къ пригожей женцинѣ? за чемъ далъ онъ попонуспъ честной кормилицѣ? а она, какъ послѣдствіе показало, имѣла сполько же нужды въ его пособіи?

Этотъ вопросъ тѣмъ основательнѣе, присовокупилъ другой, поелику въроятно, что

пригожая женщина доплыла бы до берегу и безъ его помощи. —

Вы сивроги, государи мои, сказалъ претій, какъ будто бы не натурально хотѣть лучше подслужиться пригожей, молодой женщиной, нежели спарой ея кормилицей, ха, ха, ха, — Эшопъ человекъ смѣялся хорошою своею мыслию, ха, ха, ха. —

А особливо, присовокупилъ четвертой съ лукавымъ видомъ, потому что не всякой день найдешь благоприспоспелой предлогъ спряпаться за кустарникъ съ пригожею Нимфою *in rugis naturalibus* (какъ мать родила).

Я знаю на вѣрно, опоздался пяшой, которой недавно сдѣлался совѣшникомъ, что болѣе двухъ часовъ проводили они на единѣ въ кустарникѣ,

и можно бы представить свидѣтелей, которые видѣли его епанчу на берегу, а плащѣ дамы развѣшенное на сухомъ сукѣ, на солнцѣ.

Я не люблю полковать въ жудую спорону, говорилъ Юпиеровъ жрецъ, спешенной сороколѣпнѣй спарикѣ, поглаживая съ великою важностію двойной свой подбородокъ. Но смопря по свойспиву людей, непріятно мнѣ слышать, когда говорятъ о великодушныхъ поступкахъ, когда шупѣ замѣшана женщина, а особливо молодая и пригожая женщина. Очень видно, для чего такъ охотно спараются, какъ уже упомянуто мною, услуживать этому послѣднему классу. Желалъ бы я знать, есѣли говорятъ важно о семѣдѣлѣ, для чего бѣ пригожей

женщинѣ, поколику она пригожая женщина, бытъ любезнѣе своей кормилицы? Развѣ кормилица не такое же чело-вѣческое пвореніе? не тѣже ли обязанности мы имѣемъ къ нимъ? Не спольколи же надобна въ подлежащемъ случаѣ помощь одной, какъ и другой? Не благочестіе ли и непорочность нравовъ опредѣляетъ истинную цѣну людей; и развѣ молодая или пригожая женщина имѣетъ по симъ случайнымъ качествамъ болѣе права на благочестіе и добродѣтель, нежели старая или дурная? — Натурально скорбе должно думать пропивное.

Добродѣтельной чело-вѣкъ, естли онъ уменъ, а ему надобно бытъ шаковымъ, или же добродѣтель его подвергается всечасно опасности по-

ползновенія — шѣмъ скорѣе рѣшился бы въ такомъ случаѣ, въ которомъ должно бы избиратьъ изъ двухъ, въ пользу кормилицы, чѣмъ чище моглибъ быть побудительныя въ разсужденіи ея причины, чѣмъ назидательнѣе былъ бы примѣръ, копорой бы онъ шѣмъ подалъ, и чѣмъ меньше должнобъ ему было шупъ опасаться для своей собственной, или ея добродѣтели. — — —

Просши меня опче боговъ и челоѣковъ! Но мѣѣ не возможно болѣе слушать, какъ швой жрецъ шоль важно — безумспвуетъ. — Будь ты правъ, жрецъ Юпитера; непонятно для чего пригожей молодой женщиѣ былъ любезнѣ своей кормилицы — она совѣмъ не любезна — добродѣтель старой кормилицы. Вошѣ

главное дѣло; какой Клейнодѣ! его надобнобъ было спасти, пусть пригожія женщины все упоаюшѣ! какая въ томъ нужда. Добродѣтель шушѣ выиграешѣ; искушенія уменьшатся: а какіе примѣры подалибѣ мы, естѣлибѣ оспались на свѣшѣ только спарыя кормилицы? — Діогенѣ не поступилѣ какѣ умной и добродѣтельной мужѣ, уступаю тебѣ во всемѣ, чего ты хочешѣ, жрецѣ Юпитера — только молчи! —

27.

Безѣ похвалѣбы предыдущая глава естѣ одна изѣ самыхѣ поучительныхѣ, какія когда либо были писаны — и я совѣтую вамѣ добросердечно пройти ее въ умѣ не однократно со всевозможнымѣ вни-

маніемъ. И посредственно оспроумному чипашелю можно будетъ съ малымъ прудомъ извлечь изъ нея правила разныхъ весьма надобныхъ и преполезныхъ искусствъ — на примѣръ: искусства злословить остро — искусства криво полковать произшествія, не перемѣняя въ обстоятельствахъ ничего инаго, кромѣ времени и мѣста — искусства представлять въ соблазнительномъ видѣ дѣло ничего незначащее и невинное — искусства — частную ложь подкрѣплять общими истиннами — все такихъ искусствъ, копорыя имѣютъ преобширное вліяніе на общественную жизнь и суть такого рода, что тѣ, копорыя много въ нихъ успѣли, скрываютъ ихъ вообще, такъ какъ нѣкіе врачи свои Арканы (лѣ-

карства, коихъ сославъ неизвѣстенъ) попому что хотятъ удержатъ для себя произрастающій отъ того прибытокъ — повторяю, что можно опшуда многому научиться.

28.

Признаюсь тебѣ, Ксеніадѣ, что я не могъ пропившись искушенію опомстись той большой, полстой женщиной, которая примѣнила меня къ Сапиру. Ты конечно знаешь Лизиспрату, супругу полумнаго Фоки. — На сихъ дняхъ ходилъ я къ ней въ часъ полуденнаго опдохновенія. Духота была очень велика. Я заспалъ, что она лежала на софѣ въ маленькой залѣ своего саду. Молодой рабъ, ни опрокъ, ни юноша, копорой подалъ бы

живописцу идею къ прекраснѣйшему Бахусу, стоялъ подлѣ нее на колѣняхъ съ большимъ опахаломъ, и удалился когда я вошелъ. Я сказалъ ей, что пришелъ для того, чпобъ подать ей мнѣніе о нѣкопороу дамѣ изъ моихъ пріятельницъ лучшее того, въ какомъ она имѣетъ несчастіе находиться у нее невѣдомо за что.

Казалось, что она не понимала, чего мнѣ хотѣлось. Я ей припомнилъ, сказавъ, что означенная дама не думала, чпобъ заслужила такой суровой приговоръ, каковъ послѣдовалъ недавно объ ней въ нѣкопороу общеспвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, присовокупилъ я, желалъ бы знать, какъ поступила бы иначе Лизиспрапа,

естьлибъ была въ тѣхъ же
обстоятельствахъ? —

„Я невиновата, что зако-
ны благоприспособности такъ
спроги, сказала она. — „

О той ли благоприспособно-
сти ты говоришь, которая
происходитъ отъ внутрен-
ней изящности чувствованій
и поступковъ, или о мнимой
благоприспособности, которая
зависитъ только отъ мнѣнйя
людей.

Я совсѣмъ неискусна въ
вашихъ различеніяхъ, возрази-
ла дама — всякъ знаетъ, что
значитъ благоприспособность,
и всѣ согласны, думаю, въ
томъ, что есть нѣкія прави-
ла, отъ которыхъ не лзя
опспунить, не подвергаясь
суду свѣта. „

Ты чайтельно намѣкаешь
на то обстоятельство, что

я былъ безъ епанчи, когда дама впервые отворила глаза. Признаюсь, что это было неправильно, но обстоятельство должны меня извинить, и я право не имѣлъ ничего худого на умѣ.

„Не о томъ рѣчь, что у тебя было на умѣ, а что ты дѣлалъ,“ сказала она, улыбаясь. —

Я бы ни за что не ручался, прекрасная Лизиспраша, если бы находился въ такихъ спранныхъ обстоятельствахъ съ женщиною столь прелестною, какъ теперь вижу передъ собою.

„Я не вижу за чемъ ты меня шушь замѣшиваешь —“ отвѣчала она покраснѣвши, и оправляя свою косынку, которая была нѣсколько въ безпорядкѣ, такъ нерадиво, что

эпопѣ безпорядокъ сталъ примѣтно хуже прежняго.

Но вправду, прекрасная Лизиспрапа, была ли бы ты въ состояніи проспать такую малость человѣку, которой спасъ бы тебѣ жизнь? въ существѣ однакожъ это дѣло было самое не значущее.

„Не такъ, какъ ты себѣ воображаешь. —“

А для чегожъ это — надобно бы мнѣ имѣть мѣлкое понятіе о добродѣтели женщины, естлибъ думалъ, что приключеніе такого рода, при которомъ не было нисколько намѣренія ни съ одной, ни съ другой стороны, могло привести ее въ смущеніе. —

„Да кто это и говоритъ? Я не хотѣлабъ, чтобъ вы прочіе почиали себя такъ опасными; но куда дѣвалосьъ

бы должное къ намъ уваженіе, еспьлибъ мы были такъ склонны, какъ твоя незнакомка, прощати пакія вольности, хотябъ и не было въ нихъ намѣренія? — “

Можешъ бытъ почитала она своего избавителя за Сашира, прекрасная Лизисираша?

Она въ другой разъ покрасѣла — Ты коваренъ, Діогенъ, сказала она. За шѣмъ оборотилась нѣсколько болѣе на мою сторону, не примѣчая, что это движеніе причинило въ одѣяніи лѣвой ея ноги нѣкій безпорядокъ, которой хотя давалъ всей ея фигурѣ, такъ какъ она лежала на софѣ, видъ шѣмъ болѣе живописной, однакожъ могъ произвести такія впечатлѣнія, которыхъ чаятельно, по мнѣнію су-

ществующему въ пользу добродѣтельной дамы, не намѣрена она была сдѣлать.

Въ самомъ дѣлѣ, Лизиспрапа, сказалъ я, Саширу позволено многое, что другому не было бы прощено — черпа направленія моихъ глазъ должна бы была сдѣлать ее внимательною, если бы она была менѣе развлечена — не совѣщивалъ бы тебѣ, прекрасная Лизиспрапа, продолжалъ я по маломъ молчаніи, приводишь себя умышленно въ такое положеніе, въ которомъ вижу тебя теперь, если бы ты почивала себя въ малѣйшей опасности, что Саширъ тебя заспанетъ —

„Чтобы подумалъ, сказала она, закутываясь съ принужденнымъ смященіемъ, чтобы у философовъ были глаза для

такихъ мѣлочей — повѣрь мнѣ однакожъ, что я не думала дославивъ развлеченія твоей премудрости. — “

Я не знаю что ты думала, но знаю, что я сдѣлала бы, еслибы могъ тебя убѣдить, позволишь мнѣ преимущества Сашира.

Дама взглянула на меня съ маленькимъ удивленіемъ, которое не имѣло ничего устрашающаго — это былъ такой взглядъ, которой, кажется, искалъ въ моихъ глазахъ, дѣйствительно ли я сколько чувствую, какъ сказалъ?

Поелику всему есть предѣлы, продолжалъ я съ большимъ вздохомъ, то не должно ли и добродѣтели имѣть своихъ? я — это чувствую

сполько, прекрасная Лазиспра-
та, что не лзя мнѣ не же-
лашь, чтобъ могъ шебя въ
помѣ удостовѣришь —

Въ это время смотрѣлъ
я на свою епанчу не болѣе,
какъ дама нѣсколько минутъ
на свою пунюку — глаза ея
были почти сомкнуты, а
грудь, на копорой нѣсколько
дюжинъ боговъ любви могли
соспавишь хороводы, вздыма-
лась такъ сильно, что я самъ
чуть было не пришелъ въ
смущеніе. —

О прелестная Лизиспра-
та! вскричалъ я, подходя къ
ней съ такимъ движеніемъ,
будто едва могу удержашься
обняшь ея, за чѣмъ не могу
тебѣ внушить кропчайшаго
образа мыслей. Спрогая до-
бродѣшель, копорою ты предъ
всеми хвалишься — я почи-

палъ ее — она принуждаетъ меня къ тому — какъ любилъ бы я тебя, естлибъ ты была способна проспипть бѣдной незнакомкѣ ту маленькую погрѣшность, кошорая была тебѣ самой такъ соблазнительною? Какъ скоро могла бы ты это сдѣлать, естлибы сама была способнѣе предаваться слабости. —

„Я право тебя не разумѣю, сказала она; но ты сдѣлалъ бы удобное, естлибы оставилъ меня одну. —“

Можешь ли вправду имѣть такую жестокую мысль, вскричалъ я, ухватя ее за руку и сѣвши ближе на край ея софы —

Она опдернула свою руку такъ неоспорочно, что моя, послѣдуя за нею, очутилась

на ея груди — я не дамъ
играть собою, сказала она.

Это - то и доводитъ меня
до опчаянія — я чуть не
безъ ума отъ того, что
самъ подвергъ себя такой
опасности, имѣя споль много
причинъ спрашився швоей
добродѣтели —

Она надувалась отъ ярос-
сти, не зная, какъ бы съ
благоприспойностию обнару-
житъ свои чувства.

Ты видишь, прелесшная
Лизиспраша, сколь много не-
доспаешъ мнѣ еще бытъ тако-
вымъ Саширомъ, каковымъ ка-
жусь; но признайся, не бы-
лалъ бы ты также обманута,
какъ и моя незнакомка —

Она съ досады начала пла-
кать.

Я чувствовалъ, что начиналъ становиться слабъ. Вспалъ, ибо не могъ ни на минушу болѣе за себя ручаться. Въ это время вошелъ рабъ, шепнулъ дамѣ нѣчто на ухо — сколь я ни чупокъ, однако услышалъ только имя Діофанта — того жреца, которой поняшь не могъ, за чѣмъ пригожая женщина любезнѣе своей кормилицы. Мальчикъ побѣждалъ опять съ приказаніемъ, котораго я оппнюдь не могъ поняшь. Мнѣ не надобно было инаго напонианія. Надѣюсь, Лизиспрапа, сказалъ я, что могу оставишь себя съ тѣмъ удостовѣреніемъ, что вперилъ тебѣ лучшее мнѣніе о себѣ и прекрасной незнакомкѣ. Честной Діофантъ пришелъ шакъ впо-ру поддерживашъ то разполо-

женіе, въ которомъ тебя оставляю, что несправедливо было задерживать его и на минуточку. Проспи прекрасная, неумолимая — и съ шѣмъ я ушелъ, не бывъ удоспоенъ взоромъ, или опвѣтомъ. —

Не понимаю, сказалъ Ксеніадъ, какъ ты могъ имѣть столько власти надъ собою, производя такое мщеніе, которое конечно было тебѣ по меньшей мѣрѣ также пятоспнно, какъ и самой дамѣ.

Ты не можешь повѣрить, Ксеніадъ, сколько я ненавижу эту лицемѣрку — сколько, сколько почишаю невинность и истинную добродѣтель. Желаніе, дать ей почувствовать все по презрѣніе, которое она заслуживала, сдѣлало меня ко всему способнымъ, хотя признаюсь тебѣ, что

родѣ добросердечія раза два чуть не свигралъ мнѣ шупки, которой никогдабъ я себѣ не проспилъ.

29.

Кто самъ не испыталъ этого, или же чего подобнаго, пошѣ не пойметъ, какая разность иппи на приспанъ за дѣломъ или же и не за дѣломъ, и принуждену бытъ иппи на приспанъ для того, чтобъ на десять лѣтъ приковали его къ галерѣ.

Я самъ никогда не чувствовалъ этой разности такъ живо, какъ на сихъ дняхъ, зашедши на бродящей своей прогулкѣ въ рощу, которая простирается вдоль берега, не далече отъ Нептунова храма и, какъ вамъ извѣстно, посвящена Нерейдамъ.

Не думая нимало найши спараго знакомца въ сей дикой споронѣ, увидѣлъ я челоуѣка лѣпѣ шридцати пяти жудо одѣпаго, нечесаннаго, сухощаваго, блѣднаго, со впальными глазами, словомъ: со всѣми признаками скорби и бѣдности, поверженнаго подъ деревомъ. Онѣ сбирался ужинашь горстью карпофелей, копорые только чпо вырылъ изъ земли, и нѣсколькими кусками сухарей, размоченныхъ въ водѣ: мнѣ показался эптоу челоуѣкѣ знакомымъ, а подошедши ближе, увидѣлъ съ нѣкопорымъ удивленіемъ, чпо эпто былъ Вакхидѣ изъ Лѣинѣ, копорому предъ самымъ шѣмъ временемъ, какъ въ послѣдній разъ оставилъ я шопѣ городѣ, досталось въ наслѣдство имѣнія по меньшей мѣрѣ на восемь

сонъ Апшическихъ паланповъ
онъ спараго росповщика, у
копораго по щаспию былъ онъ
одинъ только сынъ.

Какъ! эпо щаспливой Вак-
хидъ? и одинехонекъ за па-
кимъ скуднымъ споломъ? ска-
залъ я. —

Щаспливъ! ахъ Боги! вскри-
чалъ онъ, вздыхая. Эпо вре-
мя миновалось, Диогенъ; —
ибо эпо ты, еспьли не обма-
нываютъ меня глаза мои.

Желаю, чшобъ никогда не
обольщали они тебя болѣе,
опивчалъ я.

„Ты очень кспати при-
шелъ. Я хотѣлъ тебя искашь,
ибо иду изъ Аѳинъ въ свое
училище. —

Напрасно предпріалъ ты
эпо пушешеспвіе, ибо у ме-
ня нѣтъ училища.

Такъ я буду у тебя первой ученикъ. Хочу научиться у тебя, какъ бытъ щаспливымъ въ эпомъ скудномъ состоянїи, въ копоромъ живешь ты уже сполько лѣтъ? —

А на что тебѣ эпа наука?

„На что? — мнѣ кажется, что одинъ мой видъ рѣшишь эпомъ вопросъ.

Вижу, что въ обспоятельстввахъ твоихъ произошла нѣкопорая перемѣна. —

Очень большая, свидѣтели тому Боги, очень большая! Ты зналъ еще меня, когда у меня были дома, помѣспья, рудокопные заводы, фабрики, корабли, словомъ: было сполько доспашка, что большая часть моихъ согражданъ завидовала мнѣ. —

Безъ сумнѣнїя были у тебя и спашуи, карпины, Пер-

студскіе ковры, золотыя бакалы, хорошія рабыни, шанцовщицы, панпомимы. —

„Все это было, клянуся Юпитеромъ, и лучшее, нежели у кого либо въ Лѣинахъ. — „

„Жалѣю объ этомъ. —

А мнѣ кажется, жалѣ только, что этого нѣтъ уже.

О томъ и другомъ — но по какимъ несчастіямъ. —

„Скажу тебѣ правду, Діогенъ — и шѣмъ только утѣшаюсь, что наслаждался своимъ богатствомъ — несчастій не было, имѣніе мое потрачено на великолѣпіе, пышность, праздники, пиры, на любовницъ; десять лѣтъ щасливыхъ — могуль безъ опчаянія думать о томъ. „Десять лѣтъ щасливыхъ провождалъ я непрерывно съ Кокусомъ, и Бакусомъ, и Амура-

ми, и съ смѣющеюся Венерою, и со всеми богами радости.

И сіи ласковые боги помогли тебѣ проѣсть въ десять лѣтъ восемь сотъ паланшовъ имѣнія?

Хошябъ было вдвое пропивъ того, я нашелъ бы съ ними средство промѣнять его на радости и роскоши. Признаюсь, я былъ безразсудной человекъ; не мыслилъ о будущемъ. —

А теперь, когда принужденъ о томъ помышлять, какія у тебя намѣренія?

„Никакихъ нѣтъ, Диогенъ. Не знаю какъ быть.“

Однакожь, разсоря такъ много денегъ на столь многіе праздники и пиры, конечно нажилъ ты себѣ друзей?

„Друзей, сколько изволишь — но съ того времени

какъ не могу ничего такого давать, никто уже меня не знаетъ. —

Этому могъ бы ты научиться, не подвергаясь опыту, въ Академіи — или не любя, чайпельно, сѣдобородаго общества, у двадцати прежнихъ щасливцевъ, которые конечно къ тебѣ собирались; — но твоихъ попрековъ, которые уповапельно дѣлаешь ты самъ себѣ, не спану я умножаю своими. Вопросъ о томъ, что намъ теперь начать. Ты былъ бы однакожъ доволенъ, еспльибъ какое благошворное божество возвратило тебѣ поперянное имѣніе. —

„Какой вопросъ! — къ нещасію не знаю такого щедраго существа. —“

„Ошибаешься, Вакхидъ: прилѣжаніе еспльэпомъ много

помощной богъ. Работа и умѣренность супъ обильные и неизчерпаемые золотые рудники, гдѣ самой бѣдной сынъ земли можетъ добывать, сколько хочетъ. —

„Но я не люблю копать, доброй Диогенъ; а естлибъ и хотѣлъ, такъ не умѣю. Всякой работѣ надобно научиться, а я — я ничему не учился. —“

„Положимъ, что ты не знаешь никакого искусства, которое могло бы тебя кормить; но у тебя есть разумъ, ты можешь говорить — посвяти себя Республикѣ; старайся приобрести довѣренность Аѳинянъ. —

„Ты шупишь очень больно, Диогенъ — возможноль убѣдить Аѳинянъ ввѣришь свою безопасность, благоденствіе,

общественные доходы пакому
человѣку, копорый не умѣлъ
сохранить сооспеннаго на-
слѣдія? — „

„Эпо было бы можетъ
быть прудно — „

„Сверьхъ того надобно
знать множесиво вещей, о
копорыхъ я никогда не забо-
тился, когда кпо хочеть
быть государспвеннымъ чело-
вѣкомъ. — — “

„Въ твоихъ обспояпель-
ствахъ по меньшей мѣрѣ
безъ достанка не лзя конеч-
но возвыситься иначе, какъ
достоинствами — мы оспа-
вимъ эпо предложеніе — но
пы можемъ вспунить въ воен-
ную службу. — „

„Рядовымъ? лучше нанять-
ся на галеру; — офицеромъ? на
то надобны деньги, или покро-

витшельство, или достоинство личное. — “

„Ну, естли изо всего этого ничто шебъ не нравися, такъ осмѣяются еще другіе изворопы — они приносятъ не такъ много чести, но гдѣ такъ мало выбора — на примѣрѣ: богатыя пожилыя господажи такихъ лѣтъ, въ которыхъ либо должно отказаться отъ прихопей золотой венеры, или покупать своихъ любовниковъ — ты качаешь головою. —“

„Ахъ! Диогенъ, и эта бѣдственная дорога мнѣ преграждена — дамы, о которыхъ говоришь, пребуяютъ очень многого — а ты можешь себѣ вообразить, что человекъ, который въдесять лѣтъ промталъ восемь сотъ паланшовъ, не годится ни въ какую долж-

ность, и ошорая пребуеѣтъ
ѣакихъ прудныхъ услугъ. — „

„О выгоды богатства!
признаюся себѣ, что я ниче-
го болѣе придумать не могу. —

„Всего этого не надобно.
Ежели научишь меня, какъ
быть также щасливымъ,
каковымъ ты по крайней мѣрѣ
кажешься въ ѣакихъ же скуд-
ныхъ обшопельствахъ, какъ-
вы швои. — „

„Я въ самомъ дѣлѣ ща-
сливѣ, Вакхидѣ; но позволю
себѣ сказать, что ты оши-
баешься, естли почипаешь
меня въ скудныхъ обшопель-
ствахъ. Тебя обманываетъ
въ шомъ наружность. Я бо-
гатѣ — богаче, думаю, Царя
Персидскаго — ибо мнѣ надоб-
но такъ мало, что надобное
мнѣ нахожу повсюду, и не
примѣчаю, чтобъ мнѣ чего

и и б у д ь недоспавало. Опѣ
эной умѣренности я такъ
здоровѣ и крѣпокѣ, какъ ты
меня видишь. Часто изъ шало-
спи, или чшобѣ дашь себѣ
движеніе, вырываю я изъ рукѣ
у пошѣющаго раба мѣльницу
и мѣлю за него. — „

„Спранной человекѣ! вскри-
чалѣ Вакхидѣ. — „

„Ты не повѣришь, Вакхидѣ,
сколь много зависишь опѣ
виго, чшобѣ инспрументѣ,
за копоромѣ должна играшь
наша душа, былѣ хорошо на-
спроенѣ; здоровѣ тѣломѣ,
здоровѣ духомѣ, здоровѣ голо-
вою, — исключая нѣсколькo
грановѣ глупости, опѣ копо-
рой мнѣ ничуть не хуже —
безѣ печали, безѣ спраспей,
безѣ шягоспныхѣ связей, безѣ
зависимости, мнѣль не бышь
шаспливу? не всяль Природа

моя, поколику я наслаждаюсь ею? Какой источник наслаждения заключается въ одномъ только сосраспномъ ощущеніи. — Опасаюсь, что ты не знаешь этого источника, Вакхидъ, — а сверхъ всего этого есть у меня другъ. —

„Однакожъ ты питаешься бобами и кореньями, одѣтъ въ дерюгою и живешь, какъ говорятъ, въ бочкѣ — —“

„Еслили хочешь быть мнѣ поварищемъ, то спанемъ жить въ лѣпнемъ моемъ домѣ; онъ не далече отъ берега; — какой превеликолѣпный изъ него видъ — ибо намъ двумъ тѣсно будетъ въ моей бочкѣ. — Правда, это только родъ пещеры, изрытой самою Природою, но въ ней есть всѣ нужныя удобности: сухіе древесные

лисиныя для постели, и широкой, гладкой камень для стола. — „

„Я принимаю твое предложение въ той надеждѣ, что по великодушію своему не скроешь отъ меня несчастнаго мой шайны, которую ты конечно имѣешь, что можешь себѣ воображать, будто ты богатъ и щастливъ. — „

„Я не могъ удержаться отъ смѣха. Ты говоришь, какъ будто бы себѣ воображалъ, что я ношу на себѣ ладонки, или волшебные знаки, которые имѣютъ эту силу. Не льстя тебѣ, Вакхидъ, моя шайна очень проста, но ее не лзя такъ легко сообщить. Моимъ правиламъ можно научить; но чтобъ почувствовать ихъ истинну такъ, какъ я чувствую, и быть ею щастливымъ,

такъ какъ я, надобно, чѣтобъ
Природа намъ дала нѣкоторое
расположеніе — котораго мо-
жетъ быть въ тебѣ нѣтъ —
однакожъ все попытаемся!
Есѣли тебѣ понравится у
меня. Изрядно — есѣли не
полюбится, то случай мо-
жетъ быть покажетъ намъ
другую дорогу.

30.

Помоги мнѣ смѣяться,
добрый Ксеніадъ: я вдругъ по-
терялъ своего госпя и уче-
ника.

Въ первую ночь, которую
проводилъ онъ въ моей пеще-
рѣ, не могъ онъ спать. Одна-
кожъ и Гомеровъ Улиссъ, когда
былъ выброшенъ на Феакской
берегъ, не имѣлъ ночлега луч-
ше того, которой я ему приго-
товилъ. Примѣрно было, что

эпошѣ челоѣкѣ привыкѣ по-
чивать на мягкихѣ подуш-
кахѣ и лебединыхѣ кожахѣ. —
Соловей пѣлѣ восхищенельно
не далече отѣ нашей пещеры.
Послушай, сказалѣ я, ласко-
ваго пѣвца, какую прекрасную
усыпительную пѣснь поетѣ
онѣ намѣ! — Онѣ ничего не
слушалѣ, или же не чувспво-
валѣ ничего при томѣ, что
слышалѣ.

Вѣ слѣдующее утро по-
завпракали мы слегка ежеви-
ки, копорой нарвали вѣ кус-
шарникахѣ; сверьхѣ того я
далѣ ему изѣ копомки нѣ-
сколько хлѣба. Вѣ самомѣ дѣлѣ
завпракѣ мой показался ему
очень легокѣ, и онѣ съ возды-
ханіемѣ помышлялѣ о спо-
лахѣ щаспливаго своего состо-
янія и о малой вѣроятности,

что ужинъ будетъ лучше
завтрака.

Я началъ съ нимъ фило-
софствовашь; доказывалъ ему,
что человекъ въ шеперешнихъ
его обспоятельстввахъ мо-
жетъ, коль скоро захочетъ,
быть щасливбе всѣхъ на
свѣтѣ. Казалось, что онъ
слушалъ меня внимательнo.
Доводы мои казались ему без-
прекословными; но они его не
убѣждали. Въ продолженіе
сего разговора дошли мы до
пакого мѣста, гдѣ попались
ему на глаза предметы, копо-
рые занимали его совсѣмъ
иначе, нежели моя Философія.

Не далече отъ моей пе-
щеры спойтъ хижина спара-
го рыбака. У него при моло-
дья дочери, копорья въ ху-
домъ своемъ нарядѣ показа-
лись моему дѣинянину, пон-

кому знашоку вѣ пригежихѣ
лицахѣ, примѣчанія доспой-
ными, и ему захошѣлось обо-
зрѣшь ихѣ вблизи. Дѣвушки
сидѣли передѣ шалашемѣ подѣ
деревомѣ, и вязали невода. Вак-
хидѣ нашелѣ, что у одной
прекрасныя руки, какѣ у
Юноны, у другой росѣ, какѣ
у Нимфы, а у прешей много
обѣщающіе глазки. Я никогда
этого не примѣчалѣ. — „

„Ты улыбаешься, Ксеніадѣ!
скрывалѣ ли я отѣ тебя ког-
да нибудѣ такую слабость,
которую имѣлѣ. — „ У спара-
го рыбака есть и жена, кошо-
рая вѣ случаѣ нужды нехудо
могла бы предспавитѣ Цереру,
но тогда не была она шушѣ.

Подѣ вечерѣ понуждалѣ
меня Вакхидѣ опвеспи его
вѣ городѣ. Казалось, что
сѣ зоркостію яспреба выхо-

дитѣ онѣ на добычу, но не сказавъ мнѣ ничего о шѣхѣ примѣчаніяхъ, которыя сдѣлалъ, нечаянно ушелъ онѣ отъ меня. Спустился нѣскольکو времени видѣлъ я, что онѣ говорилъ съ рабомъ. Усмотрѣвъ меня, бросился ко мнѣ. Я нашелъ находку, сказалъ онѣ мнѣ съ такимъ выраженіемъ радости и надежды, которое возвратило его лицу живоснѣ и цвѣтѣ. А какая это находка? спросилъ я. Молодой человекъ, сказалъ онѣ, любящій удовольствіе, или что все равно, молодой человекъ хочеть нынѣшнимъ вечеромъ скрытно повеселиться съ своими друзьями, а его отецъ, богатой скряга, не долженъ ничего о томъ вѣдать. Онѣ послалъ довѣреннаго раба съсказать ему удобное мѣсто; но

всѣ предложенія имѣли свои зашрудненія. —

Я сказалъ рабу, что знаю прекрасное приволье, и теперь пошелъ онъ объявить о томъ своему господину.

„Ты здѣсь пробылъ только сушки, вскричалъ я, а знаешь уже приволье, смѣю ли спросить. — „

„За чѣмъ нѣшь, говорилъ онъ. — Я надѣюсь, что ты не будешь столь глупъ, чтобы захотѣлъ пропустить такой случай набѣситься и повеселиться. Хижина нашего рыбака довольно велика для нашего предпріянія. Старикъ ушелъ невѣдома куда продавать рыбу. Дѣвушка съ общающимися глазами сказала мнѣ на ухо, что онъ воротится лишь послѣ завтра. — „

„А гдѣ ты видѣлся съ нами? спросилъ я. — „

„Я уллучилъ къ тому время, когда въ полдень легъ ты на минушу опдохнуть на своей подспилкѣ. Дѣвушки такъ живы, какъ спихія, при которой онѣ родились. Прямья Нимфы, и, думаю, весьма снисходительнаго рода, да и машь, кажется, не совсѣмъ отказывалась отъ радости. — “

„Ты хорошій примѣчатель, Вакхидѣ, сказалъ я, и теперь вдругъ открыли мы пивой талантъ сыскивать пропитаніе въ такомъ мѣстѣ, каковъ Коринѣ. Не безприбыльное ремесло, и дѣйствительно одно полько, которое оспаетъя чловѣку пвоего рода. Вижу, что я тебѣ впредь уже ненадобенъ. Я пуцу тебя одного по той дорогѣ, копорю хочешь ипши —

будь здоровъ Вакхидъ — но едва могу тебя простить, что новыми своими любовными заплатами опнимаешь у меня лѣпшій мой домъ. Онъ имѣлъ такое прекрасное положеніе — теперь не увижу его болѣе; ибо не все по прилично Диогену, что пристойно Вакхиду. — „

31.

„Конечно, Филомедонъ, я это утверждаю. Самой бѣдной водоносецъ въ Коринѣ достоинѣе тебя! — Ты мнѣ простишь мою вольность — или, еслили бѣ на по разсердился, позволишь мнѣ того не уважать. — „

„Посмотримъ, сказалъ Филомедонъ, съ угрюмымъ видомъ. — „

„Я могу пакъ мало перяшь, молодой человекъ, что не стоило бы труда кого-либо бояться. Тыфу, кто спалъ бы за то сердиться, что ему скажутъ правду. — Безстыдникъ! — „

„Ты шутишь, Филомедонъ. Справедливость того, что я сказалъ, столь ясна, что не могу сдѣлать всего своего самолюбія столько слѣпымъ, чтобы ты ее не видѣлъ. Водоносецъ, сколь ни бѣдной, презрѣнной человекъ, полезенъ однакожъ обществу; — но ты какую приносишь пользу? — Ну, оставь дѣтскую угрюмость. — Станемъ дружески говорить объ этомъ дѣлѣ — ты продаешь повсегодно придцать паланцовъ. Это составляетъ почти полмины на каждой день. — „

„А мнѣ досадно, что и ты, Діогенъ, не можешь того же дѣлать, не правдали? Ты могъ бы по меньшей мѣрѣ бытъ застольнымъ моимъ товарищемъ, естли бы хотѣлъ — но для этого ты слишкомъ гордъ. — “

„Не такъ по гордѣ, Филомедонъ, а покоенъ. Съ того времени какъ вкусилъ я пягости рабства, не хотѣлъ бы на всѣ сокровища Азіи промѣнять щастія бытъ собственнымъ своимъ господиномъ.—“

„Точно также думаю и я, Діогенъ. Я богатъ, наслаждаюсь своимъ богатствомъ, и другіе наслаждаются имъ со мною; оно доставляетъ мнѣ уваженіе, а часто и вліяніе. Мнѣ не надобно приобрѣтать сверхъ того, что щастіе добровольно мнѣ подкинуло. Для

чегожъ: не лъзя мнѣ, такѣ какѣ и тебѣ, бытъ собспвеннымѣ своимѣ господиномѣ? — „

„Заключенія по мнѣ о тебѣ не лъзя сдѣлать: разность между нами очень велика. Ты получаешь ежегодно отѣ Государства тридцать паланковѣ Аппическихѣ, а я ничего. — „

„Я получаю свои доходы не отѣ Государства; они собспвенно мнѣ принадлежатѣ. — „

„И по и другое справедливо. Они тебѣ принадлежатѣ, это правда; но только въ силу договора, послановленнаго между основаателями Республики, получили предки твои, при первомѣ раздѣлѣ имѣній, свою долю съ тѣмѣ условіемѣ, чпобѣ по мѣрѣ силѣ своихѣ способствовали къ пользѣ Государства. Этотѣ договорѣ все еще продолжается,

Кто получаетъ выгоды отъ Государства, тотъ обязанъ ему и службою. — „

„Развѣ ты не получаешь никакихъ выгодъ отъ Государства?“

Какія, на примѣръ?

„Ты живешь однакожъ, а воздухомъ не живуешь; ты ходишь безпрепятственно и безопасно подъ защитою законовъ — развѣ это ни за что щипаешь? — „

„Это иѣчто, Филомедонъ, однакожъ только такое, чѣмъ неотмѣнно обязаны мнѣ Коринтяне. По закону Природы не могу я отъ нихъ меньше того требовать, чтобъ они позволили мнѣ жить безобидно по крайней мѣрѣ, пока я не причиню имъ никакого зла.“

„Для чего не былибѣ они тѣмъ обязаны мнѣ также, какъ и тебѣ, не требуя себѣ болѣе услугъ отъ тебя, нежели отъ меня. — „

„Они и обязаны; но ты былъ бы недоволенъ, еслибѣ тѣмъ опдѣлались они отъ тебѣ. Ты потребуешь отъ нихъ еще гораздо болѣе. Иные должны пахать твои нивы, иные сперечь твои спада, другіе работаютъ на твоихъ фабрикахъ, другіе шкаютъ плащя, копорыя носишь, или ковры, копорыми устилаешь свои комнаты, другіе готовятъ тебѣ кушанья, другіе заводятъ виноградъ, копораго сокъ ты пьешь, словомъ: все, что тебѣ нужно — а сколько у тебѣ нужностей — это должны тебѣ другіе доставлять. Ты одинъ, валяясь, ничего не дѣ-

лаешь — опнюдь ничего инаго, какъ бшь, пьешь, танцуешь, цблуеть, спишь и велишь себѣ служишь — и все это по силѣ твоихъ тридцати талантовъ Апшическихъ, на которые не имѣешь инаго права, кромѣ того, которое даетъ тебѣ общественной договоръ и произтекающіе отъ нуда Гражданскіе законы — право, которое, какъ я сказалъ, предполагаетъ съ твоей стороны нѣкоторыя обязанности, о свойствахъ коихъ чаятельно не размышлялъ ты никогда въ своей жизни такъ прилбно, какъ разсматриваешь всякое утро съ своимъ дворецкимъ поваренную записку — ”

„Мнѣ кажется, Діогенъ, ты забываешь, что все это дб-лающъ для меня или рабы, которыхъ я за то кормлю,

или вольные, копорымъ за по-
плачу. — „

„Эпо опнюдь не оправдываетъ
еще себя, милый мой Фило-
медонъ — Кпо даетъ тебѣ
право почипать свою соб-
стпенностію людей, копорые
отъ природы тебѣ равны? —
, законы, скажешь ты; — но
конечно не законъ Природы, а
тебѣ законы, копорые одолже-
ны свою обязательностію
пому же ясному или дораз-
умѣваемому договору, на ко-
поромъ утверждается вся
Гражданская конституція. Ибо
что иное понуждаетъ твоихъ
рабовъ къ повиновенію, отъ
копораго отказались бы они
скоро, естлибъ не удержи-
вала ихъ столь страшная
власть? — и можешь ли себѣ
вообразить, чтобъ изъ всѣхъ
свободно рожденных, копо-

рые работают на себя изъ
платы, былъ хопя одинъ,
которой не желалъ бы опъ
того освободиться, еспьли
бы не дѣлаи ихъ доброволь-
ными рабами крайня надобно-
сти, или желаніе обогатиться?
Не думаешь ли, что большая
часть изъ нихъ, вмѣсто то-
го, чтобъ тяжкою работою
нѣсколькихъ дней выслужи-
вать у себя едва десяти-
тысячную часть своихъ дохо-
довъ, согласились бы гораздо
скорѣе почивать на своемъ
мѣстѣ между улыбающеюся
Венерою и Бахусомъ, подапе-
лемъ радости, на роскошной
софѣ, и запридцать спалан-
повъ, которые моглибъ они
получать ежегодно безъ ма-
лѣйшаго труда — ибо и эпомъ
трудъ слагаетъ ты на своего
управителя — нанимаешь къ

себѣ въ работу десять тысячъ другихъ человѣковъ? конечно нѣтъ сумнѣнія, чтобъ большая часть, буде бы смѣли, не сдѣлали того самаго проспаго разсужденія, что моглибъ избавить себя отъ этого труда, естли бы нѣсколько изъ нихъ, согласившись, захватили свое имѣніе насильно. Что иное предохраняетъ тебя отъ сей опасности, кромѣ гражданскаго порядка и покровительсва законовъ, отъ соблюденія копорыхъ зависить вся дѣйствительность того доовора. Я работаю на тебя для того, чтобъ ты мнѣ платилъ: — а хопябъ ты и не долженъ былъ опасаться никакого насилія, то тѣ самые люди, у копорыхъ вымѣниваешь на малую часть своихъ

денегъ надобности, покойности и роскоши, спалибъ продавать свои повары или работы такую неумѣренною цѣною, что придесяти палантовъ твоихъ едва спало бы на недѣльной обиходъ — есплибъ не было по оячь дѣйствиемъ порядка городского, что цѣны работъ и поваровъ не зависятъ отъ воли работниковъ или продавцевъ. И такъ признайся, Филомедонъ, что отъ Гражданскаго общества, котораго ты членъ, получаешь такъ великія, такъ существенныя выгоды, что безъ нихъ мало пользы принесло бы тебѣ все золото Царя Мида. Еспли же это справедливо, то не надобно уже намъ инаго доказательства, что всякой дрягель въ Коринѣ имѣетъ болѣе тебя

достоинства. Ибо за скудное содержание, которое доставляет ему Общество, работает он для него; напрошив того ты, которому дает оно на расходы приращать талантов ежегодно, не дѣлаешь для него ничего, или по меньшей мѣрѣ вся твоя услуга Государству есть услуга трушья, свѣдающаго лучшую часть меда, которой свѣдумь собираютъ работающія пчелы, не дѣлая за то ничего иного, кромѣ того, что доставляетъ молодыхъ жипелей; — и позволь мнѣ сказать, что не дѣлалъ бы ты и этого, еслилибъ прелестъ удовольствія не дѣйствовала надъ тобою сильнѣе чувства твоихъ обязанностей къ Обществу. Положимъ, Филомедонъ, еще одинъ случай,

которой такъ возможенъ, что
въ самомъ дѣлѣ мы ни на
одинъ часъ не увѣрены совер-
шенно, что сбудется —
удесяти тысячъ человекъ без-
спорно девятнадцать тысячъ
восемь сотъ рукъ болѣе, не-
жели у сна человекъ. Нѣтъ
же ничего вѣрнѣе того, что
на каждую сотню шебѣ по-
добныхъ во всей Ахаіи есть
по меньшей мѣрѣ десять ты-
сячъ такихъ, которые оны
перемѣны въ Государствѣ мог-
ли бы болѣе выиграть, нежели
потерять. И такъ поло-
жимъ, что симъ десяти ты-
сячамъ вздумалось бы шестъ
число своихъ рукъ, и произве-
деніе ихъ щепя было бы то,
что превосходствомъ своей
силы выгнали бы они васъ изъ
вашихъ помѣстьевъ и пред-
приняли бы новую раздѣлъ. Съ

прекращеніемъ Республики настаеѣтъ оѣпять состояніе Природы. Все возвращается въ первобытное равенство, и словоѣ, ты не получиѣ бы большаго участника передѣ тѣѣмъ честнымъ ремесленникомъ, коѣорой теѣбя обуѣаетѣ. Одно это маленькое обстоятельство привело бы теѣбя въ необходимость либо работашѣ или — довольствовашѣся такъ малымъ, какъ Діогенъ — и чайтельно одно показало бы теѣбѣ такъ же необыкновеннымъ, какъ и другое.

Правда, я положиѣ такой случай, коѣораго, сколь — онъ ни возможенъ, кажеѣтся однакожъ по многимъ причинамъ не очень должно опасашѣся. Но развѣ нѣтъ еще много другихъ случаевъ, коѣторые могутъ теѣбя лишиѣть

ивоего имѣнія. Не видимъ ли мы вседневно примѣровъ такихъ перемѣнъ. Чпожь спалъ бы ты дѣлашь въ такомъ случаѣ? —

По всему этому ясно, что твоя бесполезность есть также великое зло для тебя самаго, какъ несправедливость противъ Государства, копорому за выгоды, доставляемыя тебѣ отъ него, долженъ ты соразмѣрными услугами, не заботясь о заплащѣ своего долга. — Словомъ, съ какой споронны ни посмотришь на это дѣло, по сравненіе между побою и водоносцемъ обращается все въ пользу послѣдняго. —»

32.

„При всемъ томъ, Диогенъ, едва захопѣлъ бы ты бышь

лучше водоносцемъ, нежели Филомедономъ. — „

„Ежели сказать тебѣ правду, не желалъ бы я быть ни однимъ, ни другимъ. — „

„Но поелику уважаешь ты равенство споль много, то за чѣмъ пребуешь отъ меня споль много, а отъ самого себя отпнюдь ничего? — Я не вижу, какую услугу дѣлаешь ты Государству. Не упражняешься ни въ художествѣ, ни въ ремеслѣ, ни въ наукахъ, не пахешь и не насаждаешь, не опправляешь никакой должности: ничего не дѣлаешь, ниже того, что на послѣдокъ и мнѣ позволилъ. Ты и не прупень въ Обществѣ? Чѣмъ оправдаешь свою бесполезность? — „

„Человѣкъ не долженъ никому болѣе того, сколько отъ

него требуется. Я не пребую
опѣ Коринѣянѣ и опѣ всѣхъ
Грековѣ и Варваровѣ вмѣстѣ
ничего болѣе, кромѣ того, какъ
тебѣ уже сказалъ, чѣмъ
позволили мнѣ жиць; а по
этому и я не долженѣ имѣ
ничего болѣе. У меня нѣтъ
помѣщевѣ, нѣтъ доходовъ;
мнѣ ненадобны покровитель-
ства. Ипакъ не вижу, чего
могъ бы требовать опѣ меня
Коринѣ, или иное какое част-
ное общество на Свѣтѣ. — „

„По меньшей мѣрѣ Сионѣ,
твоя родина, имѣетъ пре-
имущество на твои
услуги. — „

„Равнехонько сполько, какъ
Вавилонѣ и Карфагенѣ — При-
родѣ угодно было, чѣмъ я
родился. Ипакъ надобно было
гдѣ нибудь родиться, все рав-
но на какомъ бы по мѣстѣ

ни было. Господа Синопцы были бы очень неучпивы, еспьлибѣ не захопѣли позво- лишь моей матери, которая была честная женщина, раз- рѣшившись мною въ ихъ го- родѣ. —»

“Но ты получилъ одна- кожѣ воспитаніе въ Синопѣ — развѣ воспитаніе не выгода? —»,

„Когда оно хорошо; а я не очень могу хвалиться своимъ. Настоящее воспитаніе полу- чилъ я въ Аѳинахъ у Анпис- еена; но за то не большею благодарностию обязанъ Аѳиня- намъ; ибо онѣ имѣли отъ нихъ не болѣе, какъ я отъ Коринѳянъ. Прочимъ и, прав- ду сказать, лучшимъ обязанъ я опыту и себѣ самому. —

“Но развѣ не Синопцы были твои предки? за чѣмъ бы опечеспву не имѣшь пре-

имущественнаго права на своихъ Гражданъ? —“

„На своихъ гражданъ? безспорно — но рожденіе не дѣлаетъ меня гражданиномъ особой области, если я не хочу тѣмъ быть. Свободными, независимыми, равными въ правахъ и обязанностяхъ производитъ Природа своихъ дѣтей на свѣтѣ безъ всякаго иного обязательства, кромѣ естественнаго съ тѣми союза, которыми она даетъ намъ жизнь, и того сотрудничества, которымъ сводитъ она людей съ людьми. Гражданскія отношенія моихъ родителей не могутъ меня лишить естественнаго моего права. И кто невластенъ меня принудить, чтобы я уступилъ его, пока не пребуду себѣ выгодъ отъ особли-

ваго обществу : словомъ , зависить отъ моего выбора , хочуль я бытьъ гражданиномъ какого нибудь особаго Государства , или гражданиномъ свѣта ? — „

„А кого называешь ты гражданиномъ свѣта ? — „

„Такова человекъ , какъ я , которой , не имѣя особенной связи съ какимъ либо частнымъ обществомъ , почитаетъ земной шаръ за свое общество , а всѣхъ пварей его рода , не смотря на случайную разность , происходящую между ими отъ мѣстоположенія , воздуха , образа жизни , языка , нравовъ , градостроительства и собственной пользы , за своихъ гражданъ , или паче за своихъ братьевъ , которые имѣютъ врожденное право на его помощь , когда спраждутъ , на его сострада-

ніе, буде онъ не можетъ имъ пособити, на его наставленіе, когда увидитъ ихъ заблуждающихъ, на его сорадование, когда они наслаждаются своимъ бытіемъ.

Предразсудки, исключительныя склонности, корысполюбивыя намѣренія, спра-спити, увлекающія все въ собственнѣйшій вихрь, суть обыкновенныя пружины нашихъ дѣяній, пока почиаемъ мы себя только членами какого либо особеннаго общества, и дѣлаемъ свое щастіе зависимымъ отъ того мнѣнія, которое имѣетъ оно объ насъ. Да и по, что въ сихъ особенныхъ обществахъ называютъ добродѣтелию, бываетъ предъ судилищемъ Природы только блестящій порокъ, а пошль, кому Аѳины или Спарта спа-

вѣтъ спашуи, будетъ можеть быть въ лѣтописяхъ Аргоса или Мегары преданъ попомспиву на омерзѣніе, какъ чловѣкъ неправедной и наглой.

Одинъ только гражданинъ міра можеть имѣть ко всѣмъ людямъ склонность чистую, безпристрастную, неиспорченную незаконною примѣсью. Горячее его сердце, не ослабѣвая отъ частной склонности, бьется тѣмъ сильнѣе при каждомъ побужденіи на поступокъ чловѣчества и благости. Его приверженность, чувствительность распространяется на всю Природу. Съ нѣкимъ родомъ нѣжнаго ощущенія смотритъ онъ на источникъ, уполяющій его жажду, и на дерево, въ тѣни котораго онъ отды-

хаеть, и первой, кпо кѣ нему подсядеть, хопябѣ онѣ происходилъ онѣ Гараманповѣ, естѣ его соопчичь, а естѣли по сердцу своему любви dospoинѣ, другѣ.

Сей образѣ мыслишь и чувствоватѣ изобильно замѣняетѣ ему пѣ выгоды, копорыхѣ онѣ лишаешя, онѣ того, что не входитѣ въ спроси и намѣренія какого либо особеннаго общества.

Поелику привыкѣ онѣ, кромѣ необходимаго, чего пребуетѣ Природа, находитѣ ненужнымѣ все прочее, что здѣдали необходимою надобноспію любимцамѣ щастія покойность и сладоспастіе; по ему не прудно житѣ вездѣ, не опягощая никого. Вѣ случаѣ нужды работа одного дня доставляетѣ ему содержаніе

на цѣлую недѣлю; и Коринѳяне, или Аѳиняне не будутъ никогда споль суровы, чпобѣ чловѣку безвредному, копорой никому не помѣха, возбранили жить въ шалашѣ, или хопя въ пустомѣ деревѣ.

Въ самомѣ дѣлѣ гражда-нинѣ міра, каковымѣ я его изображаю, чловѣкѣ не такѣ бесполезной, какѣ обыкновенно мечпаютъ. Эпо ваша вина, естѣли вы имѣ не пользуетесь; ему нѣтъ выгоды вамѣ льспить, заводитѣ васѣ въ заблужденіе, укрѣпляетѣ въ вашихѣ глупостяхѣ; отъ паденія вашего нѣтъ ему никакой пользы; кому приличнѣе былобѣ говоритѣ вамѣ истинны, копорыя вамѣ наиболѣе нужны — и естѣлибѣ вы были споль благоразумны, что принималибѣ доброй со-

вѣшь, по часно можновъ было
тѣмъ оказашъ вамъ важнѣй-
шую услугу.

На примѣръ, чтовъ ты
не совѣмъ потерялъ у меня
свой часъ, хотѣлось бы мнѣ
опустить тебя домой съ
маленькимъ наставленіемъ, ко-
торое стоить по меньшей
мѣрѣ десяти палановъ. Отъ
меня могъ бы ты его имѣть
и за что. —

„Послушаемъ, Диогенъ.

„Тебѣ, Филомедонъ, не бо-
лѣе тридцати пяти лѣтъ; ты
еще не столько успарѣлъ,
чтовъ не могъ сдѣлаться доб-
рымъ человекомъ. Опустить
тѣхъ сумазбродныхъ собесѣд-
никовъ, которые удивляются
всему, что ты говоришь, и
все одобряютъ, что дѣлаешь,
для того, чтовъ раза два или
три въ недѣлю навсѣшься у

тебя до сына. Употреби только шестую часть дня на приобретение шѣхъ познаній, которыми могъ бы ты сдѣлаться полезнымъ обществу. Какъ ты одинъ изъ самыхъ богатыхъ гражданъ, по тебѣ нужнѣе многихъ другихъ, чѣмъ по государство процвѣтало, отъ котораго ты получаешь поль большея выгоды, или естли столько не надѣешься на свою голову, по разсуди, что Природа, раздѣляющая прочіе свои дары: красоту, крѣпость, умъ, дарованіе, какъ и кому хочешь — предоставила на собственную волю доброту сердца. Благотворительное употребленіе своего богатства — а случаевъ къ тому найдешь очень довольно, — привело бы тебя въ любовь у твоихъ согражд-

данъ и сдѣлалобъ свое сохра-
неніе предметомъ общихъ же-
ланій — спалъ ли бы кто еще
долго размышлять; купить ли
такъ большую выгоду за гор-
сточку золота.

33.

Умный человекъ опнюдъ
не ненавистникъ радости —
пошлипе угрюмыхъ, имѣю-
щихъ ввалишіеся глаза, Ипо-
хондріею одержимыхъ негодя-
евъ, которые утверждаютъ
тому прошивное, къ Демокри-
ту и Иппократу — имъ надоб-
ны не опроверженія, а чиха-
тельной корень и кровочисти-
тельные напитки.

За чѣмъ бы ненавидѣть
намъ радости? далиль намъ
боги что лучшее, и на что
дли они намъ особливо это
преходящее существованіе? —

Естьли не было ихъ мнѣнія ,
чтобъ мы наслаждались имъ
вмѣстѣ , — то, говоря чисто-
сердечно — сдѣлалибъ они намъ
самый незначущій подарокъ

Премудрость — добродѣ-
тель — копорыя въ устахъ
большей части людей имѣ-
ютъ толь мало значенія —
иное ли что вы, какъ бы вѣр-
нѣйшій путь къ радости —
и ты лучшій способъ наслаж-
даться ею?

Чего пребуешь спрожай-
шій долгъ отъ верховной Вла-
сти въ Государствѣ? кромѣ
того , чтобъ она сдѣлала свой
народъ благополучнымъ, и есть-
ли она столь щастлива , что
можетъ доставить ему без-
опасность и тишину ; ежели
ободряетъ раченіе и художе-
ства , чтитъ науки , награж-
даетъ заслуги ; естьли благо-

разумными распоряженіями печется о наученіи пѣхъ, въ которыхъ должно воскреснуть вымирающее Государство; естли она прилагаетъ стараніе о здоровьи народа; естли во времена изобилія упреждаетъ будущій недостатокъ; естли опредѣляетъ честныхъ людей блюстителями Закона и чиновниками; естли щипся сдѣлать общими разумъ, нравы, вкусъ и обходительность — словомъ, естли не пренебрегаетъ ничего, что можетъ и долженъ дѣлать прямой Отецъ Отечеству — и естли бѣ она имѣла столько мудрости, силы, доброй воли и щастія, чтобъ исполнилъ все это въ вышшей степени совершенства, какую можно себѣ вообразить, то есть, естли бѣ ей возможно

было опврашпшь опъ своихъ дѣпей все зло, и доставпшь имъ наслажденіе всякаго добра, которое удѣлили Боги смерпнымъ вообще — то что иное сдѣлалабъ сія верховная Власпъ, какъ привелабъ нѣсколькo сотъ тысячъ или миліоновъ людей въ такое состояніе, въ которомъ моглибъ они наслаждаться жизнью?

Предметъ каждой общенародной, или частной, добродѣтели поимъ, чтобы поспѣшествовать какому нибудь добру, или опврашпшь какое ни есть зло, или удовлетворишь за оное — и еспьли разберете это зло и добро, то первое превратптся всегда въ скорбь, а послѣднее въ удовольствіе. —

За чѣмъ трудолюбивый хозяинъ дома пошѣетъ цѣлыя недѣли надъ своею работою

съ тяжкимъ трудомъ? - Для того, чтобъ въ праздничной день совершенно предашься радости съ своими домашними.

Упомненный поденщикъ пропѣваетъ, надрываясь, чувство бѣдственной своей жизни — съ роскошью, неизвѣстною любимцамъ Плутона, открываетъ онъ, поваясь подъ тѣнистое дерево, загорѣвшую отъ солнца грудь свою, прохлаждающему Зефиру, и буде нечаянно подойдетъ къ нему смуглая дѣвушка, питающаяся собираніемъ кореньевъ, то оба забываясь въ шупкахъ, невинѣе можетъ быть вашихъ, знапки самаго вѣжливаго рода жизни; — что есть люди, которые кажутся щастливѣе, нежели они чувствуютъ себя въ тѣ минуты.

Непенѳа, съ копорю пѳемѳ
мы сладкое забвеніе всей на-
стоящей скорби, всей про-
шедшей горести, всѳхѳ за-
бѳѳ о будущемъ — есть ра-
доспѳ.

Сколь несчастны были бѳ
девяноспѳ девяпѳ изѳ спа ча-
спей чѳловѳческаго рода, еспѳ-
ли бы соспрадапельная Приро-
да не вмѳшивала отѳ време-
ни до времени вѳ пѳягѳспи ихѳ
жизни по нѳсколькѳ капель
изѳ эпѳого волшебнаго кубка

Мы Греки такѳ увѳрены
вѳ томѳ, чпѳ радоспѳ есть
высочайшее добро смерпныхѳ,
чпѳ когда ни вспрѳчаемѳся
между собою, не умѳемѳ ни-
чего лучшаго желатѳ, кромѳ
радѳспи.

Итакѳ какой попѳ чѳло-
вѳкѳ, копорѳ не хочѳтѳ пер-
пѳпѳ, чпѳобѳ мы жерпвовали

этой благошворительной богинѣ? Онѣ боленѣ, какѣ я сказалѣ, или — что либудь еще хуже — плушѣ.

Естьлибѣ могѣ я подавашѣ совѣшы Князю, шо не препоручалѣ бы ему ничего усерднѣе, какѣ — привеспи свой народѣ вѣ веселое расположение. Недальновидные люди не понимаютѣ, сколь много зависѣ опѣ этого одного обстоятельства.

Веселой народѣ дѣлаешѣ все, что должно дѣлашѣ, бодрѣе, сѣ большею охотою, нежели глупой — или унылой и — (между нами сказано: вы Пастыри Народовѣ) — перпишѣ вѣ двадцать разѣ болѣе, нежели другой; Ваши Величества можете смѣло сдѣлашѣ шому опышѣ. —

Когда Аѳиняне въ духѣ, что занимаясь комедіею, или новою танцовщицею, или новою веселою пѣсенкою, забываютъ досаду о проигранной баталіи, или худомъ управленіи общественныхъ доходовъ. Алкивіадъ дѣлалъ съ ними, что хотѣлъ, знавъ уловку забавлять ихъ ежечасно новыми шутками, кѣпорыми занявшись забывали они то зло, кѣпорое онъ имъ причинялъ — нѣсниже насъ все понемножку — мы сдѣлалибъ тоже на вашемъ мѣстѣ; но не раздражайте нашего шерпѣнія, запрещаая намъ прогонять шутками часпъ нашихъ хлопотъ. Это значилобъ сугубить наше бремя безъ малѣйшей выгоды съ вашей стороны; а это былобъ, давая шому на-

звание самое мягкое, очень сурово.

Веселой народъ, народъ чувствительной къ остроумъ и забавной шуткѣ, можно управлять гораздо легче, нежели унылой; и несравненно менѣе склоненъ онъ къ смятеніямъ, непокорству и государственнымъ переменамъ. Изувѣрство и полипическое бѣснованіе, сіи чудовища, кои могутъ причинить въ народъ преужасное несчастіе, не найдутъ свободнаго доступа къ такому народу, или поперяютъ у него всю свою силу вредить. Если какой угримецъ возметъ себѣ въ голову челоуѣконенавистныя бредни, то прогоняетъ ихъ шутками, насмѣшками — и забудетъ. Тѣже бредни въ народъ спра-

ждушемъ селезенкою, при умѣренномъ спеченіи посиѣшесвующихъ обстоятельствъ, произвели бы въ умахъ всеобщее волненіе, причинилибъ неуспройсхва и раздоры, подвергнулибъ опасности Конституцію Государства, и похипилибъ по меньшей мѣрѣ полдожины лучшихъ головъ. —

„Эпо худой знакъ, сказалъ старой Демокришъ, когда добродѣшель въ народѣ приметъ на себя видъ спешенной и брюзгливой; какой нибудь непріязненной Демонъ паритъ надъ нимъ, распрсперши крылья обремененныхъ нещаспемъ. Я не Терезій, присовокупилъ онъ къ тому, но прорицаю такому народу съ надежнѣйшимъ удостовѣреніемъ, что будущее не об-

личитъ меня во лжи. Бѣдной народъ! ты будешь глупъ, и въ варварствѣ спанешь питаться гуцею и волчцемъ, и принужденъ будешь терпѣть то, отъ чего ужасается Природа и разумъ — и когда увидишь, что оболъспили, которыхъ лицемѣрнымъ видомъ былъ ты обманутъ, проживающъ дни свои въ праздности и сласпяхъ, высасывающъ шукъ швоей земли, и развращающъ швоихъ женъ и дочерей; по сомкнешъ глаза и будешь молчать, или же спанешь открывши глаза шпрѣшь, однакожъ молчать, и принужденъ будешь согласишься, что ты ничего не видѣлъ. —

Повѣрьте мнѣ добрые люди: но какая мнѣ въ помѣ нужда? повѣрьте своему чув-

спиву; еспьли попуспише его
усыпинь, по не моя вѣ томѣ
вина — добродѣшель, она,
мать лучшихъ радостей, не-
пропивна никакой безвинной
радости.»

„А. какія радости безвин-
ны? —

Ты о томѣ меня спраши-
ваешь, Діофантъ? развѣ у
тебя нѣтъ чувствѣ, остро-
ты, сердца, соспраспнаго
ощущенія? развѣ ты несро-
денѣ къ безкорыспной скло-
ности? развѣ не можешь ни-
чего любишь, кромѣ себя? Такѣ
скажу по меньшей мѣрѣ, ка-
кія радости невинны. За чѣмѣ
ны краснѣешь? не боишься
ли, чпо припомню тебѣ о
софѣ добродѣспельной Лизи-
спрапы? не опасайся ни-
чего! — Желалѣ бы я, чтобѣ
слѣдующія изѣ твоихъ шай-

ныхъ радостей были самыя виновныя. — Радость о вредѣ ближняго, Діофантъ, радость видѣшь, какъ несчастной, котораго ты гонишь, валяешься у ногъ твоихъ, радость, что удалось тебѣ подавить въ самомъ началѣ достоинство, которому ты завидуешь, оклеветашь добродѣтель, которая тебя помрачаетъ, радость, что низкими уловками вошелъ въ довѣренность вельможи, или что хитроспую унесъ наследство старой дуры изъ передъ голоднаго рѣи неимущихъ родственниковъ, радость дѣлаешь зло, дабы, какъ ты хочешь, увѣришь, послѣдовало изъ того добро. Клянусь тебѣ, Діофантъ, всѣми богами и богинями, что сіи радости, хотя бы онѣ были твои, гораздо менѣе невинны, нежели была

радость тѣхъ молодыхъ Вакханповъ, копорыхъ сего дня поутру застало восходящее солнце за пляскою и музыкою, съ полными спаканами и упо-мленными дѣвушками.

34.

Ты не понимаешь, Еврибадъ, что значитъ эта апологія радости, которой не ожидалъ ты изъ успѣ Діогена. Тебѣ кажется, что мнѣ было бы отъ него весьма мало убытку, естли бъ самые спепенные люди, которые спавятъ себѣ въ заслугу то, что никогда въ своей жизни не смѣялись, взяли верхъ на свѣшѣ.

Ошибаешься можешь быть, Еврибадъ — ибо они захопѣли бы меня лишить моей веселости. А естли бъ могли

они это сдѣлать, по пустѣ лишили бы меня еще и жизни; я бы не далъ за нее уже бобовины.

Но въ самомъ дѣлѣ [я думалъ при этомъ не столько о себѣ самомъ, какъ о вашихъ дѣтяхъ и внукахъ — я размышлялъ самъ въ себѣ, что послѣдовало бы изъ того, если бы нѣкоторая паршiя сѣдобородыхъ въ вашемъ Совѣтѣ поставила на своемъ, которая денно и ночно жалуется на порчу нравовъ и, какъ слышу, что сдѣлала недавно предложенiе изгнать изъ Коринѳа всѣхъ людей обоего пола, которые питаются шѣмъ, что доставляютъ удовольствiе другимъ. Все храмы и капища, гдѣ приносятся жертва богамъ радости, должны бытъ заперты; всѣ комедiанты и

мимики, танцовщицы, свирѣльницы высланы въ одинъ день изъ города, еспльибѣ послѣдовать въ шомѣ спрогому мѣѣнью сихѣ господѣ, которые не любящѣ уже воспоминашь о собственнѣ своей молодости, и можешѣ бытъ несправедливо возненавидѣли шакія увеселенія, къ которымѣ сдѣлала ихѣ неспособными спаросшь, или прежняя неумѣренность.

Признаюсь шебѣ, Еврибадѣ, что я изгналѣ бы шакія веселыя шруппы изъ моей Республики, или паче не впустилѣ бы ихѣ, коль скоро найду случай учредить Республику по своей волѣ — но должно ли вамѣ изгнать ихѣ изъ Коринѣа? это иной вопросѣ.

Периклы и Сократы, самые умные и лучшіе люди въ Аѣинахѣ, собирались по вечерамѣ

у прекрасной Аспазіи; говорили о важныхъ дѣлахъ съ тѣмъ веселымъ тономъ, которой протоняетъ скуку и бездѣлки; становились важными отъ острыхъ мыслей и веселаго духа. Прекраснѣйшія идеи, преумныя намѣренія изобрѣтались въ эпосѣ обществѣ, котораго предметомъ было, кажется, только отдохновеніе и препровожденіе времени, и Аспазія часто находила средства непримѣтно соединять отдаленныя сердца, или прекращать маленькія несогласія, которыя могли бы со временемъ обратиться во вредъ Республики. Вкусной ужиной совершенно располагала сердца къ обходительности и радости; маленькіе покалы, увѣчанные розанами, поощряли къ Аппи-ческимъ шуткамъ и пріяпно-

му смѣху; философія научалась у Граціи шутить; говорили о такихъ дѣлахъ, которыя достойны были, чтобъ Ксенофонтъ ихъ написалъ, пока Музы въ образѣ милыхъ молодыхъ дѣвушекъ оканчивали сцену пѣніемъ и панцами. — —

Скажи мнѣ теперь, Еврибадъ, лучше ли — былобъ въ Аѳинахъ, естлибъ выслали прекрасную Аспазію съ ея дѣвушками, и принудили Перикловъ и Сократовъ провождать вечера спепеннѣе.

Думаешь ли, что Греція была бы споль изобильна хорошими спатуями и карпинами, пѣми масперскими произведеніями идеальныхъ красотъ, которыя возводяшъ умъ къ поняшямъ о надземномъ совершенствѣ; естли бы не бы-

ло Феодотъ, Фринъ, Данай и подобныхъ имъ, копорымъ не возбраняла благоприспѣшность способствовать красотой своею къ приращенію искусства?

А изгнавъ изъ предѣловъ нашихъ Музъ и веселыхъ Грацій, какими забавами замѣнимъ ихъ увеселенія? Опшюдь никакими. — Такъ надобно бы, чпобъ мы могли передѣлать человѣческую природу. Скиѣскіе пиры и Фракійскія радости займутъ мѣсто прогоняемыхъ вами.

Оспроша ваша скоро прищупишся; нравъ сдѣлаешся суровымъ и необходимымъ; добродѣтель ваша будетъ дика, угрюма и нелюдима. Вы преградите вашему юношескому случаю къ распущенствамъ; но не повинуйтесь вашимъ Нравочиспеламъ, станешъ оно по-

мышляшь о замѣнахъ, которыя будутъ въ десятеро пагубнѣе вамъ и Государству. Иностранцы выйдутъ изъ вашего города, въ которомъ не будетъ уже ничего приманиваго для нихъ, а праздная часть вашихъ гражданъ, у которой отнимутъ самыя безвредныя средства занимають свою бесполезность, сплетутъ тайно собираются въ маленькія частныя общества, и начнутъ отъ скуки крикливо вать Правленіе по ложнымъ понятіямъ; будутъ заводитъ ковы и бредитъ о Государственныхъ переменъ.

Мнѣ, какъ ты сказалъ, нѣтъ никакого убытка отъ всего этого, но обдумаю все, кажешься лучшебъ вамъ удержавъ своихъ комедіантовъ, мимиковъ, фигляровъ, пѣвицъ

и — съ маленькими неудобствами, каковыми сопровождается ихъ существованіе. Есть двадцать средствъ положить предѣлъ пѣмъ распушвамъ, въ которыя заводитъ любовь къ увеселеніямъ; но къ отвращенію пѣхъ золъ, которыя найдутъ на васъ, когда сошлете въ ссылку Музъ и Грацій съ ихъ свипою боговъ любви, шутокъ и радостей, не знаю инаго средства, развѣ — должно бы вамъ согласиться передѣлать свою Республику по образцу Спартанской, — или Платоновой, — или моей; — и въ томъ нашлабъ вы нѣкоторыя затрудненія.

35.

Что я думаю о пѣхъ людяхъ, которые все рѣшатъ

въ умозрѣніи , никогда не сумнѣваются , и не хопящѣ признашься , что о нѣкоторыхъ вещахъ знаютъ не болѣе насъ — о тѣхъ людяхъ , которые бесѣдуютъ съ вами по цѣлой недѣли о существвахъ и естествахъ , объ атомахъ и одночаспностяхъ , о полнотѣ и пустотѣ , о духѣ и веществѣ , о причинахъ и намѣреніяхъ , и описываютъ вамъ неизвѣстныя земли ; ихъ положеніе , величину , длину , ширину , состояніе воздуха , теплоту и стужу , ихъ произведенія : растѣнія , звѣрей , жипелей , образъ ихъ жизни , устройство , прежнія и будущія приключенія и проч. съ такою точностію и смѣлостію , какъ будто бы теперь лишь прибыли опшуда на комешъ , или богъ вѣдаетъ на

какой другой чудесной повоз-
кѣ? — Что я объ нихъ думаю.

Нѣкогда слышалъ я, какъ
въ пещерѣ Аѳинской палатѣ
говорилъ такой много знаю-
щій пустомѣля цѣлые два
часа о таинственныхъ числахъ
Пифагора. Мы всѣ слушали
съ великимъ благоговѣніемъ,
не понимая ничего; однакожъ
Пифагорецъ не остался безъ
большаго одобренія, онъ обѣ-
щавъ говорить на другой день
также долго и также учено
о семи сферахъ, и объ осьмой
сферѣ, и удивительныхъ ве-
щахъ, находящихся надъ ось-
мою сферою. Я смѣялся сво-
ему дурачеству; но изъ глупаго
любопытства зная, что
можно будетъ сказать тако-
му человѣку о такихъ ве-
щахъ, рѣшилъ я потерять
еще два часа и десять

драхмѣ — это будущѣ послѣд-
нїя драхмы, сказалъ я, когда
онѣ кончилъ, которыя спрячу
за извѣстія о вещахъ надлун-
ныхъ, хошябъ я прожилъ
долѣе Тифона.

Спустя нѣсколько дней
огласилъ я во всѣхъ Аѳинахъ,
что не давно прибылъ Халдей-
ской мудрецъ, которой въ
назначенное время будетъ го-
ворить публичную рѣчь въ
Керамикѣ.

Собралось удивительное
множество народа. Я наря-
дился, сколько возможно луч-
ше, Халдеемъ: длинная бѣлая
борода и епанча, съ изображе-
ніемъ всѣхъ живописныхъ звѣзд-
наго неба, произвели прекра-
сное дѣйствіе. — Увидѣвъ меня,
шумѣли ожиданіемъ неслы-
шанныхъ вещей; всѣ замолк-
ли, когда я началъ похарки-

вашь. И такъ я началъ и говорилъ: — Даю вамъ сроку десять дней или десять Олимпиадъ, буде угодно, опгадайте, о чѣмъ я говорилъ — скорѣе опгадаете все иное. Я говорилъ о лунномъ чело-вѣкѣ. —

Я не оставилъ предуго-товившъ слушапелей въ нача-лѣ своей рѣчи къ тому, что имъ сказано будетъ, такою важною выспункою, что едва могли они дождапсья, пока я дѣйствишельно приступилъ къ дѣлу; но еще долженъ смѣяться, когда представляю себѣ по комическое выраже-нiе удивленiя, изумленiя, не-терпѣливости и двадцати другихъ страпшей, которое усмопрѣлъ я въ презабавной смѣси безчисленныхъ изковер-канныхъ лицъ, когда обв-

явилъ , что буду бесѣдовать о лунномъ человѣкѣ. —

Смогнрѣли одинъ на другаго и роптали. — О лунномъ человѣкѣ! — всѣ походили на шакихъ людей, которые сильно обманулись въ своемъ ожиданіи. — О лунномъ человѣкѣ! —

Конечно о лунномъ человѣкѣ, вскричалъ одинъ, не давая меня привеспи въ робоспъ, о самой чудесной, важной и таинственней маперіи, о каковой когда либо говорилъ смерпной къ смерпному; о лунномъ человѣкѣ!

Этотъ спарикъ дуракъ, вскричалъ одинъ довольно громко, или насъ щипаетъ дураками — Можетъ быть и шо и другое, думалъ я.

Третья часть собравшихся казали видѣ, что хопяшъ разойтись — съ умомъ ли вы!

вскричалъ имъ спарой чебо-
шаръ со впалыми глазами, ко-
порей самъ походилъ на чело-
вѣка родомъ изъ какой ни-
будь планеты: можноть вамъ
было меньше ожидать отъ
Халдейскаго мудреца? Надобно
его выслушанъ, а по томъ су-
дишь; я навлядѣлся на людей:
въ немъ кроется иѣчто, чего
рожа его не обѣщаетъ, и
иногда для того, что мапе-
рiя, о которой онъ хочеть
говорить, кажется вздорна,
опивчалъ бы я своею головою,
что шуть кроется тайна.
Кто вѣдаетъ — словомъ, я
хочу познакомиться съ лу-
нымъ человекомъ — другіе
могутъ такъ же дѣлать, что
угодно. —

По-видимому большая часть
зобранія думала: но же самое,
что сказалъ чебошаръ, — и

шумѣ, продолжавшійся нѣ-
сколько времени, кончился
шѣмѣ, что каждой оспался,
и жопѣлѣ по меньшей мѣрѣ
слышашъ, что можно будетъ
сказать о лунномъ человѣкѣ.

Я продолжалъ, сколько мо-
гу припомнилъ, почти слѣду-
ющимъ образомъ: —,

„По тому, что я объявилъ
вамъ, господа Аѳиняне, ка-
жется, не лзя ожидать ни-
чего справедливѣе того, что
я сдѣлалъ вамъ прежде всего
такое изъясненіе о томъ, что
должно разумѣть подъ лун-
нымъ человѣкомъ, посред-
ствомъ коего могъ бы каждой,
когда волнисное движеніе по-
новъ, изъ копорыхъ состо-
итъ это имя, произведевъ
попрысаніе въ барабанной его
перепонкѣ, сопрягать съ нимъ
то опредѣленное понятіе, ко-

второе не принадлежитъ оп-
нюдь никому иному, кромѣ
луннаго челоѣка.

„Съ перваго взгляда весь-
ма справедливое требованіе,
но въ самомъ дѣлѣ, господа
Аѳиняне, такое требованіе,
которое такъ трудно удоволь-
ствовать, что вы моглибъ
также легко приказать мнѣ,
чтобъ я вычерпалъ Океанъ по-
каломъ и — естли бы это
было вино *Тазоское*, выпилъ
за ваше здорье.“

„Есть много вещей на
свѣтѣ, въ которыхъ съ пер-
ваго взгляда кажется нѣмнѣ-
шней прудности; мы
думаемъ, что такъ хорошо
ихъ знаемъ, какъ мать ро-
дившую насъ. Но когда дой-
демъ до того, чтобъ опво-
рить ротъ, и сказать объ
нихъ что нибудь умное, то

человѣкъ бываетъ почти въ
необходимости заповорить его
опять, безъ всякаго успѣха,
какъ бы онъ его ни разинулъ;
такъ, на примѣръ, можно ска-
зать: спанемъ говорить о
лунномъ человѣкъ, или скажи
намъ что нибудь о лунномъ
человѣкъ; но я ссылаюсь на
ваше собственное чувство,
каково было бы вамъ на серд-
цѣ, если бы вы обязались
говорить о томъ, что не под-
лежитъ чувствамъ, чего не
льзя понять чувствами. Го-
воря числосердечно, хотя я
обязанъ я, какъ философъ,
не показывать никогда никакой
недовѣрки ко всеобщей исти-
нѣ и вѣрности моихъ познаній;
однакожь нахожусь въ нѣко-
емъ затрудненіи, говорить
ли мнѣ прежде о дѣйствитель-
ности луннаго человѣка,

или о его возможности; —
чтобы мог он быль действитель-
ствительнень, надобно ему быль
возможнымъ; а чтобы онъ
быль возможенъ, надобно, чтобы
онъ могъ быль действитель-
нень. Въ этомъ — то и вся
трудность. Ежели скажу,
что лунной человекъ возмо-
женъ, то либо ничего не ду-
маю при томъ, что говорю —
что конечно покойнѣе всего —
или предполагаю въ самомъ
дѣлѣ, что онъ есть; ибо
могли бы я иначе сказать,
что онъ возможенъ. Это о-
почнехонько тоже, когдабы
я сказалъ, что лунной чело-
вѣкъ синий, или носатой,
или, что онъ доброй человекъ;
ибо при всемъ томъ предпола-
гаю, что лунной человекъ
есть. Иначе смѣшно было
бы сказать, что онъ это, или

то, и въ самомъ существѣ
сказано было бы только, что
вещь, которой нѣтъ, есть
нѣчто. Еслили съ другой
спорной скажу, что лунной
человѣкъ дѣйствителенъ, то
предполагаю его возможность,
о которой однакожъ не могу
ничего сказать достовернаго,
пока ее не изслѣдую; — а
еслили изслѣдую, то вдругъ
опять буду въ томъ замерз-
скомъ кругѣ, въ которомъ
вѣчно верчусь отъ возможно-
сти къ дѣйствительности, и
отъ дѣйствительности къ
возможности, пока наслѣ-
докъ голова у меня такъ за-
кружится, что потеряю изъ
виду весь свѣтъ, луннаго
человѣка и собственную свою
малость. При такихъ обсто-
ятельствахъ не знаю я для
васъ и для себя иного сред-

ства, какъ либо опговоришь-
ся глупымъ: *non liquet* — а я
лучше хопѣлъ бы поперяпъ
голову, нежели согласишься на
это — или съ розмаху, и
съ возможною смѣлостію
упверждашь неопмѣнно, что
лунной человѣкъ такъ же су-
ществуетъ, какъ Гермесъ
Трисмегистъ, или какой ни-
будь иной человѣкъ на свѣ-
тѣ, и тѣмъ паче, что нѣтъ
никакого другаго человѣка на
свѣтѣ, противъ котораго не
льзя было бы произвестъ тѣхъ
же сумнѣній. Въ такомъ
уваженіи признаюсь, что до-
казательство глубокомыслен-
наго Гераклипа все еще наи-
болѣе удовлетворяетъ меня,
которой, чтобъ вдругъ вып-
ли изъ хлопотъ, говоритъ:
что лунной человѣкъ суще-
ствуетъ; ибо иначе могъ ли

бы онъ быль луннымъ чело-
вѣкомъ !

„Выпущавшись такимъ
образомъ изъ перваго затрудне-
нiя, должны мы рѣшить вопро-
сомъ большой вопросъ : есльи
лунной челоуѣкъ существуетъ,
то что онъ такое ? — ”

“Здѣсь, государи мои,
опворяю вамъ вороны Метам-
физической бездны. Непрони-
цаемая мрачность, кажешся,
на вѣки оспанавливаешъ испы-
тательные наши взоры ; но
не робѣйте : мы до тѣхъ поръ
будемъ въ нее заглядывать,
пока что нибудь увидимъ. —
Здѣсь открываю вамъ пайну :
ваши философы разсердяшся ;
но мнѣ до того вѣтъ нужды.
Извольте только все заглядыва-
вать, государи мои. У насъ
нѣтъ инаго средства дѣлать

открытие in terra incognita (въ неизвѣстной землѣ). —

„Вы еще ничего не видите? — Хорошо: инѣ приведемъ сперва свои глаза въ надлежащее расположение. Послушайте! когда впервые вздумалъ я заниматься Луннымъ человѣкомъ, не зная, какъ начать, то ходилъ ко всѣмъ философамъ и спрашивалъ ихъ, что они знаютъ объ немъ. — Лунной человѣкъ, сказалъ первой, къ которому я пришелъ: его не такъ легко узнать; но если бы ты рѣшился испытать этого удалства, то нужнѣе всего доискашься, что онъ такое — и каковъ онъ. —

— Въ томъ — то и дѣло состоятъ, сказалъ я.

Я ходилъ изъ дома въ домъ, чтобъ услышать, что

будущь мнѣ опвѣчать на еи вопросы, и шунѣ узналъ — справедливостѣ старинной по-словицы; кромѣ того, что дѣй-ствительно нашелъ гораздо болѣе умовъ, нежели головъ. —

Лунный человекъ не настоящій человекъ, сказали нѣкоторые: можнобъ также сказать, лунная женщина, хотя, говоря правильно, онѣ ни мужчина, ни женщина, — ибо естлибъ дѣйствительно былъ онѣ мужчина, то надобнобъ ему имѣть жену, иначе былобъ его мужество безъ достаточнаго основанія; а обѣ лунной женщины, или женѣ луннаго человека никогда не слыхано и такъ и проч.

„Правда, что у него нѣтъ ничего подобнаго намъ, сказалъ другой; это не возможно, говорилъ прешій: надобно,

чпобѣ онѣ все походилѣ болѣе на насѣ, нежели на усприцу, или на Типана Керапофипона. —„

„Я докажу свое положеніе, возразилѣ первой. Все подлунное не еспѣ лунное, и на изворотѣ, и должно бытѣ причинѣ, за чѣмѣ оно подѣ луною, а не паче вѣ лунѣ, гдѣ можешѣ бытѣ ему былобѣ также хорошо; — всѣ же люди согласны вѣ томѣ, что лунной человѣкѣ — вѣ лунѣ. —„

„Ежели онѣ вѣ лунѣ, по успупаю, перебилѣ ему рѣчь послѣдній, но смѣло уптверждаю, что можешѣ бытѣ двѣ пррпи года бываетѣ онѣ вѣ Венерѣ, или, что по меньшей мѣрѣ, бываетѣ тамѣ зимою, копорая вѣ лунѣ, чаяпельно, холодна. —„

„Тьфу! сказалъ попъ, какъ можеше вы это доказать, когда въ пеплѣ и спужѣ нѣтъ ничего абсолютнаго, *absolu*? успроеніе луннаго человѣка естественнo сообразно его мѣсту пребыванія, и поелику оно, какъ извѣстно всѣмъ Аспрономамъ, сыро и спудено, то и лунной человѣкъ долженъ быть неопмѣнно флегмашикъ, и есшьли онъ шаковъ, то и непонятно, что спалибъ съ нимъ дѣлапъ въ Венерѣ, копорая есшь планета любви.“

„Сіи господа очень смѣло говоряпъ о добромъ лунномъ человѣкѣ, однакожъ я увѣренъ, что о немъ знаютъ они не болѣе моего, то есшь почти ничего; ибо ушверждаю, что надобнобъ имѣпъ по меньшей мѣрѣ одно лишнее

чувство, сверхъ пяти или ше-
сти, которыя у насъ есть, и
чтобъ можно было получить
о немъ точную идею. Гово-
ря по нашему, онъ ни ве-
ликъ, ни малъ, ни горячъ,
ни холоденъ, ни киселъ, ни
сладокъ, ни бѣлъ, ни че-
ренъ. — Онъ — самъ знаетъ,
каковъ. — „

„Мнѣніе сего послѣдняго
клонилось очевидно къ Скеп-
тицизму, которой издревле
былъ намъ догматикамъ такъ
ненавистенъ, какъ Философія
Гимнософистовъ цеха порн-
ныхъ. Между тѣмъ какъ, по
всему сказанному мнѣ опъ
мудрыхъ мужей, не узналъ я
о семъ дѣлѣ ни болѣе ни ме-
нѣе прежняго, то рѣшился
сдѣлать опытъ, до чего мо-
жетъ довести меня въ эпоху

крайней темной матеріи собственное мое размышленіе. —

„Ежели по справедливо, сказалъ я самъ себѣ, что каждая вещь есть то, что она есть, то могу безъ малѣйшаго сумнѣнія положить за основаніе, что лунной человѣкъ въ лунѣ. Я иѣмъ уже много выигралъ, если вы должны мнѣ будете въ томъ уступитъ, ибо слѣдовательно онъ

Не въ Меркуріи,

Ни въ Марсѣ,

Ни во Млечномъ пупи,

Ни въ Эфирномъ небѣ,

Ни въ пустотѣ,

Ни въ Хаосѣ; — но дѣйствительно человѣкъ лунной, и по тому самому

Ни рыба,

Ни птица

Ни водоземное,

Ни насѣкомое.

Не можешъ ни плавать,
ни летать; —

Однакожъ въ подлинности
сего послѣдняго не хощу бы
я ручаться; ибо спанешся,
что въ лунѣ можно плавать
безъ плавательныхъ перьевъ,
летать безъ крыльевъ, или
хотябъ у него были крылья и
плавательныя перья, то шибъ
не менѣе былъ бы онъ лунной
человѣкъ. —

Не смѣю также опредѣ-
лить по одному его сходству
съ самимъ собою, пишется ли
онъ

Бдою и пишеть, такъ
какъ мы, или воздухомъ, какъ
райская птица, или солнеч-
нымъ сіяніемъ, какъ Фениксъ,
или идеями, какъ Платоновы
духи?

Размножаетъ ли онъ свой родъ, или нѣтъ, и въ первомъ случаѣ

надобна ли ему самка его роду, или можетъ онъ обойтись самъ собою, какъ наша улипка.

Распложается ль онъ кореньями.

• или луковицами,
или почками,
или оппрысками,
или яицами,
или живыми дѣтскими,
или можетъ быть все остается, какъ Фениксъ, въ своемъ родѣ, и отъ времени до времени воскресаетъ изъ своего пепла? —

Длиненъ ли онъ, или коротокъ ;

пученъ, или сухощавъ ;
бѣлокуръ ; или смугль ;

добронравенъ , или злонра-
венъ ;

ученъ , или невѣжа ;

хорошій , или худой спихо-
творецъ ;

хорошо ли танцуешь ;

хорошо ли бздилъ верь-
жомъ ;

хорошо ли играетъ въ кад-
риль , и проч.

На всѣ сіи и на двадцать
вопросовъ сего рода , копорые
всякъ можетъ сдѣлать и съ
самою умѣренною епеленью
оспрошъ , опасаясь не лъзя
будетъ почно отвѣчать , по-
ка не найдемъ средствъ —
узнашь короче луннаго чело-
вѣка; хошя вообще не прошив-
но мнѣ думать , что ему —
естьли онъ пакъ уединенъ въ
лунѣ , какъ обыкновенно пред-
полагаютъ — бываетъ частень-
ко скучно , и что онъ вообще

человѣкъ не самаго пріятнаго
расположенія, ни веселаго об-
хожденія. — „

„Однако, какъ сказано, го-
судари мои, честь, основатель-
но разрѣшивъ всѣ проблемы,
какія только придумаешь и
предложишь можно о часто
упоминаемомъ лунномъ чело-
вѣкѣ, предоставлена единст-
венно тому изъ нашихъ фило-
софическихъ удалцовъ, кото-
рой по остроумію или щастію
откроетъ дорогу въ луну,
буде такая есть, или ежели
нѣтъ, проложитъ самъ себѣ
дорогу, и, что кажется по
меньшей мѣрѣ также нужно,
возвратившись оппуда, про-
бывши тамъ сколько времени,
чтобъ можно было сдѣлать
достаточное число наблюде-
ній, предполагается однакожъ,
что вездѣ можно съ помощію

пакихъ чувствъ, какъ наши, сдѣлашь какое нибудь открытіе о такомъ человѣкѣ, каковъ лунной человѣкѣ. — „

„Вы видите, добрые Аѳиняне, что я не упопребилъ во зло вашего вниманія, и, еслили все хорошенько разобравъ, сдѣлалъ можетъ быть болѣе, нежели сколько по справедливости могли вы отъ меня ожидать. Не многіе изъ поварей моего цеха, изъяснились бы такъ чистосердечно, и упопребили столь мало околочностей, чтобъ дать вамъ выразумѣть ученымъ образомъ, что не знаютъ, что говорятъ. — „

„Впрочемъ надѣюсь, что и луннаго человѣка, кѣбы онъ ни былъ, я никакъ не оскорбилъ тѣмъ, что о немъ сказалъ, или паче не сказалъ;

спанется, что онъ почелъ бы себя обиженнымъ, естлибъ я былъ споль безспыденъ, что сдѣлалъ бы обв немъ систему, и съ обыкновенною смѣлостію моихъ собрашій спалъ доказывать предъ вами его фигуру, цвѣтъ, расположеіе органовъ, способности, нравы, родъ жизни, вѣру, словомъ: всѣ его внушреннія и виѣшнія назначенія. — Но я могъ ли сказать о немъ что невиннѣе, какъ — совсѣмъ ничего? „

Симъ кончилась моя рѣчь, и я спряпался за сцену, чтообъ пѣмъ безпрепятственнѣе видѣть, какое дѣйствіе она произведетъ. Мои Авиняне, которые чайпельно думали, что лучшее послѣдуеніе еще впередъ, дѣлали преглупыя рожи, видя, что они

обманулись въ своей надеждѣ. Нѣсколько минутъ сряду стояли они ошолобенѣвши, обращая глаза и полуопверсые орты къ шеапру, гдѣ стоялъ халдей; но когда совершенно удосповѣрились, что нѣчего болѣе ожидать, то вдругъ поднялся смѣшенной ропотъ, коимъ спанивился ошъ часу больше, и на послѣдокъ превратился въ общую суматоху. —

— К а ж д о й сказывалъ и утверждалъ свое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ; о намѣреніи, какое Халдей могъ имѣть въ своей рѣчи, хорошо ли, или худо говорилъ онъ, о его видѣ, бородѣ, на послѣдокъ о самомъ луиномъ человѣкѣ, и кого подъ нимъ разумѣлъ; ибо что тупѣ скрывалась пайна, это признавали за

Подлинное. Мяшежъ усиливал-
ся, сдорили, кричали, всѣ
подавали голоса вдругъ, и
какъ многіе, которые не мог-
ли такъ хорошо управляться
съ доводами и заключеніями,
были и въ плечистѣе и
ширококостнѣе, то напослед-
докъ подрались; словомъ: лун-
ной человекъ чуть не произ-
велъ общаго смятенія въ Аѳи-
нахъ — какіе ребяща Аѳиня-
не, вскричалъ одинъ изъ
умнѣйшихъ, убравшись заранѣе;
развѣ еще не примѣ-
чаете, что Халдей не имѣлъ
инаго намѣренія, какъ поспѣ-
шишься надъ вами и вашими
Философами?

36.

Въ прекрасной осенній день
лежалъ я подъ кипарисомъ
въ Крангонъ, и наслаждался

X

солнечнымъ сіяніемъ, которое такъ пріятно старымъ людямъ въ то время года, но мнѣ непримѣтно помѣшалъ заниматься бреднями, которыми я обыкновенно предаюсь, когда не о чемъ думать. Одинъ незнакомой, которой подходилъ ко мнѣ, въ провожаніи нѣсколькихъ другихъ, которые, казалось, были нѣсколько лучше его рабовъ, однакожъ неровные ему. Этого сперва я не уважалъ; но когда онъ заговорилъ со мною, то я началъ примѣчать, что кто-то стоитъ между мною и солнцемъ.

Ты ли, сказалъ онъ, окинувъ меня глазами съ такою смѣлостію, которую называютъ между простыми людьми безстыдствомъ. —

Ты ли поппъ Діогенъ, о котораго характеръ и причудахъ рассказываютъ во всей Греціи?

Теперь разсматривалъ и я своего гостя нѣсколько пристальнѣе, нежели сначала.

Онъ былъ пригожій, молодой человекъ, средняго роста, но спашенъ, кромѣ только того, что голова у него нѣсколько склонялась на лѣвое плечо; онъ имѣлъ широкой лобъ, большіе сверкающіе глаза, которыми пронизалъ и въ душу; щасливые черны лица и такой видъ, въ которомъ гордость и надбѣяніе на себя самаго, смягченныя нѣкоторою Граціею, составляли то, что обыкновенно называютъ величеспвомъ въ Короляхъ — я примѣнилъ, что онъ имѣлъ на себѣ Діади-

му, которая подавала ему право къ такому виду, но припворился, будто того не усмопрѣлъ.

А ты кто, отвѣчалъ я съ холодною кровію, что думаешь имѣть право меня такъ спрашивать?

Я только Александръ, сынъ Филиппа Македонскаго, отвѣчалъ юноша съ улыбкою. Признаюсь, что теперь не много, но сколько могу, готовъ служить Діогену. Знавъ, что ты ко мнѣ не придешь, пришелъ я самъ сказать тебѣ, что поставилъ бы за удовольствіе привести твою философію въ покойнѣйшее состояніе. Требуй отъ меня, чего хочешь. Это будетъ немедленно исполнено, развѣ бы что было сверхъ моихъ силъ.

— Ты обещаешь мнѣ это царскимъ своимъ словомъ, сказалъ я.

Даю тебѣ свое слово, отвѣчалъ онъ.

Такъ, сказалъ я, прошу Александра сына Филиппа Македонскаго — чтобъ пожаловалъ не заслонялъ мнѣ солнца.

Только всего, сказалъ Александръ?

Мнѣ теперь ничего не нужно, кромѣ этого.

Придворные льстецы поблѣднѣли отъ страха. —

Царь долженъ сдерживать свое слово, сказалъ Александръ, обращаясь къ своимъ людямъ съ принужденною улыбкою. —

Онъ оправдываетъ то прозвание, которое даютъ ему Коринтяне, сказали придворные льстецы, и заслуживалъ

бы, чтобъ съ нимъ поступлено было по его имени. —

Этому не бывасть, возразилъ молодой человекъ. Увѣряю васъ, что естлибъ я не былъ Александръ, то хотѣлъ бы быть Диогеномъ —

И съ тѣмъ пошли обратно.

Это приключеніе надѣлаетъ шуму. Я въ помъ невинованъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего бы мнѣ отъ него пожеласть. Я не хочу имѣть дѣла съ подобными ему. — Поиспиннѣ мнѣ ничего не надобно, а естлибъ что понадоилось, то развѣ нѣтъ у меня друга, котораго могъ бы тѣмъ оцаспливить. — Но эпогъ молодой человекъ мнѣ нравится; поелику надобно имѣть Царей, то былобъ также хорошо имѣть такихъ, которые походили бъ на него.

Я не сумнѣваюсь, что онѣ хотѣлъ меня испытать, однакожь прозѣба моя показалась ему неожиданной. По справедливости лучше ему бытъ Александромъ, нежели Діогеномъ, на его мѣстѣ думалъ бы я также; но по дѣлаетъ ему честь передо мною, что онѣ желалъ бы бытъ Діогеномъ, естли бѣ не былъ Александромъ. Сколько маперіи къ разговорамъ подаютъ Грекамъ эпитѣ одинѣ молодой человекѣ. Они выбрали его общимъ своимъ полководцемъ противъ Великаго Государя. — Прекрасной предлогъ для молодого честолобца, которому Македонія и Греція слишкомъ малѣ театръ. — Хотѣлъ бы я, чпобѣ онѣ имѣлъ власть надъ свѣтомъ, и думалъ какъ Діогенѣ.

Опдыхая вчера ввечеру на своей Улисофской софѣ, совсѣмъ не думалъ я получить посвященія отъ Царя, какъ вдругъ отворилъя деревянной замокъ моей хижины, и Александръ съ маленькимъ фонаремъ въ рукѣ вошелъ одиноконекъ въ мою келью. — Я вспавши, сказалъ: добро пожаловать.

Ты чудной человекъ, сказалъ онъ мнѣ. Я тебя ищу, хопя мало причины имѣю бытъ побою доволенъ, ибо чупь не довелъ ты меня до глупаго желанія. —

Смѣю ли спросить, до какого?

„Не бытъ Царемъ, чпобъ бытъ Диогеномъ, и смирянь Царей шакъ какъ ты — „

Проспи меня, Александръ, я не имѣлъ этого намѣренія; я лежалъ на солнцѣ, когда ты пришелъ; оно такъ хорошо на меня сіяло, что мнѣ досадно было лишиться такого удовольствія, которое столь не важно въ глазахъ Царя. Тебѣ нечего было у меня дѣлать, а мнѣ нечего было у тебя пребывать. Хотя бы я полчаса размышлялъ, однако не пришло бы мнѣ въ голову ничего иного кромѣ того, чтобы ты не заслонялъ мнѣ солнца. —,

„Хорошо: ты самой чудной философъ, какова я когданибудь видѣлъ, но можешь быть не видѣлъ и ты царя чуднѣе меня. Ты мнѣ нравишься: я бы хотѣлъ, чтобы ты согласился шапаться со мною по свѣту; мнѣ надобенъ

честной человекъ, которой бы говорилъ мнѣ правду, — и пы, думаю, былъ бы по мнѣ: —»

„Каждой человекъ долженъ играть свою ролю, Царь Александръ. Я бы не былъ болѣе Диогеномъ, еспьли бы съ тобою поѣхалъ, но буде потребуешь, то дамъ тебѣ на дорогу столько правды, сколько тебѣ надобно, хопя бы ты былъ Государь всей вселенной. —»

„Между нами сказано, у меня не бездѣлица на умѣ; — а такія идеи, которыхъ не могу изъ головы выкинуть. Македонія ничто, Греція — нѣсколько десятинъ болѣе; — малая Азія, Арменія, Мидія, Индія, — значили бы еще что нибудь. Но когда ихъ возьмемъ, то прибавимъ къ тому — и прочее, — словомъ: я почишаю

землю за такую вещь, которая состоитъ изъ одного куска, а людямъ на ней всѣмъ вмѣстѣ надобенъ одинъ только предводитель, и чувствую, что я способенъ быть такимъ предводителемъ.»

Я не ручался бы, чтобъ не пришло тебѣ въ голову, когда это исполнишь, помышлять о поспирееніи моста къ лунѣ и прочимъ планетамъ и завоевать всю солнечную систему, которая, кажется, сдѣлана также изъ одного куска, и на которую по своему образу мыслей будешь ты имѣть право, коль скоро овладеешь симъ земнымъ кругомъ.

„Я не стану никогда заговаривать невозможнаго, Диогенъ; мое предприятие такъ велико, такъ прекрасно, такъ легко

въ исполненіи, что удивляюсь только тому, какъ прежде меня не пришло оно никому въ голову. —»

„Ты будешь надо мною смѣяться, Царь Александръ, но увѣряю тебя, что я думалъ бы почтеннѣе такъ, если бы въ твоихъ лѣпахъ и въ пакихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ былъ Царемъ. Сердца Грековъ у тебя въ рукахъ, а съ тридцатью тысячами Грековъ надобно, чтобъ такой молодой человекъ, какъ ты, могъ овладѣть цѣлымъ свѣтомъ.

Но что станешь съ нимъ дѣлать?

„Прекрасной вопросъ для Философа? что сдѣлалъ бы я съ Македоніею, или Епиромъ, если бы не было у меня ничего инаго. Въ моей головѣ все уже распоряджено. Не про-

свѣщенные еще народы соберу въ новозаведенные города и снабжу лучшими законами, которые признаю нужными для нихъ; по всѣмъ большимъ рѣкамъ, по всѣмъ морскимъ берегамъ заведу новыя селенія и торговля мѣста; всѣ провинціи швердой земли соединю способными дорогами; всей вселенной дамъ одинакой языкъ и съ нашимъ языкомъ наши науки и художества; а чпобъ можно мнѣ было обозрѣвать все и содержать машину въ ходу, заложу въ срединѣ своихъ завоеваній большой городъ, которой будетъ мѣстомъ соединенія всѣхъ народовъ и разныхъ ихъ отношеній и нуждъ, душою всѣхъ движеній ихъ, вмѣстѣ съ сокровищъ Природы и искусства,

присутствіемъ Амфиктіоновъ
человѣческаго рода, всеобщемою
Академіею отборныхъ его
умовъ, словомъ: столицемою
свѣта и первопрестольнымъ
моимъ градомъ. „

А долголи, Царь Александръ!
думаешь, простоишь это ве-
λικое зданіе? —

„Пока будутъ Александры
управлять имъ: — Это по-
ходитъ на хвасповство, другъ
Діогенъ, но я надѣюсь на
тебя, что это почтешь за
то, что оно есть. А хотя
бы непостоянство человѣчес-
кихъ вещей, или паче круж-
ливость человѣческихъ головъ,
которыя скоро скучаютъ и
самимъ щастіемъ, не позво-
лило, чтобъ мое заведеніе
было прочно, однакожь поль-
за, которую тѣмъ доставляю
человѣческому роду распро-

спранишся на многія спольбія, а я все буду имѣть по удовольствію, чпо далъ родъ безсмертія преходящему сну своего бытія величайшимъ предпріятіемъ, какое входило когда либо въ душу смертныхъ. — “

Но трудности въ исполненіи? —

„Трудности, это оставь на мое попеченіе, дай мнѣ только десять лѣтъ сроку и тогда приходи и посмотри. — “

Но сколько пропадетъ головъ, пока пріучитъ споль многія сонни народовъ повиноваться швоей. —

„Не обойдется безъ потери головъ — мнѣ жаль этого — ибо я не люблю разорять и убивать; — но чпобъ для сихъ головъ покинулъ я свой

планъ! отъ этого не отвращаю меня всѣ головы на свѣтѣ; не подвергаю ли я опасности и свою собственную голову? Сверхъ того бабы въ Гирканіи и Бактрианѣ какъ плодуши, что убыль будетъ непримѣтна.»

О Александръ! — вскричалъ я: тебѣ теперь двадцать лѣтъ отъ роду; другіе тебѣ подобные пращяшъ безславную свою младость въ сладострасіяхъ и праздности и довольны тѣмъ, что первенствуютъ на пьянственныхъ пирахъ и умышляютъ, какъ бы развратить добродѣтель нашихъ женъ; — а ты въ сихъ лѣтахъ сдѣлалъ себѣ планъ всеобщей Имперіи и собираешься его исполнить — вижу, какъ ты одушевленъ высокою изящностію своею

идеи — ты способенъ произ-
вестъ въ дѣло то, что мень-
шія души почли бы за несбы-
точное — я показался бы смѣ-
шонъ тебѣ и самому себѣ,
если бы старался удержи-
вать тебя отъ своего пред-
пріятія; а хотя бы и могъ
сдѣлать важныя возраженія,
однако это было бы точно
поже, какъ если бы сцепле-
ніемъ силлогизмовъ захопѣлъ
я доказывать влюбленному,
что лучшебъ ему не быть
влюбленнымъ. — Умы, подоб-
ные своему, возбуждаютъ Не-
бо, когда бываетъ ему угодно
дать новой видъ вселенной.
Правила, по которымъ дол-
жны мы прочіе поступать,
для подобныхъ тебѣ не за-
коны. Можетъ быть сталъ
бы я проклипать тебя въ сво-
емъ сердцѣ, если бы былъ

Лѣинянинѣ , или Спартанецѣ , или Каппадокіецѣ , или Мидянинѣ , или Египтянинѣ ; но я гражданинѣ міра : никакой иной пользы , кромѣ блага чловѣческаго рода , уважаемаго вообще , не почишаю споль великою , чпобѣ надлежало принимашь ее вѣ разсужденіе. Спупай, Александрѣ , и производи вѣ дѣйство ту великую мысль , которая наполняешь швою душу — не забывай шолько никогда посреди успѣха блестящихѣ швоихѣ предпріятій , чпо мы , прочіе сыны земли , также чувствительны кѣ боли и удовольствію , какѣ ты самѣ , и чпо со всѣми швоими преимуществами ты также немощенѣ , какѣ и мы. — Спюишѣ шолько пущишѣ стрѣлу изѣ лука негоднаго *Согдіанина* , или вѣро-

ломному мирянину напустишь
нѣскольکو капель яду въ твоя
покалъ, чѣобъ преврапишь
въ бредни всѣ замыслы вели-
кой твоей души. Ты всту-
паешь въ бѣдспвенное поприс-
ще. Человѣкъ можетъ ско-
рѣе снести все, нежели не-
ограниченную власть. Та ми-
нута, въ которую подверг-
нешься искушенію вѣришь,
своимъ льстецамъ, чѣ ты
болѣе смертнаго, будешь пре-
дѣломъ твоей славы и гибе-
лію твоей добродѣтели. Тог-
да осквернишь прекрасныя
свои дѣла пороками, копорые
весьма ясно докажутъ твое
человѣчество: жестокость и
необузданныя спраси сдѣла-
ютъ твое правленіе ненавист-
нымъ, сократятъ твою жизнь,
и уподобятъ твое государ-
ство одному изъ тѣхъ рѣд-

кикъ и вдали блестящихъ метеоровъ, копорые на минушу приводяпъ свѣтъ въ удивленіе; но опяшь исчезающъ, пока еще люди во всѣ глаза на нихъ смопрятъ. —

Александръ сидѣлъ, повѣся голову, и кажепся былъ погруженъ въ мысляхъ, въ шо время какъ я все это говорилъ. — Я думалъ что онъ нѣсколько вздремалъ за моимъ нравоученіемъ; но вскорѣ послѣ того, какъ я переспалъ говорипъ, онъ пробудился, вспалъ и сказалъ мнѣ, что на разсвѣтѣ дня отправилпся изъ Коринѳа. — Вправду ли, Діогенъ, присовокупилъ онъ, не могу я ни въ чемъ быть тебѣ полезенъ? — Коринѳяне, какъ вижу, не знаютъ пвоей цѣны. —

Я доволенъ, когда не дѣлаютъ они мнѣ никакого зла. Души твоего свойсва сошворены къ благошворенію. — Ахъ, Александръ! въ эту минуточку естъ споль много тысячъ спраждущихъ въ бѣдствіи и припѣсненіи; естъли бы ты могъ сдѣлать, чшобъ сіи несчастные благословили день твоего рожденія, то сдѣлалъ бы мнѣ все по добро, кошорое въ соспояніи показашъ мнѣ, величайшій изъ Царей. —

„Ты человекъ щасливой, Діогенъ, — я не могу на то сердиться, чшо ты можешъ бышь одинъ шолько человекъ на свѣшъ, кошорой не принимаешъ моей дружбы!“

Александръ, сказалъ я ему, я шебя почишаю, шакъ какъ никогда не почишалъ смершнаго, но не могу сказашь ше-

бѣ того, чего не думаю. Царь не можешь быть другомъ и не можешь имѣть друзей. —

„Провались ты съ своею искренностию, Діогенъ, мнѣ она болѣе не надобна. — Ты бы сдѣлалъ, что я пожелалъ бы жить въ своей бочкѣ, а свѣту довольно одного Діогена.

Я этого не знаю, но то подлинно, что онъ погибъ бы между двухъ Александровъ.

„Ты говоришь правду, спарикъ, прощай.“

36.

РЕСПУБЛИКА ДІОГЕНОВА.

I.

Надобно бытъ Александромъ, чтобъ пришла въ голову преогромная мысль составить одно Государство изъ всѣхъ народовъ земныхъ. Мое

воображеніе не проспирается пакъ далеко. — —

Вообразу себѣ, будпо я пакой мудрой волшебникѣ, копорой съ помощію маленькаго магическаго жезла можешъ на дѣлѣ исполнить всѣ свои идеи, и что передо мною лежишъ ненаселенной еще островѣ, копорой довольно великѣ для прокормленія нѣсколькихъ сотъ тысячъ человекѣ съ принадлежащими къ нимѣ женами и дѣтьми, щипая на каждаго человека не болѣе двухъ женъ и шестерыхъ дѣшей.

За тѣмѣ предполагаю, что сей островѣ — надобно знать, что предположишъ — положишъ ли, на примѣрѣ, что будущіе мои подданные еще не рождены, или хопя взрослые, но еще дикіе, — или что они дѣй-

спившельно шакв уже просвѣщены, шакв искусны, шакв воспишаны и добродѣпельны, какв мы, прочіе Греки? — эшо дѣло шребуешв размышленія.

II.

Разсудя все хорошенько, думаю, пусть лучше будущв они взрослые. Надобно бы мнѣ слишкомв много хлопощавъ, пока бы я народилв споль много людей и довелв до шого, чшобв они могли ходишв безв помочей. —

Однако, — забываю, что я волшебникв. Развв не могу однимв ударомв моего жезла сдѣлашв ихв шакими, какв мнѣ надобно? — эшо не малая выгода, но вв шакомв дѣлѣ она необходима Чоршв ли станешв дѣлашв Республику, ешп-

ли бы надобно было брать такихъ людей, какіе попадутся. —

Итакъ наберу я около ста тысячъ пригожихъ дѣвушекъ изъ *Албаніи*, *Исеріи* и *Колхиды*, гдѣ, говоряшъ, онѣ прекраснаго роспу. — Разумѣется, что выберу ихъ изъ четырехъ сотъ или пяти сотъ тысячъ, — молодушки все большія, дюжія, въ самой порѣ, съ длинными бѣлокурыми волосами, голубыми глазами, высокою грудью, круглыми бедрами съ выгибомъ, словомъ: со всѣмъ тѣмъ, чего пребуютъ знапки для совершенной красоты; — цвѣтомъ всѣ какъ лилей и розы, и всѣ по двадцатому году. —

Дѣвушекъ перенесъ бы я ударомъ своего прупа, въ половинѣ Мая, въ самую пріят-

ную долину при подошвѣ Анпиливана — между шѣмъ мои духи накроютъ сполъ подъ каждымъ миндальнымъ деревомъ и винограднымъ кустомъ. Не будетъ шупъ сластей того рода, которымъ дають себя медленно убивать богачи наши — здоровыхъ, пипапельныхъ сочныхъ ѣспвѣ и свѣжей ключевой воды будетъ, сколько имъ угодно. Коль скоро все будетъ изгоповлено, немедленно доставьте мнѣ сто тысячъ пригѣжихъ молодыхъ ребятъ изъ *Гирканіи* и *Бактрианы* — не Адонисовъ, не гладкихъ, полуженскихъ Ганимедовъ, каковыхъ содержишь вы, господа Коринѣяне, не вѣдомо на что въ своихъ Гинакеяхъ (*) дюжихъ, свѣ-

(*) Ошибленное мѣсто для пребыванія женскаго пола.

жихъ, плечиспыхъ мужичинъ, копорые не расперяли еще нимало молодеческой своей силы, приобыхшихъ шапашья по лѣсамъ, и, какъ сущіе Геркулесы, сдирають съ своихъ земляковъ, шигровъ и барсовъ, кожи, копорыми одѣваются. —

Какъ стануть дѣвушки и молодцы другъ на друга поглядывать — это можете себѣ сами представить.

Природа пусть теперь совершитъ то, что я началъ, вы можете на то положиться, что она хорошо смасперитъ.

„Какъ, говорите вы, никакихъ напитковъ, кромѣ ключевой воды не будетъ? Вина Фазоскаго, Хіоскаго, Кипрскаго ни одной капли? Не думаете ли, что моимъ Гирканьянамъ надобны такія крѣпи-

шельныя средства? — дѣвушки мои осердились бы жестоко на васъ за такую недобрчивость. — —

Заря занимается — молодцы вспаюшъ, — и не хогяшъ дасть покою и бѣднымъ ребятамъ: — Бышъ такъ, попому что это будетъ послѣдній разъ — а по томъ опнесите ихъ обратно въ лѣса также скоро, какъ они пришли; мнѣ они болѣе ненадобны.

Юнона Луцина помощи намъ! Въ десять мѣсяцовъ будетъ у меня по меньшей мѣрѣ тридцать тысячъ мальчиковъ и дѣвушекъ: каждая дѣвушка такъ мила, какъ Грація; каждой мальчикъ такъ прекрасенъ, какъ амуръ. — Теперь посмопримъ, не сдѣлаю ли я вамъ изъ нихъ ша-

кой Республики, какой никогда не бывало.

III.

Я самъ собою доволенъ, что заказалъ себѣ будущихъ жипелей моей Республики по собственнѣйшей своей мысли, — или говоря правильнѣе, что поручилъ одной не испорченной Природѣ сдѣлать ихъ такими, какихъ мнѣ самому хотѣлось. Ибо, правду скажешь, не кончилъ бы я въ цѣлой годъ всѣхъ пѣхъ перемѣнъ, копорья надлежало бы мнѣ предпринимать съ вашими просвѣщенными Греками и Азіатцами, пока сколько нибудь годились бы они въ мое Государство. —

Не давно былъ я на Испмическихъ играхъ. Какое превеликое множество народа

отъ Царей и Царицъ до маклеровъ , доставляющихъ рабовъ на продажу , и дѣвушекъ , торгующихъ лимонами , увидѣлъ я тамъ однимъ взглядомъ. Сколь много родовъ и видовъ , раздѣляющихся опять на безчисленные почти роды ! — Полишки , Архонты , Совѣтники , Орапоры , Спряпчїе , Воеводы , Полковники , Солдаты , до шѣхъ Героевъ , которые служатъ за осмнадцать пенязей на день , Жрецы , Стихотворцы , Историки , Философы , Живописцы , Ваяльщики , Музыканты , Архитекторы , мастера всѣхъ необходимыхъ и ненужныхъ художествъ , банкиры , Купцы , мореходцы , алмазныхъ дѣлателей мастера , торгующіе пряными кореньями , винами , повара , пирож-

шкики, комедіаншы, мимики, танцюющіе по веревкамъ, фигляры, морочилы, мошенники, обѣдалы, сводники — а въ числѣ всѣхъ сихъ умные, острые, олухи, честные люди, плушы, честоплюбивые, подлые, росповщики, мошы, лю** дѣи; нѣженки, ябедники — и дураки и шушы споль многихъ видовъ, родовъ, поколѣній, фигуръ, цвѣповъ и покрою, чпо и Аристопелю было бы дѣла на двадцать лѣтъ расположить ихъ на классы. —

Какой сильной богъ, случай, думалъ я самъ въ себѣ. Какой Философъ осмѣлился бы соспавилъ сносное цѣлое изъ пакихъ разнородныхъ спихій? — а сей случай нанесъ изъ нихъ громады нашихъ маленькихъ Государствъ и областей; однакожъ вы видите,

что по образу дѣлѣ все идетъ
еще довольно ладно. —

Между тѣмъ признаюсь,
Республика ли моя въ помѣ
виновата, или что иное, что
изъ всѣхъ эпихъ людей могъ
бы я употребить очень не-
многихъ.

Во первыхъ долженъ бы раз-
пустить весь классъ *полити-
ковъ*; ибо моя Республика дол-
жна идти сама собою, ко-
гда будетъ заведена; или же
не далъ бы я за нее ни чишки.

Солдатъ! моимъ людямъ
надобно быть благополучнымъ;
а не казаться такими; надоб-
но, чтобъ не стоило труда на
нихъ нападать, а насъ стоящихъ
разбойниковъ они не спрашива-
ются; они здоровые, плотные
ребята и умѣютъ владѣть
дубиной такъ хорошо, какъ
вы прочіе воздушнымъ руби-

ломъ. — Они конечно опобьютъ у васъ, при первой попыткѣ, охоту уводить ихъ женъ и дочерей. —

Архитекторовъ? — палаты, храмы, амфишптры не будупъ намъ надобны; а чпобъ построипъ себѣ изъ крѣпкаго лѣсу чистенькіе домики, когда годовое время и погода не позволяпъ намъ жипъ на чистомъ воздухѣ, на то не надобны намъ зодчіе. —

Мы будемъ довольствоваться тѣмъ, что произращаетъ на нашемъ оспрову Природа, и все это намъ самимъ надобно. И такъ намъ не чемъ торговать ни мѣняпъся — ваши *мореходцы и кулцы* могутъ ѣхать далѣе — у насъ нѣчего дѣлать. —

Безъ вашихъ *фабрикантовъ шерстяныхъ и шелковыхъ ма-*

терій можно бы намъ также обойтись. — Я постараюсь, чпобъ въ лѣсахъ нашего острова было споль много медвѣдей, волковъ, рысей и лисицъ, сколько надобно моимъ людямъ на зимнее одѣяніе; а для лѣшняго плашья покрою всю южную спорону деревьями, на копорыхъ распешъ хлопчатая бумага. Наши бабы и дѣвки будутъ сами собирать бумагу, прясъ, ткаць, красить, буде хотящъ, и дѣлаць изъ нее хорошія опряшныя плашья, ибо онѣ любящъ также наряжашься, какъ и ваши. —

„А на что плашье, спросящъ гимнософисты? —“

Во первыхъ для того, чпобъ солнце не повредило розъ и дилей ихъ кожи — а по томъ, чпо мнѣ не хочешя, чпобъ

глаза моихъ ребятъ и юношей такъ привыкли къ краскамъ ихъ возлюбленныхъ, чтобъ съ перваго взгляду знали ихъ наизусть.

Всю свитку художествъ служащихъ вашей пышности и роскоши — не умѣю ни во что упопребить, думаю даже, что успушимъ вамъ живописцовъ вашихъ и ваятелей. Я не охотно на это соглашаюсь; но опасеніе, чтобъ кому нибудь изъ васъ не пришло нѣкогда на мысль посипроить своей рожницъ домовую церковь и посвятивъ себя самаго жрецомъ ея, перевѣшиваетъ всю мою любовь ко всѣмъ симъ искусствамъ. И въ самомъ дѣлѣ могу я безъ нихъ очень хорошо обойтись. Если кому изъ моихъ молодыхъ покажется его любезная

пакъ хорошею , что онъ пожелаетъ передать ея образъ въ роды родовъ , — то пусть Амуръ пособитъ ему сдѣлать съ нее живую копию ; она будетъ всегда пригоже и прочѣе прекраснѣйшаго поршрета , копорой могъ бы съ нее написать *Лизиллѣ* , или *Алеллесѣ* .

Ваши повара , пирожники , торгующіе сластями , духами и проч. — Убирайтесь съ ними — Природа либо сама будетъ спрядать для моихъ людей , или научитъ ихъ спрядать ; сласти будутъ у нихъ расти на деревьяхъ и кустахъ , а мои женщины будутъ самыя опрятныя , аппетитныя и благоуханныя ; однакожъ на то не надобно имъ будетъ ничего инаго , кромѣ свѣжей ключевой воды ,

пукета цвѣшовѣ на грудяхъ и розовыхъ лиспьевѣ на ихъ мапрацахъ, или на мягкой муравѣ, гдѣ на нѣкоторыхъ условіяхъ позволю вамъ заспать ихъ спящихъ. —

Ваши *Философы*, *Стихотворцы* *Историки* и проч. — Они меня проспавъ, но я не знаю, что съ ними дѣлать. Половины вашей учености было бы довольно, чтобъ опьять безновопшно маленькой природы умъ у моихъ переведенцовъ — Спихотворцами сдѣлаеть ихъ любовь и радость. Опъ вашихъ Историковъ узнали бы они только пороки, которыхъ не надобно имъ знать, или добродѣтели, которыхъ имъ ни къ чему не годятся; Философіи не надобно имъ иной, кромѣ Діогеновой, — а этой научатся они

у своихъ маперей и нянекъ —
и такъ богъ съ вами, господа.

Комедіанты, Мимикки, Танцовщики и все, что под-
ходишь подъ это наимено-
ваніе, пусть будутъ въ тако-
выхъ республикахъ, каковы
ваши, весьма годные люди.
Они забавляютъ народъ, и
тѣмъ лучше для Правителя;
но у насъ они не годятся —
танцовать на учисья моя
молодежь у веселости, и
ежели къ тому заиграете
еще имъ на сельской дудкѣ,
чтобъ они наблюдали такъ;
то я держу закладъ, какой
хотите, что вы сами приде-
те и спанете перенимать у
нихъ простые танцы; захо-
тите подражать имъ въ тан-
цовальныхъ своихъ классахъ,
но неподдѣлаетесь подъ добро-
сердечную радость, которая

ихъ одушевляешъ: ее надобно чувствовашь; а чшобъ чувствовашь во всей ея чистотѣ, надобно бы вамъ бышь жипелями моего оспрова. — Мимикамъ не лзябъ было сдѣлашься вразумительными такому просному народу, каковъ мой, а комедіаншы — чшо предсшавляли бы у насъ? — Трагедіи. — За чѣмъ бы безъ нужды проливашь припворныя слезы прекраснымъ яснымъ очамъ молодыхъ моихъ бабъ. — Комедіи — между нами будешъ не болѣе дурачешва, какъ сколько неопшмѣнно надобно, чшобъ не бышь ни слишкомъ глупыми; ни слишкомъ умными; а эпова дурачешва не довольно къ произведенію карикашуръ, кошорыя зашавляюшъ паршперу ржашь. — Словомъ, мы найдемъ уже

средства провождать время. Оставыше для себя своихъ увеселишелей, а сверъхъ по-го чѣмъ заплашили бы мы имъ.

Докторовъ однакожъ надобно имѣть — — довольно дурно, есльи они вамъ надобны — я почишаю Иппократовъ. Мы рады имъ будемъ, когда къ намъ пожалуютъ, но имъ мало будетъ дѣла — воздухъ на нашемъ оспрову здоровъ и при прошомъ образѣ жизни, которую мы ведемъ, при умѣренности нашего спола, при веселости нашего духа, не имѣя заботъ, печали, честолюбія и иныхъ, кромѣ благошворительныхъ спраспей — увеселишелейныхъ прихопей, которыя содержатъ насъ въ пріятномъ ощущеніи нашего бытія — на что намъ Доктора. — Мы по-

просимъ васъ къ себѣ, господа, коль скоро наскучитъ намъ чрезчуръ единообразное здорье.

Всю прочую сволочь людей, копорые пипаются проворствомъ своихъ рукъ, или гибкостью своего языка, или поворотливостью своихъ бедръ — или угождениемъ вашимъ спрашьямъ, намбреніямъ и запбьямъ — дай богъ, чтобъ вы нашли способъ очистишь ваши Государства отъ этой дряни — на всякой случай есть еще множество необишаемыхъ оспрововъ, куда можете ихъ перевести — нашъ занятъ уже.

IV.

Онъ почно таковъ, какъ Аристотелю надобно, ни чрезчуръ холодень, ни чрезчуръ

пепелъ; воздухъ его чистъ и легокъ, пошва плодоносна, лѣса наполнены дичью, роши жаворонками, соловьями, щегленками, рѣчки и ручьи рыбами, луга и лощины покрыты спадами, а поля сарачинскимъ пшеномъ и пшеницею.

Вы видите, чѣно я запасся на нѣсколько сотъ лѣшъ, ежели только мои люди захотятъ приложитъ маленькой прудъ сохранитъ то богатство, которе я даю имъ. Поелику стоитъ только мнѣ ударитъ разъ жезломъ, по приказалъ я имъ построитъ хижины въ копорыхъ будитъ они впредь житъ.

Онѣ всѣ складены изъ хорошаго кедроваго лѣса, покрыты пальмовыми листьями, просторны, единообразны, незатѣйливы и разбѣяны въ рав-

номъ распояніи по всей жилой части моего острова, гдѣ почти все равнина. Я приказалъ построишь ихъ до шестидесяти тысячъ. Ежели впредь понадобится намъ болѣе, или старые обвешшають, то пусть мои островитяне сами о томъ пекутся. —

Эпо легко сказать, — но на то надобны будущъ топоры и пилы; ибо зубами едва перегрызуть они свои деревья въ бревна и доски, а чпобъ имѣшь топоры и пилы — надобны имъ желѣзные рудники, плавильни и молоповые заводы, а для этого надобно имъ, — провалъ возьми все, что имъ надобно имѣшь. Отъ этого разорилась бы вся моя Республика. Они будущъ жить въ глиняныхъ хижинахъ; но эпо былобъ неопрятно, а моимъ

людямъ не надобно бытъ гнуснымъ, — такъ въ пещерахъ и вершепахъ — на это не будетъ у насъ довольно каменныхъ горъ на оспрову, хопябъ всѣ были изрыпы пещерами; а городовъ никакъ не могу по нѣкопорымъ причинамъ позволишь строить — не знаю чѣмъ пособить — развѣ снабдить ихъ единожды на всегда шопорами и пилами, и спараться, чшобъ по крайней мѣрѣ всякія двадцать лѣтъ разбивало у ихъ береговъ корабль съ такими орудіями.

V.

Теперь пора мнѣ ввести своихъ колонистовъ въ новыя ихъ жилища.

Силою волшебнаго моего жезла заставилъ я ихъ проспать первыя осмнадцать

дѣтъ жизни ; а теперь всѣ они , молодцы и дѣвушки , пробужаются вдругъ съ ростомъ , крѣпостию и полнымъ цвѣтомъ оснадцатаго года , созрѣвши къ каждому пріятному чувствованію своего бытія , и ко всему тому маленькому кругу пріятныхъ упражненій , въ которомъ заключаетъ Природа свою дѣятельность. —

О амуръ ! и ты ласковая Венера ! всеумножающія боже-ства — васъ призываю — за своихъ дѣтей. Ваше дѣло развернуть эту сладостную и сильную склонность , которая впервые ощутилась въ ихъ сердцахъ , когда поведу ихъ на встрѣчу однихъ другимъ , и преворитъ въ любовь и нѣжное чувствованіе то , что

безъ васъ было бы одною игрою фибръ.

Не думайте, что здѣсь вызываю *Deum ex machina*. (Бога изъ машины) мнѣ чрезмѣрно нужна вышшая помощь, которую себѣ испрашиваю. Не бездѣлица учинишь щаспливыми на всю ихъ жизнь сто прицать тысячъ чловѣкъ осмнадцати лѣтъ ихъ. — Когда только надобно было приказать ихъ надѣлать, то кромѣ естественной склонности не нужно было ничто иное. Они пѣмъ лучше удались; но теперь, когда они уже сдѣланы, сдѣлать ихъ щаспливыми, или паче, поелику Природа нарочно о томъ пеклась, воспрепятствовать, чтобъ отъ неразумія и неопытности не сдѣлали они сами себя неща-

спными — вопъ в а ж н о й
пунктъ! —

Я желалъ бы, чпобъ волшебство мое такъ далече проширалось, чпобъ для нихъ изобрѣсть, кромѣ обыкновеннаго иной способъ сохранять свою жизнь и родъ; ибо разсудя все безъ предубѣжденія, надобность пищи и пипія и нѣчто иное, копорое обыкновенно докладывается, когда хорошенько наѣдишесь и напьешесь — есть настоящій источникъ почти всѣхъ золъ между смертными. За долго уже до прекрасной Елены нѣчто, чего не надобно мнѣ называть настоящимъ именемъ, подавало поводъ къ тысячѣ пагубныхъ неуспройствъ. И какъ мало корыспливыхъ пороковъ оспалось бы, еспьли бы

могли мы пипашься воздухомъ и солнечными лучами.

Но эпого уже перемѣнишь не лзя. бѣдныя мои пипомцы ! шупъ добрая моя воля не принесешъ вамъ никакой пользы. Вамъ надобно пипашься и понимаься , шакъ какъ и всѣ прочіе жипели земли. Я немогу ничего инаго сдѣлать , какъ спросить за васъ Природу , какъ ей хочешся , чшобъ вы дѣлали по и другое — ибо я не столь беспыденъ чшобъ воображалъ себѣ, чшо знаю эпо лучше Природы.

Начнемъ же съ сочепанія. Эпо дѣйствительное самое нужное дѣло ; ибо мои молодцы и дѣвушки сидятъ теперь всѣ подъ деревьями своихъ жилищъ , разсѣянны по всему острову и служебные мои души угощаютъ ихъ умбрени-

нымъ кушаньемъ сарачинскаго пшена и плодовъ, въ чемъ впредь будетъ состоятъ обыкновенная ихъ пища. Послѣ спола подымушся они танцовать — а до тѣхъ поръ надобно кончить эту часть нашего законодательства; дѣло не терпитъ отлагательства.

Платонъ почитаетъ общество женъ за самое вѣрное средство сдѣлать ихъ безвредными: можетъ быть это годится въ его республикѣ, которая составлена изъ однихъ идей, и которой предметъ одни идеи! — въ моей, гдѣ должно происходить все натурально, не годился бы этотъ способъ. Отъ того прешерпѣло бы население моего острова. Наши дѣти стали бы искать въ каждомъ мужчинѣ своего отца, и нигдѣ

не нашла бы его точно для того, что каждой другой могла бы быть также, как это, или по-т. Любовь, которую, кажется мне, хотела Природа сделать для нас источником блаженства, была бы унижена до простой надобности и скопского хотения — словом, я не понимаю, как можно бы моим людям быть при этом распоряжении так щасливыми, как бы я желал их сделать. —

Но Платонъ говоритъ :
„какимъ инымъ средствомъ
„оправитишь безчисленные
„беспорядки, которымъ опво-
„ришь тысячу воровъ введе-
„ниемъ собственности между
„обоими полами — и не ви-
„дишь ли, что отдавая сво-
„ихъ людей на маленькія се-

„мейства, раздробляешь госу-
„дарство на безчисленные
„особенные общества, изъ
„которыхъ у каждого есть
„своя польза ближе общей. — “

Это я вижу, божествен-
ной Платонъ! такъ какъ и
то вижу, что всѣ тѣ не-
порядки, которые кажутся
тебѣ столь страшными,
отвращаешь тѣмъ, что пере-
мѣняешь имена вещей, и без-
порядокъ въ своей республикѣ
дѣлаешь порядкомъ — вижу
также и то, что для поспѣ-
шества общей пользѣ идеаль-
наго твоего государства ис-
пребляешь ты всѣ тѣ чув-
ствованія, по которымъ благо
общее становится важнымъ
для каждого человека, или,
сказать короче: по которымъ
можно себѣ вообразить общую
пользу. —

Я въ помѣ не виноватѣ, чпо Природа оставила въ чело-вѣкѣ споль много отверспій и щелей, въ которыя можетѣ вкрадыватѣся заблужде-нїе и порча.

Но при всемѣ помѣ пусть сдѣлаютѣ меня жрецомѣ ма-тери *Берекинфїи*, ежели ша-же чудная вещь, о которой я вамѣ сказалѣ, не произведетѣ на моемѣ оспрову въ пысячу разѣ меньше хлопотѣ, неже-ли на всѣхѣ вашихѣ оспро-вахѣ, полуостровахѣ и твер-дыхѣ земляхѣ цѣлаго свѣта.

У меня около шестидеся-ти пысячь парней и десять пысячь дѣвушекѣ, лишнихѣ пропивѣ парней — которыхѣ право не намѣренѣ я посвя-титѣ Дїанѣ — какѣ! чпобѣ я оставилѣ въ пару десять пысячь дѣвушекѣ пригожихѣ,

свѣжихъ и самыхъ здоровыхъ. — Ни одной право, ни одной — пока я Диогенъ, сынъ своей матери.

И шакъ нѣтъ инаго средства, какъ сдѣлать для десяти тысячъ дѣвушекъ столько же новыхъ молодцовъ — а мнѣ это теперь очень невозможно — или раздѣлить ихъ на всѣ шестьдесятъ тысячъ, и это было бы прошивно моему Анциплатонизму или. —

Вотъ те на! они скоро наскучили пляскою. По двое, или по трое разбрѣлись, какъ Граціи, по пріятнымъ кустарникамъ, которыми переплелъ я жилище ихъ, какъ вѣнками. —

— Теперь могу оставить шрудъ придумывать способы. Амуръ и его мать насмѣялись бы надо мною, и пошло бы ни

хуже, ни лучше того, какъ имъ хочется — лучше соглашусь добровольно.

И пакъ, милые боги любви! да будетъ все предоставлено вашему вниманію; дѣлайте въ этотъ вечеръ, праздникъ посвященія моей Республики, столько союзовъ, сколько вамъ угодно и можно. Не слѣпой случай, ни постороннее повелѣніе, копорому рѣдко покаряется сердце, будутъ сочеташелями моихъ пипомцовъ. Опнынъ на всегда опказываюсь отъ всякаго произвола, копорой могъ бы я себѣ присвоить подъ какимъ ни естъ предлогомъ. Амуръ одинъ имѣетъ право повелѣвать ихъ сердцами — думаю, что онъ не забудетъ десяти тысячъ моихъ дѣвушекъ. Естли можно ему будетъ уговорить

десять тысяч ихъ сестръ по-
любовно сдѣлаюсь съ такимъ
же числомъ молодцовъ, но кто
можетъ тому поперѣчить —
но не позавидуютъ ли прочія
пятьдесятъ тысячъ молод-
цовъ? — нѣтъ, ежели каждой
любимъ свою красавицу такъ,
какъ я нѣкогда любилъ свою
Гликериону — но ешь ли
нѣтъ — инъ какъ хопятъ
сами, меня на все не спа-
нутъ. —

VI.

Ежели бы ваши Короли и
Князья могли себѣ предста-
вить, сколь пріятно сдѣлашь
щасливыми пакое множе-
ство людей! ничто въ жизни
не приносило мнѣ такъ совер-
шеннаго удовольствія, какъ
то представленіе, что сдѣ-
лалъ щасливыми хопя на

одну ночь сто придецаць тысячь любви достойныхъ молодыхъ шварей.

Мои законы о бракѣ приведены шеперь въ порядокъ. Въ двадцаць лѣтъ, надѣюсь, будетъ мой островъ нарочито населенъ.

Есть ли вѣчная любовь ? Этого я не знаю. А по извѣстно, чпо безразсудно бы-лобъ клясья взаимно вѣчною любовію, сколь ни склонны къ тому шесшнадацапи лѣтніе ребяша ; но бышь обя-заннымъ клясья вѣчною любовію, — нѣтъ дѣпушки, я не подамъ вамъ поводу, чпобъ вы шѣмъ скорѣе наскучили одни другими. —

Кому соблазнишельна ша вольность, копорую даю я своимъ островилянамъ, шопѣ, думаю, конечно привыкъ измѣ-

ряпъ свѣпъ полупоперешникомъ того маленькаго круга, копорой обвелъ онъ около себя самаго, и того мѣста, гдѣ онъ нѣчто значитъ, ободочками на одинъ или на два часа распоянїя. Нѣпъ ничего глупѣе, какъ почитать все смѣшнымъ или соблазнительнымъ, что не по нашему сдѣлано. Въ самомъ дѣлѣ однакожъ разность состоипъ въ томъ, что вы прочіе берете сами себѣ ту вольность, копорую добровольно я оставляю своимъ подданнымъ; ибо не люблю давать законовъ для того только, чтообъ доспалось мнѣ на многое разрѣшать, и какъ ывать за многое.

Не знаю, для чего бы не быпъ бракамъ на моемъ оспрову прочными. Чесполобіе, корысть, несогласіе нравовъ,
Ъ

смертельная вражда, слабоспъ или иныя причины къ разводу, какъ бы ихъ ни называли, не существуютъ у насъ — Однакожъ я позволяю своимъ людямъ дѣлать въ нѣкопрыхъ обспояпельспвахъ мѣну, еспъли она шолько послѣдуетъ съ добраго согласія всѣхъ споронъ. На шѣхъ, копорые, не мѣняясь никогда, проживушъ вмѣстѣ сорокъ лѣтъ, возлагаеися публично вѣнецъ ясиновой и мирповой, и чрезъ то даеися имъ право сидѣть въ большомъ мѣстѣ на всѣхъ празднеспвахъ съ такимъ вѣнцомъ на головѣ, и въ собраніяхъ сказывать свое мнѣніе прежде всѣхъ.

Красавицу — (вообще нѣтъ дурныхъ въ моемъ оспровѣ), копорую можно уличить, что она вдругъ благопріятспвова-

ла двумъ любовникамъ, присуждающъ приходишь на всѣ празднества и общенародныя веселости съ чепцомъ изъ козьеи шерсти осмнадцати дюймовъ вышиною, и въ остроносыхъ башмакахъ вышиною въ шесть дюймовъ — это наказаніе въ глазахъ моихъ островитянъ такъ ужасно, что на всемъ земномъ шарѣ — нѣтъ п варей оснорожибе ихъ.

Впрочемъ не позволено на моемъ островѣ мѣшаться въ чужія любовныя дѣла. А естълибъ кому вздумалось подкраситься въ слѣдъ за нѣжной чеплой въ пещеру, или ошкрышь мужу, что видѣлъ жену его сидѣвшую съ другимъ за розовымъ кустарникомъ — такого, или такую сажаютъ безъ малѣйшей по-

щады въ ладью, и съ попушнымъ крѣпкимъ береговымъ въспромъ пускающъ въ открытое море, учтиво препоручая ихъ Трифонамъ и Нерейдамъ. Одной такой злопворной крестуры было бы довольно разсѣять сѣмена раздора по всему моему оспрову.

Вы мнѣ возразите, что при такомъ положеніи дѣлъ не возможно уличить когда либо красопку, что она благопріятствуетъ двумъ мужьямъ вдругъ. Признаюсь, что это прудно, однакожъ не не возможно; ибо не возможно было не исключить изъ того закона, о которомъ я прежде упомянулъ, того мужа или жену, которые были бы сами непосредственно замѣшаны въ такомъ случаѣ. Положимъ, что я увидѣлъ бы, что моя

собственна́я жена ищетъ уединенія съ другимъ, но (если-бы былъ столько неучтивъ, чтобы ихъ заспалъ) не только позволено мнѣ подвергнуть ее наказанію оспроносныхъ башмаковъ и пирамиды изъ козьей шерсти, но имѣю право и претовати отъ нея любовника, чтобы уступилъ свою жену за мою, буде только есть у меня охота къ раз-мѣнѣ.

Однакожъ увѣряютъ меня мои духи, имѣющіе дарованіе вычислять приключенія нравственнаго свѣта на нѣсколь-ко столѣтій въ передъ съ такою точностію, какъ наши Аспрономы солнечныя зашмѣ-нія. — Что этотъ случай едва встрѣтится ли пять или шесть разъ въ первые двадцать пять лѣтъ моей Респу-

блики : что, думаю, пять или шесть тысячъ разъ менѣе, нежели моглобъ случиться въ одинъ мѣсяцъ въ каждомъ другомъ Государствѣ (предполагая равное число жителей).

Амуръ, къ которому я имѣю въпрочемъ все должное почтеніе, прости мѣня, когда скажу, что онъ по природѣ своей такой плутишка, которому опіюнь возбранить не лзя дѣлать отъ времени до времени маленькія шалости. — Я не могу сдѣлать его иначе — и вызываю всѣхъ вашихъ законодателей и нравоучителей его передѣлать. И такъ не ошалось мнѣ ничего иного, какъ либо совсѣмъ опрѣзать ему крылья — а если вы можете на то рѣшиться, то опрѣжьте также и все прочее, что можно опрѣ-

зашь — или сдѣлашь осторожность одною изъ главныхъ добродѣтелей въ моемъ народѣ, какова она есть и въ самомъ дѣлѣ, гдѣбѣ и въ какихъ бы обстоятельствѣхъ вы ни жили.

Слово ревнивость совсѣмъ исключилъ я изъ трехъ сотъ шестидесяти словъ, изъ которыхъ состоитъ языкъ моего острова — худо ли я въ томъ поступилъ? —

VII.

Около каждаго жилища въ моемъ новомъ селеніи приказалъ я насадить рожицу плодовыхъ деревъ, и кустарниковъ, и маленькой садъ, разположить поле подъ сарачинское пшено, и лѣсокъ деревъ, съ которыхъ собирается хлопчатая бумага.

У каждаго маленькаго семейства довольно мѣста для хлѣбопашества; чѣмъ болѣе оно размножается, тѣмъ болѣе у него работниковъ: мужчины обрабатываютъ свое поле, трудятся въ саду, или ловятъ рыбу, или ходятъ на ловлю звѣрей въ общественные лѣса. Молодцы и дѣвушки пасутъ стада и смотрятъ за ними, пока не выдутъ изъ пастушьихъ лѣтъ, а женщины занимаются внутреннимъ хозяйствомъ, смотрятъ за огородомъ, стряпаютъ кушанье, и хлопчатая бумага передѣлывается въ прекрасныхъ ихъ рукахъ во всѣ тѣ многоразличные виды, въ которыхъ спановится способною замѣнить имъ недостапокъ всѣхъ Персидскихъ и Индѣйскихъ рукодѣлій.

За всѣми шаковыми работами — копорья только и надобны моимъ людямъ для того, чѣтобъ съ лучшимъ аппетитомъ поѣсть и пѣмъ слаще поспать — остается у нихъ еще довольно времени на пѣ увеселенія, въ копоряхъ собственно состоишь наслажденіе жизни.

У отца остается довольно времени рѣзвиться съ своими дѣтьми, и забавляясь научать своего мальчика стрѣлять изъ лука, или зарабатывать свой завтракъ бросаніемъ дрошика; а молодая дочери учатся между пѣмъ у прекрасной матери подражать пѣнію соловья, подыгрывать на цитрѣ къ пѣснямъ какого нибудь спихотворческаго паспнуха.

Ввечеру обыкновенно собирается нѣсколько сосѣднихъ семействъ подъ деревья пріятнаго мѣста. Въ музыкѣ и добросердечной шулкѣ проходящъ дружественные часы, Они смопряжъ на игры своихъ дѣшей, вспоминая при помѣ сладостной сонъ своего дѣшства.

Признаюсь, что я спавляю за велико праздность и веселости, Рабоша есть средство къ намѣренію нашего бытія, но не самое намѣреніе.

Добрые пипомцы! вамъ остається жить не болѣе сорока или пшидесяти солнечныхъ годовъ, ежели вычпушо время, которое вы проспали: какъ же не упопрелять мнѣ всевозможнаго спаранія, чшобъ вы наслаждались своимъ бытіемъ?

День учрежденія моей Республіки, начало каждаго времени года и каждаго мѣсяца, и жатва, и собираніе винограда суть публичные праздники, въ копорые дуешъ по всему моему оспрову духъ всеобщаго веселія.

Праздники суть главное средство, копорымъ я сохраняю въ своемъ народѣ согласіе, дружелюбіе и всеобщее благополучіе. По симъ почно днямъ измѣряю ихъ жизнь. Я дожила уже до принадлецати праздниковъ розъ, говоришъ дѣвушка, когда хочешъ сказаць, что ей принадлецать лѣтъ отъ роду — объ эсихъ дняхъ съ веселіемъ воспоминають во всѣ прочіе, и ожиданіемъ ихъ ободряются къ прилѣжанію.

Дѣвушки и женщины щастельнѣе работаютъ для того, чѣобы въ будущей праздникѣ выпши въ лучшемъ нарядѣ; а мужчины стараются заготовить достаточной запасъ, чѣобы можно было повеселиться съ своими сосѣдами по простому своему обычаю.

Вообще смѣло скажу, чѣо едва еспьли еще другая земля на свѣтѣ, гдѣ бы въ вышшей степени наслаждались блаженствомъ, лежа въ подѣ деревомъ и опдыха въ бездѣлья — или гдѣ была бы въ праздничные дни радость дружельюбнѣе, сострастнѣе, вселюднѣе, а при помѣ невиннѣе и скромнѣе, какъ на моемъ оспровѣ. Мой народъ есть добросердечной, веселой, гуливой родъ твореній, копо-

рыя радуюцца вмѣстѣ пому, чпо живуць на свѣтѣ, и не імбюць панясія о помѣ, какимъ образомъ должнобъ было поступаць, чшобъ огорчаць жизнь однимъ другихъ, или на чшобы эпо дѣлаць. Я опняль у нихъ всѣ случаи къ такимъ ненашуральнымъ догадкамъ.

Въ совершенномъ удосто-вѣреніи, чпо каждой шагъ, удаляющій ихъ отъ простоты и умѣренности Природы, удалилъ бы ихъ отъ благополучія — спарался я всемѣрно сдѣлаць імъ невозможною поперю эпой благошворительной простоты.

Изобрѣташеля новой пляски, новой пѣсенки, новаго напѣва, награждаешъ удовольствіе, которое шѣмъ приносиць онъ своимъ подругамъ

(такъ называютъ одинъ другаго мои осипровицыяне). Но изобрѣшатель каждой другой новости или новизны, копорая клонилась бы ко мнимому поправленію образа ихъ жизни, образа селишься, бсть, спать, одбваться, или ихъ работъ, нравовъ, и единообразія во всемъ этомъ, навлекъ бы на себя почно также какъ возмушитель супружеской пишины то награждение, что его посадили бы въ ладью и вбчно сослалибъ въ опкрытой океанъ.

Изящное и хорошее печетъ безпреспанно по одной тихой волнистой чертѣ между безчисленными уклоненіями. Оно по природѣ своей единообразно — когда кто однажды его имбешъ, то каждая переменна ведетъ къ худ-

шему, чтобы ни говорили ваши философы.

Чтобы их совершенно убедить, пришлите ко мне одного молодого Афинянина и посмотрите, что сделает он с моей бедной Республикой в недлю.

В шумящей багряной одежде, испиканной серебряными цветами капишь мой вожливым господчик, испуская из себя воню Аравийских масел и эссенций, в красивых кудрях, в красивой обуви, словом: блестя вокруг как Фебов Аполлон, когда часы опворяют ему злые врага ушра — какіе сделает он восклицанія, увидя моих красавиц в простом своем наряде самопряденой шерсти; что волосы у них искусно переплещены цвѣта-

ми; что онѣ безъ серегъ, колецъ; что у нихъ нѣтъ въ кудряхъ цвѣтковъ изъ перспрыхъ дорогихъ камней — какія восклицанія при входѣ въ ихъ избы, при сполахъ, праздникахъ, при ихъ пляскахъ — боги! какъ прелестны были бы сіи дѣвушки, есѣлибѣ воспитаніе способствовало щасливому ихъ расположенію! Какъ жаль, что такія любезныя швари должны вестъ такой бѣдной родъ жизни! — Мы щасливы, молодой незнакомецъ — вы называете это щасіемъ, бѣдныя швари. Жалѣю о вашемъ невѣжесствѣ. — Теперь занимается онѣ вывестъ ихъ изъ этого невѣжесства, отъ котораго дѣйствительно зависитъ ихъ благополучіе. Имъ трудно его понять; но чего

не можетъ онъ описатьъ , по показываеиъ примѣромъ. Его нарядъ , уборы , золото , цѣлой заводъ ста маленькихъ хорошихъ мебели , которыя онъ при себѣ имѣеиъ , и которыхъ употребленія не отгадалибъ они никогда — все это дѣлаеиъ впечатлѣнiе. Начинаюиъ примѣчаиъ , что они несмысленны , бѣдны , просны — тысяча новыхъ вождедѣнiй раждаеиъ въ обмаиной душѣ и мѣшаеиъ спокойной дремоиъ неразвернувшихся еще ихъ способностей. Услужливой мой разврапникъ пользуется нещаспливыйиъ расположенiемъ , которое онъ началъ имъ внушаиъ. Онъ велитъ себѣ поспроитъ между ими палаты , даеиъ имъ золото , художества , науки , промыслы , — дѣлаеиъ ихъ

щастливými на нѣскольکو дней. Они почипають его за нѣкое благопворишельное божество. И можно ли изъ благодарности сдѣлать меньше, какъ опдашься ему въ рабство? —

Чно будешъ слѣдствиемъ того? —

Не прошло еще десяти лѣтъ, а уже островъ мой загромозженъ ремесленными людьми, художниками, купцами, мореходцами, полиптиками, жрецами, воинами, судьями, спряпчими, казенными опкупщиками, докпорами, философами, стихотворцами, комедіаншами, мимиками, фиглярами, морочилами, мошенниками, сводниками, плушами, нищими — шакъ какъ на Испмическихъ играхъ. — Подарокъ его былъ

Пандорина коробочка. Мы дали ему свою вольность, спокойствие, безпечную веселость, щастливую праздность, а намъ далъ онъ за то надобности, справки, глупости, пороки, болѣзни, заботы, печали, ввалившіеся глаза, впалыя щеки, — какъ щастливо передѣлалъ онъ Республику Діогенову! оспровъ его шеперь по милости вашихъ художествъ и наукъ, то, что ваши острова. —

Вотъ что я долженъ былъ вамъ доказать.

VIII.

Я далъ уже вамъ столько много примѣнить образъ моихъ мыслей, что почти не нужно говорить о конспинуціи моей республики. Она очень проста; на ея изобрѣ-

пеніе не потрапилъ я ни пол-
часа времени.

Кромѣ той разности, ко-
порую дѣлаетъ сама Приро-
да, всѣ мои люди равны ме-
жду собою, — и просятъ
Аристошеля чрезъ меня, чтобъ
онъ не гнѣвался, что почи-
таютъ по положеніе „что
сильнѣйшій есть естествен-
ный властелинъ слабѣйшаго“,
за самое скаредное положеніе,
которымъ когда либо прежде
времени разрѣшился мозгъ
Философа.

Сильнѣйшій есть есте-
ственный охранитель слабѣй-
шаго — вопль все. Его сила не
даетъ ему права, а налагаетъ
только обязанность.

При неухищренномъ сель-
скомъ образѣ жизни моихъ
оспровитянь, при ихъ немно-
гихъ надобностяхъ, при осмо-

припелельности, которую я
упопребилъ, для отвращенія
чрезчуръ шбснаго соединенія
между ими, при справедливой
довбренности, которую воз-
лагаю на благость Природы, и
при немногихъ законахъ, ко-
порые разсудилъ я за нужное
дашь имъ шочно для шого —
не понимаю я, за чбмъ бы
мнб опасаться такъ большей
степени порчи между ими,
чшобъ эшо побудило меня
дашь имъ для переду мудре-
ное градоуспройшво. —

Ваши законодапели, ка-
жешся мнб, свъ вашего позво-
ленія часто походяшб на
шого добраго честнаго медвб-
дя, которой стоняя муху,
сбвшую на носъ спящему пу-
спыннику, его другу, схва-
шилъ большой камень и од-

нимъ махомъ убилъ муху и
пустынного.

Еспьли же, пропивъ всяка-
го чаянїя, произошлибъ въ мо-
емъ народѣ маленькія распри,
или же кто нибудь, забывъ
себя отъ своевольства, отъ
ревности, или въ сердцахъ
сдѣлалъ другому по, чего бы
не хотѣлъ, чшобъ ему сдѣ-
лали, то не-трудно будетъ
очень скоро привести все въ
прежнее состояніе безъ спряп-
чихъ и судей, безъ Нижняго
и Верхняго Суда.

Обыкновенно бываетъ дѣло
такъ не важно, чшобъ нѣко-
порымъ терпѣніемъ съ одной
стороны и съ небольшою
успулкою съ другой, легко
можно его прекратить.

Въ случаѣ нужды просятъ
человѣкъ двухъ сосѣдовъ разо-

братъ дѣло, подвергаяся ихъ приговору безпрекословно.

Насилій не лзя опасаться въ такомъ пикомъ народѣ, каковъ мой. На всякой же случай полагаюсь, что чувствованіе общественной пользы, по первому слуху, вооружилобъ споль многихъ людей, сколько бы нужно было для защищенія угнѣннаго ошѣ упѣснишеля.

Вообще ненадобны законы такому народу, копорымъ управляюпѣ нравы, пока онѣ охраняетѣ свои нравы. А еспѣли мои оспровиптяне потеряюпѣ когда нибудѣ свои, шо - да помилуетѣ ихѣ Богѣ — нужда также научитѣ ихѣ дѣлапѣ законы, какѣ Платона и Аристошеля. — Но что законы безѣ нравовѣ?

IX.

Поелику не можетъ народъ имѣть нравовъ безъ вѣры, то и своего не оставилъ я безъ нее. Я далъ имъ вѣру, сообразную крайней простотѣ всей ихъ конституціи. Безъ хвастовства сказать, она дружелюбна, благопворна мирна, а сверхъ этого въ ней и та особенная доброта, что она не такъ легко поршится или вешшается, какъ другая, да и злоупотребленіе ея могло бы сдѣлаться развѣ въ самой малой степени предосудительнымъ обществу.

Я поставилъ бы себѣ за удовольствіе подать о ней почтѣйшее свѣденіе, если бы не должно было опасаться, что по нѣкоторымъ причинамъ навлеку на бѣдную

мою республику ненависть всѣхъ жрецовъ боговъ Юпитера, Марса, Аполлона, Меркурія, Вулкана и Нептуна и богинь Юноны, Сивиллы, Дианы и Минервы — не упоминая о несмѣтныхъ божествахъ второй степени и подземныхъ. Это опасеніе тѣмъ справедливѣе, что, какъ извѣстно, Діофантъ, Юпитеровъ жрецъ, мнѣ не благопріятствуетъ.

Солонъ, столь благоразумной мужъ, что вы дали ему первое мѣсто между семью мудрецами, Солонъ, законодатель Аѳинской имѣлъ въ такихъ лѣтахъ, въ коихъ обыкновенно требуютъ довольно смѣлости и расположенія (*).

(*) Здѣсь къ великому сожалѣнію Издателя нѣчто пропущено въ рукописи;

Х.

А какъ долго, думаешь Диогенъ, проспояла бы эпа глупая вещь, копорую называешь пы своею республикою? —

Этотъ же вопросъ сдѣлалъ я и Александру, но опвѣчаю на по по своему. Она до шѣхъ поръ проспойшъ, пока мои Оспровитяне опъ выше помянушаго Аѳинянина, или инымъ какимъ случаемъ не узнаюшъ всѣхъ шѣхъ выгодъ, копорыя вы передъ ними имѣете. Невѣжесиво, копорое у васъ одно изъ самыхъ

чего никакъ не въ силахъ онъ пополнить.

большихъ золъ, есть у моего народа главное основаніе его благополучія.

„Но развѣ невозможно, говорите вы, съ порядкомъ, нравами, со всеобщею добродѣтелью и всеобщимъ благополучіемъ соединить остроты и вкуса, покойности, великолѣпія, изобилія и всѣхъ выгодъ роскоши? — „

Нѣтъ ничего легче — въ такомъ государствѣ, которое, такъ какъ республика Діогенова, должно бытъ одною мечтою.

Я желалъ бы, чпобѣ Александрѣ Македонскій, или Царь Вавилонской, или первой Царь, которой придетъ вамъ въ го-

лову, благоволилъ опровергнущь мое мнѣніе опыномъ. Кпо знаешъ, что можетъ случиться въ тысячу или двѣ тысячи лѣшъ. —

Признаюсь въ томъ, что для зрителя, которой, на примѣръ: взглянулъ бы съ луны на половину нашего шара, на нестрой его видъ въ безконечномъ его разнообразіи жителей съ преугольными, четверугольными, круглыми и овальными головами, съ орлиными, плоскими, вздернутыми носами, съ длинными, курчавыми, бѣлыми, рыжими, и черными волосами, съ бѣлою, смуглою, темножелтою, оливковою, или какъ смола, черною кожею, высокаго, посредственнаго или

крошечнаго росту, одѣтыхъ въ золотыя и серебряныя парчи, въ шелкъ, пурпуръ, полошно, хлопчатую бумагу, въ овечью шерсть, въ козью, медвѣжью, или шюленью кожу, или безъ плащя съ передниками или воронками по бедрамъ, или же безъ передниковъ и воронокъ, въ домахъ мраморныхъ, кирпичныхъ, деревянныхъ, проспниковыхъ, глиняныхъ, или изъ коровьяго навозу, со всѣми ихъ разноспями въ образѣ жизни, во нравахъ, варварствѣ, успройствѣ, и пиранспвѣ, со всѣмъ ихъ вѣрованіемъ въ безчисленные образы божествъ, и со всѣми ихъ личинами ложныхъ добродѣтелей и мнимыхъ или затѣйныхъ совершенствъ снаружи — что

такое, говорю, зрѣлище для луннаго зрителья (которому не было бы опѣ того никакой иной прибыли или убыли), было бы гораздо пріятнѣе, нежели видѣ такого единообразнаго народа, каковы мои островитяне.

Сіе предспавленіе могло бы, здѣлавъ одинъ шагъ впередъ, довести насъ до той мысли, что люди сотворены только для того, чтобъ служить забавою своевольству какого нибудь сильнѣйшаго рода духовъ — но эта мысль такъ оскорбительна, желчна и ненавистна, что не можно мнѣ и на минушу почтпашъ ее возможною.

Я опнюдь презритель вашихъ художествъ и наукъ.

Когда народъ дошелъ уже до
шого, что онъ ему надобны;
то не можетъ сдѣлать ничего
лучше, какъ упражняться въ
нихъ, пока достигнетъ воз-
можнаго совершенства. Чѣмъ
болѣе удалились вы отъ пер-
вобытной простоты Приро-
ды; чѣмъ сложнѣе машина
вашего устройства, чѣмъ за-
пущаннѣе ваши выгоды, чѣмъ
испорченнѣе ваши нравы, тѣмъ
нужнѣе вамъ Философія,
чтобъ прикрыть ваши недо-
спашки, согласить пропиво-
борствующія выгоды и под-
переть зданіе, угрожающее
повсечасно паденіемъ, сколь-
ко она можетъ и умѣетъ.

Но за то признайтесь и
мнѣ, что эта самая Филосо-
фія, буде благопвврительное

ея дѣйствіе не будетъ основано несчетнымъ множествомъ пропивудѣйствующихъ причинъ, поворошитъ васъ ояшь поспешенно и непримѣтно къ той же переобытнкой простотѣ, съ которой вы соврапились — или же возспановленіе здоровья конечно не былобъ предметомъ лѣкарства.

Въ нынѣшнемъ вашѣмъ состояніи не все ли доказываютъ вамъ философы ваши, что вы разсуждаете почти обо всемъ неправильно, поступаете — почти все несправедливо, и что во всей вашей конституціи, порядкѣ и образѣ жизни должно бы почти всему быть иначе, нежели каково есть — это значитъ удостовѣрять

больнаго , что онъ боленъ — главное дѣло былобъ сдѣлать его здоровымъ — но я ударился бы объ закладъ , что у васъ нѣтъ почнаго намѣренія ни лѣчить, ни выздоравливать. Я бы могъ вамъ сказать очень хорошую причину, за чѣмъ такъ думаю, но не все должно сказывать, что знаешь.

И такъ думаю, что въ разсужденіи того, что я невиноватъ, когда снѣгъ кажется мнѣ бѣлымъ — не погнѣваешься на меня за то, что опшюдь понять не могу, какъ можно быть щасливимъ съ тысячью надобностей, — или что имѣть такое ужасное множество нуждъ есть такъ славное дѣло, какъ вы себѣ воображаете.

По этому одному удо-
вѣренію почелъ я себя обя-
заннымъ избавить жителей
моей республики, которую
могъ сдѣлать такою, какъ
мнѣ хотѣлось, отъ столь
многихъ нуждъ, сколько воз-
можно было. Я бы не могъ
спать спокойно ни одной но-
чи, еслибы долженъ былъ
дѣлать себѣ это попрекъ;
не лучшебы ли было совсѣмъ
ее не дѣлать, нежели сдѣ-
лать несчастною.

Итакъ по сей горячности
къ моимъ тварямъ, и чѣмъ,
сколько отъ меня зависить,
опытять всякой у нихъ слу-
чай развернуть свою способ-
ность къ совершенству — не
могу я не ударить для нихъ
еще разъ своимъ волшебнымъ

жезломъ и весь островъ сдѣ-
лашь навсегда и навѣки не-
видимымъ. Всѣ пруды, какіе
ни принималибъ когда либо о
его открытіи ваши мореход-
цы, были бы напрасны — они
не найдутъ его вовѣки вѣ-
ковъ.

К о н е ц ъ.

